

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ
ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ.
„ИЗВЪСТІЯ
Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Съвера“.

1917 г. № 7—8-й. Июль—Августъ.

Народо-хозяйственное значеніе лѣса *).

Граждане!

Въ переживаемый нами историческій моментъ революціоннаго пересозданія нашей родины, передъ гражданами свободной Россіи одинъ за другимъ встаетъ цѣлый рядъ самыхъ жгучихъ, самыхъ неотложныхъ вопросовъ будущаго устройства страны, задачъ, рѣшеніе которыхъ должно служить фундаментомъ для прочнаго и плодотворно-хозяйственнаго развитія всѣхъ слоевъ ея населенія.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ, если не самымъ важнымъ изъ этихъ вопросовъ для нашей страны—съ ея, по преимуществу сельско-хозяйственнымъ и деревенскимъ укладомъ жизни, является вопросъ аграрный или земельный. Что будетъ съ землей, съ ея пѣдрами, съ ея лѣсами, водами и естественными богатствами, кто и въ какой мѣрѣ будетъ ими владѣть, пользоваться и распоряжаться, этотъ вопросъ волнуетъ и беспокоитъ всю Россію, всѣ слои нашего общества.

Васъ, представителей крестьянства самой обширной губерніи Европейской Россіи, этотъ вопросъ долженъ затрагивать особенно глубоко. Правда—Архангельскую губернію, въ силу суровыхъ климатическихъ условій, а также благодаря нѣкоторымъ особенностямъ географическаго и экономическаго порядка нельзя считать губерніей земледѣльческой-хлѣбодобывающей. Эта губернія населена слабо, бѣдна почвами, приведенными въ культурное состояніе и лишена путей сообщенія, которые, какъ Вамъ извѣстно, являются въ современной намъ жизни наиболѣе могучимъ средствомъ хозяйственной дѣятельности челоуѣка. Населеніе Архангельской губерніи живетъ почти исключительно привознымъ хлѣбомъ, своего хлѣба создаетъ мало и, пока что, существуетъ промыслами, богатство которыхъ обусловливается наличиемъ громадныхъ-шихъ лѣсовъ, великолѣпныхъ рѣкъ и озеръ. Въ этимъ природнымъ источникамъ народнаго богатства, силы и благополучія необходимо прибавить еще одинъ, а именно—близость моря, съ открытымъ и исключительно намъ принадлежащимъ выходомъ къ океану, что, конечно, должно являться громаднымъ плюсомъ въ общей суммѣ благъ, дарованныхъ исторіей и природой жителямъ Архангельской губерніи. Итакъ,

*) Докладъ, читанный на Крестьянскомъ Съѣздѣ въ г. Архангельскѣ 20 іюня 1917 года.

лѣса и воды, рыба и дичь, морскіе промыслы и, наконецъ, мореходство являются главнѣйшими средствами существованія населенія нашего Сѣвера. Къ этимъ источникамъ народнаго благосостоянія внослѣдствіи должны присоединиться правильное оленеводство, обширное скотоводство, съ сопряженными съ нимъ отраслями сельско-хозяйственной дѣятельности, и, наконецъ, травосѣяніе и культура нѣкоторыхъ зерновыхъ хлѣбовъ. До послѣдней отрасли человѣческаго труда въ южной части Архангельской губерніи обозначается впереди огромная замачивая будущность. Однако, для осуществленія этой возможности еще недостаточны однихъ даровыхъ полезностей природы, которыми сытъ теперь житель сѣверной окраины. Расчистка поженъ и естественныхъ луговъ, осушеніе ихъ, распахка вѣжныхъ склоновъ суходольныхъ участковъ съ суглинистой и супесчаной почвой требуютъ уже приложенія труда и денежныхъ затратъ, которые внослѣдствіи возмѣщаются сторицею, лишь при условіи планомѣрной, цѣлесообразной и долговременной дѣятельности чловѣка. Здѣсь уже необходимы знанія и опытъ, которые даются развитіемъ и школой, столь необходимой для нашего трудового крестьянства, въ особенности теперь послѣ пріобрѣтенія имъ долгожданной свободы и гражданскаго равноправія.

Въ предвидѣніи этой необходимости я вижу заботу о днѣ грядущемъ, о судьбѣ и счастіи нашихъ дѣтей и внуковъ, жизнь которыхъ окажется гораздо болѣе трудной въ силу истощенія нѣкоторыхъ частей природныхъ даровъ предыдущими поколѣніями. Этотъ вопросъ о правильномъ и разумномъ отношеніи къ дарамъ природы, о бережливомъ, хозяйственномъ, отнюдь не хищническомъ использованіи ихъ побуждаетъ меня перейти къ самой сути моего доклада, а именно къ вопросу о лѣсахъ, которые, какъ Вамъ извѣстно, занимаютъ 70% общей площади Архангельской губерніи.

Вопросъ о лѣсахъ является частью вопроса аграрнаго, и поскольку землѣльческая сирая и малоземельная Русь въ правѣ требовать себѣ земли и воли, постольку нашъ мало населенный, лѣсистый и просторный Сѣверъ въ правѣ требовать воли и выясненія степени участія населенія въ главномъ его богатствѣ—лѣсахъ. Но не думайте, чтобы вопросъ о лѣсныхъ площадяхъ рѣшился такъ же просто, какъ могъ бы быть рѣшенъ вопросъ объ обезпеченіи землей нахотной. Не слѣдуетъ забывать, что лѣса—это есть прежде всего достояніе и богатство всего народа, что при лѣсномъ хозяйствѣ наступленіе жатвы удалено отъ полевовъ не на одинъ только годъ, а на столѣтія, что въ тяжелое переживаемое родиной время лѣса будутъ играть послѣ войны особенно великую роль спасенія отечества отъ финансоваго разоренія. Поэтому, не предрѣшая вопроса о томъ, какими формамъ владѣнія будутъ подчинены лѣса и полагая, что этотъ сложный вопросъ можетъ быть вырѣшенъ не отдѣльными обществами, уѣздами, или даже губерніями, а голосомъ всей страны, который мы услышимъ въ Учредительномъ Собраніи, я хотѣлъ бы, какъ практикъ и специалистъ познакомить Васъ съ взглядами науки на лѣсъ и лѣсное хозяйство вообще.

Вамъ, г.г., живущимъ въ деревняхъ и чуть не ежедневно сталкивающимся съ природой, отлично извѣстно, что лѣсъ есть собраніе деревьевъ, произрастающихъ на извѣстной площади и что въ лѣсу слатается и создается особая жизнь и особія условія, отличныя отъ природныхъ условій поля, луга или открытаго пространства вообще. Въ лѣсу днемъ воздухъ прохладнѣе, а ночью теплѣе, чѣмъ въ полѣ; лѣсъ

умѣряеть дѣйствіе вѣтровъ, задерживаетъ таяніе снѣга, испареніе влаги и дѣйствуетъ умѣряющимъ образомъ на климатъ страны. Доказательствъ въ пользу этихъ общеизвѣстныхъ положеній можно пайти сколько угодно и вы все знаете, конечно, что все почевки въ лѣсу во всякое время года предпочтительны почевкамъ въ полѣ, гдѣ вы подвергаетесь всемъ крайностямъ температуры: и холоду, и зною и непосредственному вліянію бурь и непогоды. Сѣверянамъ объ этомъ говорить не приходится, для нихъ этотъ вопросъ вполне ясенъ. Но, быть можетъ, не всемъ изъ васъ ясна и понятна роль лѣса въ смыслѣ сохраненія влаги, а также вліяніе его на плодородность рѣкъ и на сохранность ихъ береговъ. Въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ или обезлѣсенныхъ неразумными вырубками мы наблюдаемъ необычайные весенніе паводки и наводненія, которые сопровождаются огромными убытками въ видѣ уничтоженія культурныхъ угодій и плодовъ долготѣней созидательной дѣятельности человѣка. Ничѣмъ не умѣряемое внезапное таяніе снѣговъ происходитъ крайне быстро, подъемъ воды въ рѣкахъ наступаетъ внезапно, ихъ русла не въ состояніи вмѣстить всей массы воды и рѣка разливается ипогда на огромныя пространства, унося съ собою и жилье, и скотъ и хозяйственный инвентарь. По проходить періодъ половодья и рѣка, протекающая въ безлѣсной мѣстности, невѣроятно быстро мелѣетъ. Такія картины въ средней и южной Россіи не рѣдкость. Возьмите Волгу, Оку, Москву-рѣку, Десну, Днѣпръ, Бугъ и цѣлый рядъ другихъ рѣкъ, еще не такъ давно не знавшихъ прелестей обмелѣнія и считавшихся судоходными въ теченіе всего лѣта.

На одномъ изъ послѣднихъ съѣздовъ лѣсохозяевъ и лѣсныхъ техниковъ въ Петроградѣ разбиралися вопросъ о борьбѣ съ паводненіями р. Москвы, причиняющими городу время отъ времени большіе убытки. Среди ряда проектовъ выдѣлялся проектъ инженера Шнейера, который предлагалъ искусственное облѣсеніе береговъ—т. е. созданіе полосъ хвойныхъ насажденій въ наиболее угрожаемыхъ водою участкахъ рѣки. Проектъ былъ замѣчательно обоснованъ цѣлымъ рядомъ цифровыхъ данныхъ и весьма интересныхъ примѣровъ борьбы человѣка съ весенними паводненіями.

Мнѣ лично извѣстенъ одинъ въ высшей степени интересный фактъ, имѣвшій мѣсто въ с. Моховомъ, Тульской губерніи, гдѣ нашимъ сельскимъ знаменитымъ хозяиномъ Шатиловымъ былъ разведенъ лѣсъ на выпавшихъ почвахъ. Лѣсъ принялся хорошо, быстро сталъ вытягиваться и смыкаться, а по прошествіи 15—20 лѣтъ въ молодомъ лѣскѣ слова забилъ ключъ на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ, по преданію дѣдовъ, онъ существовалъ когда-то.

Плодородіе почвы, чищобъ и подевки, раздѣлаемыхъ изъ-подъ лѣса, смѣна мховъ и ягодниковъ на свѣжихъ гаряхъ злаками, пшанъ-чаемъ и верескомъ; первичное появленіе березы и осины на пожарищахъ или на сплошныхъ вырубкахъ хвойныхъ породъ, въ связи съ вышеприведенными примѣрами говорятъ за то, что собраніе деревьевъ, которое мы въ общезитіи называемъ лѣсомъ, создаетъ особія растительныя условія, особія сожителства древесныхъ растений, въ которыхъ жизнь подчинена особымъ законамъ, различнымъ отъ жизненныхъ законовъ открытыхъ пространствъ, напр. пашни, луга и т. под. площадей.

Социально-совмѣстная жизнь деревьевъ, вліяніе ихъ другъ на друга, непрерывная борьба за существованіе, за свѣтъ, почву, влагу и воздухъ; побѣда болѣе стойкихъ и жизнеспособныхъ, угнетеніе слабыхъ

и постепенное отмираніе побѣжденныхъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ лѣсу совершается непрерывное таинство жизни, подчиненное извѣчнымъ законамъ борьбы, созиданія, обновленія, накопленія энергіи, смерти и отпада. Кроны отдѣльныхъ деревьевъ, соприкасаясь другъ съ другомъ, создаютъ какъ бы общій шатеръ или пологъ, подъ сѣнью котораго вѣтками отъѣляется почва и сохраняются своеобразныя формы живого покрова изъ мховъ, ягодниковъ, полукустарниковъ, всевозможныхъ лѣсныхъ травъ, отличныхъ отъ растительности луга, поля, засоренной пашни, болота, тундры и т. под. пространствъ. Въ лѣсной полутьмѣ медленно разлагаются опавшая листва, хвой, отломленные вѣтки и сучья, перепрѣваютъ трупы павшихъ и сваленныхъ вѣтромъ стволы, обогащая и удобряя почву на протяженіи десятилѣтій, а иногда и столѣтій. Перегниваніе этой такъ называемой лѣсной подстилки создаетъ точъ огромный удобрительный матеріалъ, запасы котораго обезпечиваютъ лѣсу продолжительность его существованія, измѣряемаго вѣками.

Молодое поколѣніе въ дѣвственномъ лѣсу создается безъ всякаго участія человѣка. Материнскія деревья—сѣмянки время отъ времени плодоносятъ и милліоны крылатокъ, при первыхъ лучахъ весенняго солнца, высыпаются изъ разтворяющихся шишекъ, чтобы, коснувшись земли-кормилицы, дать нѣжно-зеленые, еле различимые во мху, всходы. Конечно, всходитъ при этомъ, а тѣмъ болѣе выживаетъ едва одна милліонная часть всѣхъ тѣхъ сѣмянъ, которыя столь щедро разсыпаетъ вѣчно-юная мать природа; достаточно вамъ сказать, что мы, лѣсоводы, признаемъ крайне удачнымъ возобновленіе лѣса при наличности 10—15 тысячъ всходовъ на десятинѣ, хотя, конечно, при особо благоприятныхъ условіяхъ ихъ можетъ быть до 30—40 тысячъ и даже болѣе. Такъ, напримѣръ, въ Витебской губерніи на одной запущенной пашнѣ, прилегавшей къ стѣнѣ матераго-сѣлаго сосново-еловаго лѣса, я насчиталъ до 50 тысячъ всходовъ сосны и ели на 1 десятинѣ. Конечно, такой густой самосѣвъ является уже чѣмъ-то исключительнымъ и зависитъ отъ особо благоприятныхъ условій, какъ напр. удачнаго сѣмяннаго года, большой всхожести сѣмянъ, хорошаго лѣта, подготовленной почвы, отсутствія конкурентовъ растений и т. д. Сколько же, спрашивается, деревьевъ выживаетъ изъ такой массы всходовъ, сколько стволы доживаетъ до жатвы или сѣблости, когда лѣсъ, по расчетамъ хозяйства, не представляется выгоднымъ держать дольше на корню и когда его нужно рубить съ тѣмъ, чтобы молодой лѣсъ тотчасъ же занялъ мѣсто стараго. На этотъ вопросъ можно получить полный отвѣтъ, ибо лѣсная наука располагаетъ всѣми данными для сужденія о томъ, сколько деревьевъ можетъ быть на 1 десятинѣ въ любомъ возрастѣ и въ лѣсахъ любой древесной породы. Въ 100—120-лѣтнему возрасту въ средней Россіи на 1 десятинѣ сосноваго лѣса, при лучшихъ условіяхъ сомкнутости, имѣется не свыше 800—850 деревьевъ всѣхъ размѣровъ толщины. У насъ на Сѣверѣ, конечно, ихъ будетъ нѣсколько меньше, потому что у насъ климатическія условія хуже, чѣмъ въ центральной Россіи. Кромѣ того, на Сѣверѣ вообще лѣсъ отличается большой рѣдкостью. Тѣмъ не менѣе я склоненъ думать, что къ 100-лѣтнему возрасту нетронутый рубками лѣсъ долженъ насчитывать до 600 стволы на десятинѣ. Итакъ, изъ 10—15 тысячъ сѣянцевъ за 100 лѣтъ выживаетъ отъ 600 до 800 деревьевъ, что составляетъ примѣрно отъ 4% до 6% основнаго количества высѣяннаго природой матеріала. Гдѣ

же дѣлись остальные 95%, т. е. главная масса деревьевъ. Что стало съ ними? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы можемъ легко. Эти деревья погибли въ борьбѣ за существованіе не безцѣльно—конечно, думать такъ было бы ошибочно. Нѣтъ, они гибли, но вмѣстѣ съ тѣмъ они создавали. И что же? Необходимое отбѣненіе почвы, потребную для роста лѣса удобрительную подстилку изъ опадающей листвы и хвои, они же, наконецъ, тѣснили своихъ товарищей и побуждали ихъ къ дальнѣйшему росту по высотѣ, они заставляли избранные экземпляры тянуться къ свѣту и, отбѣняя ихъ съ боковъ, способствовали очищенію будущихъ стволовъ отъ сучьевъ. Безъ этой борьбы не было бы лѣса, не создавались бы тѣ пиловочныя деревья и тотъ великолѣпный строительный матеріалъ, которымъ цегиляетъ пока Архангельскій портъ, снабжающій лѣсомъ нашихъ заграничныхъ покупателей и дающій заработокъ тысячамъ людей, работающимъ надъ его заготовкой, вывозкой, сплавомъ и распиловкой. У насъ на Сѣверѣ лѣса находятся пока еще почти въ первобытно-дѣвственномъ состояніи, они созданы многовѣковой работой природы и до послѣдняго времени человекъ ими пользовался, лишь извлекая доходъ и не неся почти никакихъ расходовъ. Наши лѣса не знаютъ, что такое уходъ за ними, что такое хозяйственные мѣрыпріятія, которыя въ состояніи обезпечить народу постоянное непрерывное пользованіе, сохранность лѣсной площади и полученіе наивысшаго денежнаго дохода, повышающагося въ строгой зависимости отъ рыночныхъ цѣнъ и требованій на древесину; но такое счастливое состояніе не можетъ продолжаться безконечно. Сѣверные лѣса мало-помалу должны переходить изъ дѣвственнаго—полухозяйственнаго состоянія въ положеніе чисто-хозяйственное. Продуктивность ихъ была повышена; къ этому насъ всѣхъ обязываетъ тяжелое финансово-экономическое положеніе родины. Мы должны кромѣ того воспользоваться тѣмъ широкимъ спросомъ на лѣсъ, который откроется послѣ войны на рынкахъ внутреннемъ и вышнемъ: пользуясь этимъ, мы должны способствовать уменьшенію нашей задолженности, которая достигаетъ 40 миллиардовъ рублей. Наши лѣса, кормившіе десятки тысячъ народонаселенія какъ мѣстнаго, такъ и пришлаго, до сихъ поръ пользовались очень небольшимъ вниманіемъ. Затраты въ пользу приведенія лѣсовъ въ хозяйственное состояніе отпускались въ далеко недостаточныхъ суммахъ. Администраціи не хватало, лѣсничества были слишкомъ обширны—вѣдь средняя ихъ площадь равняется полумилліону съ лишнимъ десятинъ. Приведеніе лѣсовъ въ извѣстность, размежеваніе ихъ и созданіе хозяйственныхъ научно-обоснованныхъ плановъ на выборочную рубку охватило лишь 70% всей площади лѣсовъ Архангельской губерніи, остальные 30% еще представляютъ собою малоизвѣстное богатство народа, въ этихъ лѣсахъ рубка производится лишь на основаніи поверхностныхъ расчетовъ, что, конечно, совершенно недопустимо. Не думайте, однако, что я этимъ хочу бросить обвиненіе нашей лѣсной администраціи, нашему лѣсному вѣдомству, которое само являлось пасынкомъ среди другихъ вѣдомствъ прежняго режима. Наоборотъ—оно дѣлало, что могло, но бѣда въ томъ, что у насъ не было достаточно школъ, не было техниковъ, задерживалось и затруднялось созданіе тѣхъ и другихъ. Хозяйственно содержимые и управляемые лѣса, несмотря на большіе расходы, въ конечномъ итогѣ всегда даютъ гораздо большія выгоды странѣ, чѣмъ лѣса первобытные. Чтобы пояснить вамъ это, я сошлюсь на сосѣдную Финляндію, лѣса которой въ шесть разъ

меньше лѣсовъ Архангельской губерніи. Хотя мы отнускаемъ древесины больше финляндцевъ, но тѣмъ не менѣе доходность лѣсовъ Финляндіи превосходитъ нашу. Отчего это зависитъ? Скажу вамъ: это сдѣлала школа, это сдѣлали дороги, это сдѣлалъ упорный сознательный трудъ и наука. Финляндцы тратятъ на одніе дороги въ своихъ лѣсахъ 750.000 руб. ежегодно, а у насъ въ Архангельской губерніи отнускали на то же дѣло 56.000 руб. *)

Несмотря на сравнительно большое обезпеченіе лѣсомъ, финляндцы находятъ необходимымъ сажать и сѣять лѣсъ подобно тому, какъ это дѣлается въ хорошо поставленныхъ хозяйствахъ средней и южной Россіи или за границей. Конечно, искусственныя лѣсонасажденія тамъ производятся на безнадежныхъ почвахъ, на такъ назыв. абсолютно-лѣсныхъ земляхъ, на которыхъ кромѣ лѣса не растетъ ничего, на скалистыхъ площадяхъ, пескахъ, безплодныхъ пустыряхъ и т. под. пространствахъ, имѣющихъ защитный характеръ, дальнѣйшее увеличеніе которыхъ подъ вліяніемъ времени, мороза, вѣтра и воды можетъ повліять уничтожающимъ образомъ на сосѣднія угодья. Человѣчество слишкомъ грѣшило въ смыслѣ обезцѣненія лѣсныхъ богатствъ вообще. Огромныя лѣсныя площади безрасудно и непродуманно уничтожались и уничтожаются до сего времени. Шведскій путешественникъ Свенъ Гединъ рассказываетъ о нѣкоторыхъ пустыняхъ Средней Азіи, въ которыхъ, по его даннымъ, существовали когда-то благоденствующие народы, нынѣ же ихъ культура погибла благодаря уничтоженію лѣсовъ, которые въ свое время сдерживали надвигавшіеся съ востока летучіе пески. Съ уничтоженіемъ лѣса подъ толщами песка и мельчайшей лессовой пыли, откладываемой столбтїями, были засыпаны, погребены и безвозвратно потеряны огромныя площади богатыхъ земель. На равнинахъ нѣкоторыхъ губерній центральной Россіи мы видимъ зло отъ овраговъ и песковъ. Въ Кромскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи площадь овраговъ изъ года въ годъ увеличивается благодаря сводкѣ лѣсовъ и достигаетъ нынѣ $\frac{1}{3}$ всей площади уѣзда. Въ Черниговской губерніи, гдѣ въ удѣльно-вечевой періодъ Руси существовали громадныя лѣса, въ которыхъ водились звѣрь и цѣнная пушнина до соболя включительно, въ настоящее время нѣкоторыя мѣста одолеваются песками, которые засыпаютъ поля, огороды и луга, ставя жителей ихъ поистинѣ въ безвыходное положеніе. Такихъ мѣстъ въ Архангельской губерніи, слава Богу, еще нѣтъ или ихъ очень мало, но, господа, я привожу вамъ факты, я говорю, что примѣры эти должны служить намъ на пользу, они должны звать насъ въ сторону бережливости и разумнаго, т. е. только допустимаго пользованія лѣсомъ и другими благами природы. У народа долженъ выработаться другой взглядъ на лѣсъ, мы не должны думать, что на нашъ вѣкъ хватить; нѣтъ, нѣтъ, у каждаго изъ васъ, нынѣ свободныхъ гражданъ, долженъ сложиться на этотъ счетъ взглядъ хозяина-труженика и сознательнаго члена общества, который долженъ оберегать лѣса своей родины какъ общее достояніе, какъ общій фондъ цѣнностей природы своей родной страны. Конечно, намъ еще не слѣдуетъ опасаться полнаго обезлѣсенія—площадь лѣсовъ Архангельской губерніи еще слишкомъ велика для этого, но я смѣю васъ увѣрить, что производительность нашихъ лѣсовъ все же очень незначительна, что она можетъ понизиться и во всякомъ случаѣ должна быть увеличена всѣми

*) Данныя относятся къ 1913 году.

мѣрами, доступными человѣку, вооруженному опытомъ, знаніями и техникой. На основаніи изученія лѣсовъ Сѣвера отъ Печоры до границы Финляндіи я могу сказать, что запасы пиловочника не такъ велики, какъ то бы казалось съ перваго взгляда. Число ихъ въ нашей губерніи врядъ-ли превышаетъ 12—15 штукъ на десятину лѣсной площади въ среднемъ. Это количество могло бы быть гораздо больше, если бы были устранены нѣкоторыя пагубныя для лѣса явленія—какъ-то: пожары, опасность обширнаго заболачиванія, плохого возобновленія лѣса ухулашенія путей сплава, ранняго обмелѣнія рѣкъ, измѣненія ихъ русла, захламленія ихъ и т. под. Я зову, васъ, господа, на серьезныя размышленія по этому вопросу, я знаю, что вы поймете меня и тѣ чувства, которыя захватываютъ все мое существо при одной мысли о томъ, что нашимъ лѣсамъ, зеленой красѣ нашего южнаго Сѣвера угрожаетъ возможность уменьшенія и обезцѣненія его лѣсныхъ богатствъ.

На основаніи огромной практики мнѣ извѣстно, что сѣверная сосна въ условіяхъ выборочнаго хозяйства достигаетъ размѣровъ 7—8 верш. на высотѣ груди въ возрастѣ 180 лѣтъ и только при исключительно благоприятныхъ положеніяхъ и почвахъ, на дѣдовскихъ подѣнкахъ—сопряженныхъ съ разрыхленіемъ земли при одновременномъ возникновеніи молодняка на открытыхъ мѣстахъ и при достаточномъ доступѣ свѣта и воздуха эта порода даетъ пиловочные стволы въ 120—130 лѣтъ. Такой же быстрый ростъ обнаруживаетъ и сосна саженая. Во Владимірской губерніи мнѣ знакомо большое частно-владѣльческое хозяйство, въ которомъ мнѣ пришлось 20 лѣтъ тому назадъ обучаться практикѣ лѣсного дѣла. Хозяйство было поставлено на образцовую ногу. Всѣ лѣса были разбиты на правильные кварталы, большинство широкихъ просѣкъ было раскорчевано и обращено въ ѣздовыя дороги съ канавами по бокамъ. По этимъ дорогамъ можно было вывозить лѣсъ зимою и лѣтомъ. Два небольшихъ лѣсонильныхъ завода распиливали заготовленный лѣсъ.

Общая площадь владѣнія равнялась приблизительно 28.000 дес. Но на этой площади былъ всадѣ лѣсъ—не было ни болотъ, ни пустырей, ни прогалинь. Пустующія мѣста тщательно засаживались, или засѣвались лѣсомъ и такихъ посадокъ имѣлось до 4000 десятинъ. Доходъ отъ хозяйства получался огромный. Древесина цѣликомъ сбывалась на московскій рынокъ и стеклянныя заводы, а владѣлецъ выручалъ ежегодно 250 000 рублей дохода, что составляетъ по 10 рублей съ десятины. Вы видите отсюда, господа, что значить правильно поставленное хозяйство, дѣло, которое заводится не на одинъ годъ, а на десятилѣтія. Только при такой долговременной, систематической работѣ, подчиненной извѣстному порядку и научному плану, можно добиться подобныхъ результатовъ.

Если намъ, жителямъ Архангельской губерніи, удастся когда-либо поднять доходность нашихъ лѣсовъ хотя бы до высоты доходности лѣсовъ Финляндіи, то мы бы могли получать при площади ихъ въ 32 милліона десятинъ не 4 милліона рублей, какъ въ настоящее время, а 40 милліоновъ, что составило бы одну сотую часть расходнаго бюджета всей Россіи. Г.г., эти цифры вполне возможны, но для этого, повторяю, нужно сознательное отношеніе всего народа къ лѣсу, бережливость, знаніе и упорный систематическій трудъ, при широкой и неуклонно проводимой всѣмъ народомъ разумной лѣсной политикѣ. Само собой понятно, что это сдѣлать нелегко, это недоступно какой-нибудь группѣ

лицъ, какому-нибудь отдѣльному обществу или уѣзду; для этого требуется несмѣняемая прочная организація, которой весь народъ выразилъ бы свое довѣріе и которая имѣла бы возможность создавать спеціальныя школы для подготовки опытныхъ специалистовъ, знатоковъ и любителей своего дѣла. Такую пресметвенно-постоянную организацію можетъ создать только государство, которому и должны быть подчинены лѣса, со всеѣми заключающимися въ нихъ богатствами. Конечно, органъ управленія долженъ пользоваться полнымъ довѣріемъ страны. Всякій гражданинъ долженъ имѣть сознаніе, что лѣсное богатство его родины находится въ надежныхъ рукахъ и что этому богатству не будетъ конца, ибо владѣлецъ его безсмертенъ и строго блюдетъ общее достояніе страны. Вы меня спросите, конечно: „Но неужели же все лѣса должны быть непременно собственностью государства?“ Неужели не можетъ существовать для лѣсовъ другихъ формъ владѣнія? На это я вамъ отвѣчу, что ни въ одномъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ затрагивающемъ всю огромную Россію лѣсномъ хозяйствѣ, насчитывающемъ 350 милл. десятинъ, не можетъ быть единой мѣрки, единого трафарета. Должны существовать, несомнѣнно, лѣса общинныя, можетъ не быть лѣсовъ частновладѣльческихъ и монастырскихъ, должны быть лѣса обширныхъ заводовъ, питаемыхъ древесиною, но основная масса лѣсныхъ богатствъ народа должна составлять собственность государства и ему—этому государству, представляющему гарантію непрерывности владѣнія, должно принадлежать право вести опредѣленную лѣсную политику, направленную на благо всего народа. Эта политика должна проводиться научно образованными и подготовленными лицами, прошедшими лѣсныя школы и институты всякаго рода. Лѣсная стража должна быть тоже соответвенно подготовлена и должна набираться изъ мѣстныхъ людей, пользующихся всеобщимъ довѣріемъ. Лѣсничіе и ихъ помощники должны быть въ тѣсномъ контактѣ съ населеніемъ дашной мѣстности, должны входить всемѣрно въ ихъ нужды и хозяйственныя заботы и во многихъ случаяхъ должны являться передаточнымъ звеномъ между мѣстнымъ населеніемъ и центральными направляющими органами. Мѣстное населеніе должно въ свою очередь готовить къ спеціальной школѣ свою болѣе способную молодежь, привычную къ роднымъ условіямъ; изъ нихъ, изъ этой спеціально подготовленной мѣстной молодежи, постепенно будетъ набираться вся лѣсная семья и тогда, конечно, возможно будетъ достигнуть еще большаго единенія, еще большаго довѣрія одной стороны къ другой.

Крестьянское населеніе, находясь въ контактѣ и общеніи съ мѣстными лѣсными дѣятелями, должно объединиться въ союзы и кооперативы для облегченія возможно болѣе планомерной и выгодной для себя эксплуатаціи родныхъ богатствъ природы. Обществамъ необходимо предоставлять финансовую поддержку, дешевый кредитъ для веденія своихъ заготовокъ лѣса своихъ общественныхъ предпріятій лѣсообрабатывающаго характера. Рабочій вопросъ долженъ быть правильно рѣшенъ и урегулированъ, каждый заготовщикъ, каждый сплащикъ или пильщикъ долженъ сознавать себя членомъ мощнаго союза, необходимымъ звеномъ одной непрерывной цѣпи, тянущей страну къ благоденствію и довольству. Но такой идеалъ достигается лишь упорнымъ трудомъ, работой и правильной подготовкой. Мы должны ратовать за широкое образованіе какъ общее, такъ и спеціальное. Теперь для насъ, свободныхъ гражданъ, не можетъ быть преградъ на этомъ пути. Намъ нужно лишь

крѣпко вѣрять въ счастье нашей родины, въ возможность ея прогресса, въ умъ и здравый смыслъ нашего народа, который сумѣлъ сбросить съ себя иго полицейскаго строя; онъ же—этотъ народъ—долженъ сумѣть выковать для себя лучшее будущее и обезпечить себѣ и своимъ нисходящимъ поколѣнїямъ—дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ сохраненіе своей силы самобытности и богатства—своихъ лѣсовъ и своей природы. Не будетъ этихъ лѣсовъ—не будетъ и ея обитателей, не будетъ птицы, звѣря и рыбы, ибо на бесплодныхъ площадяхъ, при обмелѣвшихъ рѣкахъ не станетъ ни корма, ни убѣжища.

Итакъ, г.г., въ минуту пробужденія народа ко всеѣмъ организаціямъ, выдвинутымъ на сцену могучимъ революціоннымъ порывомъ, надлежитъ обратиться съ призывомъ—лозунгомъ и пропагандой „берегите народный лѣсъ.“ Берегите его, ибо онъ—многострадальный—является залогомъ богатства, силы и преуспѣянїя нашей родины. Чтобы исторїя не сказала про насъ и наше время словами французскаго поэта Шатобрїана: „Молодые народы рождаются въ лѣсахъ—и окружены ими, старыя—погибаютъ и хоронятся въ пустыняхъ“.

А. Битрихъ.

Въ банѣ

(Очеркъ изъ жизни карель на зрѣ революціи).

Продолженіе. См. № 6 „Извѣстій“ за т. г.

III.

Бурнымъ потокомъ полились игривые, страстные, чарующіе, возбуждающіе звуки тальянки. Порывисто развелъ Федька руки, задорно тряхнулъ головой и приказалъ ногамъ катиться по полу и стучать дробью. Мигомъ прыгнулъ съ полка Евсей, не окончивъ рѣшительной схватки, и пошелъ за Федькой. Тяжело и неуклюже, пошевеливая комично плечами, пустился за Евсейкомъ Мануйль. Не удержались рекрута и бѣлбилетники. Дѣвушки прижались въ уголь и давали мѣсто.

Шумъ, гамъ, смѣхъ, разудалая игра и пляска. Мануйль въ центрѣ. Чѣмъ больше онъ пляшетъ, тѣмъ легче становится на ногу и сильнѣе подзадариваетъ молодежь прискакивать, присѣдать. Рекрута и бѣлбилетники подражаютъ, а кругомъ ихъ птицей летаетъ въ присядку Федька. Все устали кромѣ Федьки и Евсея. Расходились Федька съ Евсеемъ. Недалеко человѣку до небесной звѣздочки, а Евсею до Федьки, хотя онъ, Евсей, въ однихъ носкахъ. Евсей хочетъ удивить народъ большими прыжками въ присядку, а Федька дѣлаетъ тѣ же прыжки задомъ напередъ. Евсей въ тактъ, игрѣ ходитъ на головѣ, а Федька молодцевато прискакиваетъ и перевертывается въ воздухѣ.

Въ баню пришелъ еще человѣкъ—его узнали не сразу. Когда нарѣ-богатырь кокетливо прокатился по полу и скрылся надъ каменкой—передъ глазами присутствующихъ предсталъ самъ король деревни Родіоновъ Кирилль.

— Нашего полку прибыло,—радостно крикнулъ Мануйль.

Появленіе Родіонова было неожидано. Пять дней назадъ онъ уѣхалъ въ Поморье за мукой и долженъ былъ вернуться на седьмыи сутки—это во-первыхъ, а во-вторыхъ—Родіоновъ ходилъ въ баню на

бесѣду въ послѣдніе годы рѣдко и съ грѣхомъ пополамъ отпуская свою дочь Аншку.

— Раньше куль муки стоилъ 12 рублей, такъ можно было плясать, а теперь за куль надо дать 60 рублей, да и трудно найти—поневоля ноги не гнутся—частенько говаривалъ онъ про себя, и своей дочкѣ приказывалъ вечеромъ: „Сядись въ уголь и вяжи сѣтку“. Аншика, увидѣвъ отца, испугалась, но еще больше испугалась, когда услышала начало разговора отца съ Мануиломъ.

— Что скоро вернулся Кирилль Григорьевичъ.

— Ничего не досталъ!

Въ банѣ воцарилось пеловкое молчаніе. Всѣ знали, что Родіоновъ съ семействомъ сѣлѣ урожай своего хлѣба на другой недѣлѣ послѣ Покрова, всѣ знали, что до Миколы осенняго онъ вѣлъ заемное, потомъ купилъ муки комитетской и кое-какъ жилъ до Усерѣтѣва дня. Теперь у него муки не было даже на одну квашню, займы просить не у кого, купить недѣлѣ. Положеньице! Одна голова не живетъ бѣдна—гласить пословица,—у Родіонова—мать, жена и шестеро дѣтей. Темнѣе осенней ночи былъ Родіоновъ. Это съ нимъ случалось рѣдко. Живалъ онъ и раньше безъ хлѣба—по недѣлямъ питался рыбой, мясомъ, макиной, сосновой толченой корой и мелко раскрошенной сухой соломою, перемѣшанной съ горстью муки, но тужилъ не очень. Когда онъ былъ холостымъ, онъ былъ для деревни нынѣшнимъ Федькой Грудинымъ—веселое настроеніе никогда не покидало его. Былъ ли онъ сытъ или голоденъ—на работу шелъ или съ работы, или гулялъ по деревнѣ вечеромъ—нѣсня-матушка не разлучалась съ нимъ.

Мы гуляемъ по почамъ,

Не уважимъ богачамъ.

Изъ соломы хлѣбъ ѣдимъ,

Въ богачей плевать хотимъ,

задорно вѣлъ бывало холостякъ Родіоновъ въ страдальче дни жизни. И теперь на послѣднемъ году пятого десятка Родіоновъ любилъ иногда снѣтъ что нибудь веселое, а при удобномъ случаѣ и сплясать. Кто прошлой весной по случаю небывало хорошихъ заработковъ переплясалъ на славѣ двадцать человекъ?—Родіоновъ. А кто въ мартѣ прошлаго года, отправляясь на далекій Мурманъ на вывозку снарядовъ, въ 6 часовъ утра при сильномъ морозѣ ходилъ въ присядку по улицѣ Медвѣжьей паракки?—Родіоновъ. Не потому онъ плясалъ на морозѣ, чтобы согрѣться, а потому, что хотѣлъ подбодрить 15 человекъ товарищей возниковъ, которые сильно были опечалены дальней дорогой. Уѣзжая на Мурманъ, Родіоновъ имѣлъ дома восемь мѣшковъ муки и въ этомъ крылась причина его собственной бодрости. Теперь положеніе его было другое...

— Подлецъ! нарушая молчаніе крикнулъ Родіоновъ по адресу поморскихъ хлѣботорговцевъ. Аншика дрогнула и съ секунды на секунду ждала приказа „идти домой вязать сѣтку“.

— Есть мука, да не продаютъ—спрятали! Большой цѣны дожидаютъ! Мерзавцы!

Король деревни не былъ грубымъ мужикомъ. Всю свою жизнь онъ ни разу ни съ кѣмъ не дрался, не ссорился и не спорилъ серьезно изъ людей—съ медвѣдями былъ грѣхъ—дрался частенько. Нельзя сказать, чтобы у Родіонова не встрѣчалось никогда повода къ ссорѣ съ людьми и, если онъ прожилъ полвѣка мирно, то потому, что былъ

сторонникомъ „непротивленія злу“. Работалъ онъ раньше на славѣ за 50 копеекъ въ день, а рабочій день длился 18 часовъ, ѣлъ хлѣбъ и горохъ и не ронталъ (Теперь рабочій день на славѣ длится 12 часовъ— рабочіе получаютъ 6 рублей въ день). Продавалъ мѣстному кулаку за полцѣны рыбу и дичь, а у кулака покупалъ въ три дорога все необходимое и никому на это не жаловался. Напротивъ, былъ даже благодаренъ лѣсопромышленникамъ за то, что давали работу, а кулаку за то, что давалъ въ долгъ все необходимое. Почему же теперь измѣнился Родіоновъ, почему сталъ сопротивляться злу? Потому, что у него на войнѣ единственный сынъ—работникъ и онъ, Родіоновъ, не могъ по слабости своего здоровья зарабатывать на вывозкѣ бревенъ по 30—40 рублей въ день, какъ зарабатывали тѣ, у кого были еще дома работники; потому, что онъ, Родіоновъ, продалъ предпоследнюю корову, чтобы запасти муки на лѣто и, о, ужасъ, ему не продаютъ имѣющейеся муки за наличныя деньги.

— Прятайте чай, крупу, керосинъ—мы безъ нихъ живали и проживемъ,—но хлѣба прятать нельзя! Это хуже всякой измѣны...

— И чего люди отъ правительства смотрятъ, вмѣшивается сочувственно Мануилъ.

— Всѣ они заодно плутуютъ. Пропала Россія!

Нашъ хлѣбъ идетъ въ Германію, а мы голодуемъ!... Федька молчалъ, курилъ, слушалъ, что говорятъ—не вытерпѣлъ и вступилъ въ разговоръ.

— Не тужи Родіоновъ—возможно, что часть нашего хлѣба попадетъ въ Германію, но отъ этого Россія не пропала. Запомни мое слово: безъ хлѣба жить вы не будете.

— Дай Богъ, дай Богъ.

— Не тужи Кириллъ Григорьевичъ—я тебѣ дамъ еще мѣшокъ взаимы, началъ утѣшать сосѣда Мануилъ. Безъ муки не останемся. Съ муки въ Россіи. Подвезутъ, а не подвезутъ, такъ силою возьмемъ у поморовъ... Ползи на полокъ да рассказывай, что слышалъ повенъкаго и хорошаго.

Мучезера любили слушать рассказы своего короля. А прозвище короля Родіоновъ получилъ въ 1905 году. Приѣхалъ тогда въ Мучезеро по дѣлу лѣсной ревизоръ. Окончивъ дѣло, ревизоръ приказалъ дать ему пару лошадей за прогоны для поѣздки въ слѣдующую деревню Чертозеро за 60 верстъ. Такъ какъ между Мучезеромъ и Чертозеромъ зимняго пути не существовало, то мучезера приказомъ барина опечалились. Десятекимъ былъ Родіоновъ. Онъ собралъ сходъ, пеннулъ мужикамъ, чтобы лошадей не давали.

— Пусть ѣдетъ туда, откуда приѣхалъ, а мы не обязаны возить суземкомъ за прогоны.

— Вѣрно, правильно.

Пришелъ на сходъ послѣ нѣкотораго ожиданія ревизоръ (ему лѣсники сказали, что понасть въ Чертозеро можно, такъ какъ болота промерзли хорошо, а снѣгъ былъ неглубокій).

— Лошади готовы?

— Лошадей не дадимъ.

— Какъ?! Кто десятекій?

— Я—выступилъ Родіоновъ.

— Приказываю вамъ дать мнѣ двухъ лошадей.

— Мы приказа вашего исполнить не можемъ.

— Почему?

— Онъ незаконный.

— А-а-а! у васъ здѣсь свои законы. Вы не желаете подчиниться русскимъ властямъ... Вы считаете себя независимыми.

— Да—отвѣтилъ Родіоновъ, желая этимъ сказать, что онъ и его односельчане отъ лѣсного ревизора независимы.

— О-о-о! Государство въ государствѣ... А король—десятскій. Запомни король—мы встрѣтимся у мирового, но не для мира.

Лѣсникъ отвезъ ревизора по той дорогѣ, по которой прѣѣхали. Черезъ мѣсяцъ король Мучезера получилъ отъ мирового судьи повѣстку о явкѣ на судъ въ качествѣ обвиняемаго за сопротивленіе властямъ и былъ приговоренъ къ недѣльному аресту при волостиномъ правленіи. Отсидѣлъ... Съ той поры неизмѣнно пользуется сочувствіемъ и уваженіемъ односельчанъ и въ нужныхъ случаяхъ выступаетъ отъ деревни, какъ законщикъ, какъ адвокатъ. Король Мучезера—неграмотный, но его нельзя мѣрять той мѣркой, на которой написано: „За ученаго двухъ неученыхъ даютъ“. Достаточно сказать, что онъ со своей хорошей памятью и наблюдательностью десятки разъ бывалъ въ Финляндіи, въ Поморьѣ, на Мурманѣ, въ Петербургѣ и два раза въ Петроградѣ. Не удивляйтесь, что дворець короля—самая убогая хата въ деревнѣ. Честнымъ трудомъ палатъ каменныхъ не пажить, а Родіоновъ трудился честно—ѣздилъ ли онъ въ столицу и Финляндію съ чужимъ товаромъ, работалъ ли на Мурманѣ и въ Поморьѣ у „хозяевъ“. Сказать короче—Родіоновъ былъ трудолюбивый, честный, бѣдный, веселый мужикъ, но съ сильными убѣжденіями, прибрѣтенными отъ соприкосновенія съ многообразіемъ и противорѣчiami человѣческой жизни.

— Я буду разсказывать вамъ все, что слышалъ въ дорогѣ и въ Поморьѣ, началъ вполголоса Родіоновъ, усѣвшись на полкѣ рядомъ съ Мануиломъ, но вы всему не вѣрьте...

— Скажи сначала—правда ли, что Америка открыла огонь на нѣмца?

— Этого не слышалъ.

— Хочу говорить, чтобы война кончилась скорѣе.

— Дай Богъ!

— Ну, что слышалъ—разсказывай.

— Японскій царь сватается на нашей царевнѣ.

— Обожди, говоритъ,—теперь у меня много всякаго расхода, да и свадьбы играть нѣтъ времени.

— Что японскій то отвѣтилъ?

— Обожди, говоритъ—только дай слово, что отдашь старшую дочь. За это я тебѣ помогало и помогу воевать съ нѣмцами.

— Значить, свадьба послѣ войны.

— Должно быть.

— Говорять. нѣмецъ опять миру просить.

— Такъ болтаютъ.

— На сколько лѣтъ?

— На сто.

— Что намъ даетъ за это?

— Отдастъ всѣ губерніи съ Варшавой обратно да два самыхъ большихъ парохода золота.

— Наши что на это говорятъ?

— Наши говорятъ—золота у насъ своего довольно, а если желаешь миру, то брось въ море всѣ пушки и пулиметы...

— Согласенъ ли?

— Нѣтъ.

— Значить, не скоро война кончится.

— Три года продолжится—такъ сказано въ Библии—не знаю вретъ али правду говорить одна старовѣрка въ Поморьѣ.

— Еще три года, али всего.

— Всего три года. Потомъ люди одумаются, бросять ружья и стануть обнимать другъ друга и со слезами просить прощенія.

И наступить мирный, счастливый вѣкъ.

— Дай, Господи, дай, Господи!

— Нашему царю Китай сулитъ денегъ и солдатъ, чтобы побѣдить нѣмца. Японскій царь, когда узналъ про это, то написалъ нашему царю письмо—денегъ возьми, а солдатъ не бери—худые у Китая солдаты.

— Еще что, слышалъ?

— Николай Николаевичъ, говорятъ, не на Кавказѣ.

— Гдѣ же?

— Да неизвѣстно. Говорять, ходитъ въ солдатской одеждѣ и подслушиваетъ и подсматриваетъ, нѣтъ ли гдѣ измѣны. Одинъ разъ, говорить, взялъ съ собой двухъ солдатъ и сѣлъ ночью въ кусты. Потомъ всѣ трое повалялись на землю и стали молчать и слушать. У Николая Николаевича была съ собой трубка и онъ смотрѣлъ въ эту трубку и видѣлъ ночью все, какъ днемъ. И видитъ—къ кусту ползуть два человека—одинъ съ нѣмецкой стороны, другой съ русской—оба въ дождевикахъ. Полползли другъ къ другу близко и стали говорить шепоткомъ. Николай Николаевичъ досталъ изъ кармана другую трубку, положилъ на ухо и ему стало слышно все, что говорили люди въ дождевикахъ. Человекъ съ нѣмецкой стороны шепчетъ: „Принесъ?“, а человекъ съ нашей стороны отвѣчаетъ: „Принесъ“.

— Давай.

— Дай сначала деньги.

Человекъ съ нѣмецкой стороны растегнулъ дождевикъ, а подъ дождевикомъ генеральская шинель... Разстегнулъ шинель и досталъ изъ потайного кармана бумажникъ съ деньгами и шепчетъ: „На, тутъ миллионъ“. Человекъ съ нашей стороны взялъ деньги и сталъ разстегивать свой дождевикъ. Разстегнулъ—подъ дождевикомъ тоже генеральская шинель. Положилъ въ карманъ шинели деньги, а изъ другого кармана досталъ пакетъ и шепчетъ: „Тутъ планы всѣхъ крѣпостей бери!“

— Господи Иисусе, Господи Иисусе!—за миллионъ рублей, значить, продалъ...

— Слушай—застегнули дождевики нѣмецкій и русскій генералы и поползли обратно. Николай Николаевичъ далъ солдатамъ знакъ—качнуть головою. Выскочили изъ кустовъ солдаты и схватили генераловъ за шиворотъ. Притащили къ царю. Царь велѣлъ пустить обоихъ генераловъ въ свою комнату, и что послѣ было неизвѣстно..

— Нашъ царь, говорятъ, съ нѣмцами заодно... Хочетъ погубить больше народу и отдать половину Россей нѣмцамъ за то, что дали ему королевую жену. Говорять еще, что у нашей царицы проведенъ изъ спальни въ Дерманію подземный телефонъ и она каждый день все сказываетъ, что у насъ дѣлается.

— Кабы не было измѣны,—русскіе побѣдили бы нѣмцевъ. Теперь у насъ снарядовъ, пушекъ и всего довольно.

Оживленная кадрили подь гармонику шла своимъ чередомъ, а рассказы Родіонова тоже своимъ чередомъ.

— Какъ теперь воюють?

— На сушѣ гораздо воевали. Дѣло до рукопашки доходило. Пѣмецъ къ Ригѣ подступаетъ. Наши прогнали его. Помогъ самъ Богъ... Открылось небо. Слетѣла на землю звѣздочка. Одинъ солдатъ подбѣжалъ поближе къ звѣздочкѣ и оказалось—звѣздочка—самъ Богъ. И говоритъ Богъ солдату: на васъ пѣмецъ будетъ наступать съ правой стороны... готовьтесь. Солдатъ взялъ рожокъ и затрубилъ. Прибѣжали другіе солдаты, а звѣздочка улетѣла на небо. Когда летѣла—говорила: „Молитесь мнѣ на востокъ—я все вамъ буду сказывать“.

— Поможетъ Богъ, если самъ не будешь плохъ—говоритъ русская пословица.

— Это вѣрно.

Съ увлеченіемъ плясалъ Федька съ Мариной „шестую“, а Родіоновъ вернулся къ вопросу объ измѣнѣ.

— По моему—царь нашъ—первый измѣнникъ. Зачѣмъ онъ держитъ помощниковъ пѣмцевъ—разныхъ Фредериковъ да Штормеровъ и какого то Гришку Распутина. Зачѣмъ вѣрилъ хвастунамъ министрамъ, что для войны все готово. Если самъ не могъ за всѣмъ посмотрѣть, да провѣрить—такъ князей бы послалъ. Мало ли князей у насъ и что они дѣлають. Онъ хозяинъ, онъ долженъ за все отвѣчать... Десять лѣтъ назадъ мнѣ одинъ политическій ссыльный сказалъ: „Россія для пѣмцевъ голодная мышь—они могутъ ее поймать во всякое время“. Правду человекъ сказалъ. Что можетъ быть хорошаго, если у насъ вездѣ большіе начальники пѣмцы и постоянно измѣна. До чего мы дожили. Работниковъ въ деревняхъ нѣтъ, а хлѣбъ вздорожалъ и все прочее въ 5 разъ и больше. Какая намъ польза, если у пѣкоторыхъ изъ насъ есть по три, по четыре бумажки съ портретомъ императрицы Екатерины, по нѣтъ хлѣба, распродать скоть... Худо мы раньше жили, но будемъ жить еще хуже.

— Нѣтъ, Родіоновъ, лучше будемъ жить, вмѣшался въ рѣчь король Федька, окончивъ „шестую“.

— Ничего хорошаго не будетъ. Казна большіе убытки приняла. Чтобы покрыть убытки, съ мужика будутъ драть шкуру.

— Не беспокойся—живъ и здоровъ останешься. Война прочиститъ весь мусоръ, всю плѣсень нашей жизни и мы—новые, бодрые будемъ жить счастливо.

— Не вѣрю. Была турецкая война—говорили, что лучше будетъ жизнь послѣ войны—лучше не стало. Была японская война—тоже говорили, что лучше будетъ жизнь, а лучше не стала, такъ и теперь. Жили мы раньше, какъ звѣри въ лѣсу, и никто намъ не помогаль, а отъ насъ требуютъ помощи...

— Если мы сами себѣ не поможемъ—никто намъ не поможетъ. Не надо говорить о томъ, какъ мы раньше жили, а надо думать и говорить, какъ жить впередъ. Вѣрьте, что послѣ этой войны наступитъ перемѣна жизни. Старыхъ порядковъ не будетъ. Всѣ люди будутъ равны. Новая Россія будетъ имѣть насъ не какъ пасынковъ, а какъ родныхъ дѣтей. Надо только побѣдить врага, надо сражаться до послѣдней капли крови.

— Пусть тотъ сражается, кому есть за что сражаться—у кого есть дороги, школы, доктора, у кого земли довольно, а у насъ ничего

нѣтъ и намъ не надо защищать мачеху Россію, а намъ ничего не дають. Не вѣрю, что Россія будетъ для насъ родною матерью.

— Я тоже раньше не вѣрилъ, а теперь вѣрю. Есть въ Россіи много хорошихъ людей, которые искренно желаютъ добра всякимъ народамъ: и татарамъ, и евреямъ, и финнамъ, и кареламъ, и полякамъ, но хорошимъ русскимъ людямъ не даютъ воли. Хорошихъ русскихъ людей сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ въ Сибирь. Будетъ время, будетъ въ Россіи воля и мы получимъ то, что имѣемъ право получить. Федька пошелъ плясать, а мужики на улицу—простыть.

Тысячи звѣздъ горѣли въ торжественной синевѣ, а посреди нихъ гордо сіяла луна. Послѣ душевой и дымной бани, послѣ шума и сноровъ было особенно пріятно дышать свѣжимъ воздухомъ, наслаждаться тишиной, любоваться сверкающимъ просторомъ озера и волшебною далью небесъ.

— Эка благодать, заговорилъ Мануйло и сталъ вытирать лицо чистымъ снѣгомъ.

— Нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше жизни—началъ Кирилль. Богъ далъ намъ жизнь и мы должны ее беречь. А что дѣлаютъ люди. Глупые! Всѣ глупые—и русскіе, и пѣмцы, и турки и французы... Изъ-за кого льется кровь? Изъ за купцовъ. Купцамъ будетъ отъ войны польза, а простому народу одно разоренье. Не надо войны. Надо всѣмъ бросать ружья. Бѣдные солдаты сражаются не за Родину, а за кошельки купцовъ.

— За грѣхи Богъ насъ наказываетъ!

— Какіе у насъ грѣхи? Грѣхи есть у того, кто не работаетъ, ѣсть, пьетъ и одѣвается хорошо и живетъ въ каменныхъ палатахъ. У насъ грѣховъ нѣтъ—мы съ утра до вечера работаемъ, а ночь спимъ—грѣшить нѣтъ времени.

Пришелъ Федька, а вслѣдъ за ними и другіе ребята.

— О чемъ говорите?

— Кирилль говоритъ, что не надо воевать, надо бросать ружья, солдаты сражаются не за Родину, а за кошельки купцовъ.

— Не надо было начинать войны, но разъ она начата, и погибли десятки милліоновъ людей, то надо продолжать войну, ружей бросать нельзя. Мы боремся если не за вѣчный, то за продолжительный миръ, за свободу народовъ и за общее счастье людей. Нельзя остановиться на полпути. Мы или погибаемъ, или принесемъ побѣду и продолжительный миръ.

— Ты говоришь такъ, Федька, потому, что у тебя нѣтъ жены и дѣтей. Если бы были жена и дѣти, то ты не пожелалъ бы себѣ погибели.

— Не одинъ я такъ говорю—такъ говорятъ у насъ въ окопахъ люди женатые, да еще такіе, у которыхъ семейство дома не получаетъ пособія.

— Надо миръ! Богъ съ ней съ Варшавой. Жизнь людей дороже земли и городовъ.

— Такъ говоришь не ты одинъ, Кирилль. Такъ говорятъ многіе мужики въ тылу въ твоемъ возрастѣ. Говорятъ потому, что имъ не хочется идти на помощь къ погибающимъ борцамъ за лучшее будущее народовъ,—потому, что зарабатываютъ дома по 30—40 рублей въ день!

— Федька! ты меня не понимаешь. Если бы я зналъ, что если я погибну на войнѣ и отъ этого люди будутъ жить потомъ счастливо, то

я пошелъ бы на войну добровольцемъ. Но я не вѣрю этому. Я не желаю воевать потому, что въ Россіи кругомъ измѣна. Моя жизнь пропадетъ безъ пользы. Если не будетъ измѣнниковъ, будутъ другіе порядки, тогда мы пойдемъ на помощь къ вамъ съ радостью, а если будетъ измѣна и старые порядки, то пойдемъ поневолю.

— Вѣрю, Кирилль Григорьевичъ! Если не будетъ измѣнниковъ, да будутъ другіе порядки, то всѣ пойдемъ и старые и малые... Дѣло сурьезное, зря бросать нельзя. надо довести до конца, чтобы польза была,—убѣжденно говорилъ Мануиль.

Скоро, скоро придется разстаться,

Но не скоро придется забыть,

уныло пѣли дѣвушки, когда Федька, а вслѣдъ за нимъ и рекрута входили въ баню. Зарождалась скука.

Скоро горькія слезы польются

На мо-ю-ууу на бѣлую грудь,

рѣзко и тоскливо выводила Марина. Федька сѣлъ на средину пола, поставилъ локти на приподнятые колѣни, закрылъ ладонями лицо и заплакалъ. Онъ умѣлъ плакать бабьимъ голосомъ и плакалъ артистически.

И-и-и—а-а, пропала моя головушка, причиталъ Федька, и аккорды безнадежной тоски вырывались у него изъ симпатичной груди. Малевръ удался. Въ баню прилетѣлъ господинъ смѣхъ, а скука умерла.

Вы не ѣшьте дѣвки рѣдки—

Рѣдка горька, солопа,

подъ аккомпаниментъ безудержнаго, искренняго смѣха лучшими струнами своего чарующаго голоса запѣла Марина. Въ одну секунду вскопчилъ Федька на ноги и подъ игривое задорное продолженіе пѣсни:

Не любите дѣвки Федьки,

Федька первый сатана—

приказалъ лѣвой ногой катиться по полу дробью, а правой—бѣгать во кругъ лѣвой волчкомъ.

Находчивый цыганъ Яшка схватился за тальянку. Знакомые, опяняющіе, разудалые звуки украинскаго казачка заставили Федьку покачать, какъ въ часы досуга пляснуть въ окопахъ... Нетерпѣливо зажгаль Назарко новыя хорошія лучины, а Евсейко фль глазами Федьку и давалъ мысленно клятву во что бы то ни стало купить сапоги и гармонь.

Къ общему удовольствію Федька плясалъ столько, насколько хватило силы; подъ тактъ игры онъ шулъ въ дверь бани ногой подъ тактъ игры прыгнуть на улицу.

„Ахъ ты, миленькій мой,

Упрекаютъ насъ съ тобой“,

полетѣла въ догонку Федькѣ пѣсня Марины.

Вернулись въ баню мужики, вернулся и „миленькій“. Рекрута копировали пляску Федьки подъ продолженіе казачка, а дѣвушки при общемъ смѣхѣ подражали рекрутамъ. Шумъ, гамъ.

— Смир-па-а... властнымъ, покоряющимъ голосомъ крикнулъ Федька.

Рекрута выстроились въ рядъ и, вытянувшись по военному, замерли въ молодцеватой позѣ, ожидая любимой команды. Какъ счастливы они, что пріѣхалъ Федька. Хорошъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ Федька до войны,—война прибавила ему много умственного роста, отшлифовала

его, сдѣлала изъ дикаго красиваго растенія—культурное, хотя въ качествѣннѣмъ отношеніи пока еще не высокое.

Бывало до войны въ перерывы между пляской любимыми занятіями холостяковъ были—борьба ногами, прыганье черезъ веревку, кувырканье черезъ палку. Любили холостяки ломать черезъ колѣно толстые палки, поднимать другъ друга за ноги. Становиться другъ другу на грудь, тянуться шеей (надѣвается общая петля изъ веревки на двѣ головы съ нѣкоторымъ промежуткомъ), а теперь холостяки хотя и играли въ карты и шашки, но команда Федьки правилась больше. Федька внесъ въ сѣрепскую однообразную деревню много новаго, развлекающаго, но не развращающаго. Живыми, увлекательными рассказами, въ банѣ онъ любилъ только пѣть и плясать, чѣмъ говорить, Федька вливалъ въ окружающихъ его людей бодрость, прививалъ товарищамъ здоровую русскую пѣсню, а отъ поры до времени подготавливалъ ихъ къ будущей службѣ.

Дѣвушки сѣли на лавку, мужики на корыто, а Федька продолжалъ:

— Повороти на пра-во!.. На лѣ-во!... Кругомъ!

Молодцевато повернулись рекруты кругомъ въ сторону дѣвушекъ.

— Ша-гоо-мъ маршь!.. Разъ, два, разъ, два... Стой!

— Молодцы рекрута!

— Рады стараться, георгіевскій кавалеръ.

М. Бубновскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Краткій обзоръ положенія сельскаго хозяйства въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи.

(Опытъ обслѣдованія).

(Продолженіе. См. №№: 2, 3—4 и 6 „Извѣстій“ за т. г.).

Пиньгинская волость. Скотъ почти одинаковъ со скотомъ Медвѣдовской волости. Пастбища лучше Медвѣдовскихъ. Весною скотъ пастется на лугахъ по р. Пиньгинѣ до первыхъ чиселъ іюня. Лѣтнія пастбища частью на прирѣчныхъ заливныхъ террасахъ, частью въ лѣсу. Зимнее кормленіе, уходъ и помѣщеніе то же, что и въ Медвѣдовской волости. Подстилкой служить „трунда“ и ржаная солома; хвоя употребляется рѣдко, „трунда“ же—всеми хозяйствами. „Трунда“ навозится ко двору осенью и частью тогда же и настилается сносомъ четвертей на 6 толщины, а частью оставляется до весны, для настилки послѣ весенней вывозки навоза. Отелы приправливаются къ веснѣ. Удѣнъ въ началѣ удойнаго періода около 20 фунтовъ, а въ концѣ—около 3 фунтовъ. Цѣны на скотъ до войны колебались отъ 30 до 100 рублей.

Скотъ *сѣверной части Великодворской волости* (Ступино-Кривецкое общество, нынѣ самостоятельная волость) по величинѣ и производительности похожъ на скотъ Зачачьевской и Емецкой волостей, а по тѣлу больше приближается къ чистокровнымъ холмогоркамъ. Крестьяне прихолмогорскаго района скупаютъ мѣстный скотъ, откармливаютъ его

на прихолмогорскихъ пастбищахъ и продаютъ „въ походъ“ какъ настоящихъ холмогоровъ. Тоже практикуется и по отношенію къ скоту Подборской и Юрльской волости Пинежскаго уѣзда, гдѣ скоть по типу также близокъ къ природнымъ холмогоркамъ. Лучшій скоть этой половины Великодворской волости находится въ деревнѣ Ступинѣ, Ичковской и прилегающихъ къ нимъ деревняхъ. Здѣсь довольно значительной ширины луговая терраса и лучшія въ волости пастбища. Здѣсь же сосредоточены и всѣ молочные заводы волости, счетомъ до 6, а недавно открыта молочная артель.

Пастбищный періодъ по всей волости продолжается съ половины мая и почти до Покрова. Весною до первыхъ чиселъ іюня скоть пасется на сѣнокосныхъ угодьяхъ, а осенью опять пускается на сѣнокосы около 20 августа. Лѣтній пастбища очень плохія, за исключеніемъ ступинскихъ и ичковскихъ и скоть, особенно въ жаркіе дни, когда днемъ онъ приходитъ домой,—подкармливается. Пасется скоть подъ пастухомъ. До войны каждая деревня имѣла своего пастуха, теперь же за недостаткомъ рабочихъ рукъ и вслѣдствіе высокой оплаты труда пастуховъ, нѣсколько деревень принимаютъ одного пастуха. Въ 1914 г. пастуху платили по 90—70 копеекъ съ коровы въ лѣто, а въ 1916 году платили по 2 рубля и больше. Одежду и продовольствіе пастухъ получаетъ отъ хозяевъ коровъ поочередно. Зимой скоть кормится трясенкой. Чистое сѣно дается только повотельнымъ коровамъ. Какъ и вслѣдъ по уѣзду (кромѣ прихолмогорскаго района) коровамъ скармливается только худшее сѣно. Парено заваривается изъ мякины съ прибавкою трухи (объѣдей) отъ лошадей или, иногда, изъ одной трухи и гуца его при вскармливаніи посыпается мукою или высквками (отрубн). Парено задается утромъ и тотчасъ же послѣ него задается сухой кормъ. Второй разъ сухой кормъ задается на паузникъ. Вечеромъ дается опять парено и послѣ него на ночь сухой кормъ. Ночью только пареномъ. Въ зимнее время скоть помѣщается въ „дѣльникъ“, который часто не мнится и бываетъ настолько холодный, что замерзаетъ навозъ. Подстилкой скоту служатъ „трунда“ и солома, а въ рѣдкихъ случаяхъ и хвоя. Лѣтомъ, если нѣтъ соломы, въ качествѣ подстилки употребляется бѣлый боровой мохъ. Удойность коровы въ началѣ удойнаго періода до 35—40 фунтовъ. Запускъ производится за 5 недѣль до новаго отела. Скоть мельче холмогорскаго и, какъ говорятъ, не такой „сытый“. Живой вѣсъ отъ 18 до 30 пудовъ; въ среднемъ 22 пуда. Цѣны до войны—60—100—120 рублей.

Южную часть Великодворской волости (Ракульское общество, нынѣ Ракульская волость) по составу скотоводства можно отнести къ *третьему району* скотоводства уѣзда, куда входятъ волости *Чернивекогорская* и *Григоровская*. Скотоводство здѣсь почти исключительно потребительскаго типа, но скоть имѣетъ признаки холмогоровъ.

Чернивекогорская волость. Здѣсь скоть содержится главнымъ образомъ въ цѣляхъ пропитанія семьи и полученія навоза. На сгонъ, въ качествѣ племеннаго скоть не продается, а лишь на мясо въ Архангельскъ и то мало. Пастбища—поля, лѣса, болота. Пастбищный періодъ обычный: съ половины мая по 20 сентября. Весною на луга скоть не пускается уже нѣсколько лѣтъ, но осенью ходитъ недѣли двѣ-три. Содержаніе и уходъ тотъ же, что и въ Великодворской волости, только въ качествѣ пойла вечеромъ дается мушная болтушка. Подстилкой служатъ „трунда“, солома и боровой или болотный мохъ. „Трунда“ наво-

зится обычно осенью послѣ вывозки навоза и настиляется сразу слоємъ отъ 1 до 1½ аршина. Удой вскорѣ послѣ отела до 25 фунтовъ въ день. Запускъ—за 4—6 недѣль. Живой вѣсъ отъ 17 до 24 пудовъ.

Григоровская волость. Условія содержанія скота тѣ же, что и въ Чернявскогорской волости, только весной, недѣли двѣ и осенью съ Семенова дня, скотъ пасется на сѣнокосныхъ угодьяхъ. Остальные мѣста для пастбищъ также лучше, чѣмъ въ Чернявскогорской волости. Главный выгонъ расположенъ въ извилинахъ устья р. Челмохотка, на довольно широкой луговой террасѣ и частью въ лѣсахъ. Производительность и живой вѣсъ мѣстныхъ коровъ немного больше, чѣмъ въ Чернявскогорской волости.

Условія скотоводства *четвертого* района съ волостями: Селецкой, Яковлевской, Петровской и Церковнической совершенно иные, нежели въ перечисленныхъ выше районахъ. Здѣсь нѣтъ ни хорошихъ пастбищъ, ни хорошихъ заливныхъ луговъ, ни избытка сѣна. Здѣсь самый мелкій скотъ уѣзда, далеко отступающій отъ типа холмогорки и приближающійся къ типу такъ называемой верховки; онъ содержится въ хозяйствѣ главнымъ образомъ для полученія навоза и продуктовъ питания. По волостямъ этого района состояніе скотоводства слѣдующее:

Селецкая волость. Скотъ продается мѣстнымъ скупщикамъ на мясо для Архангельска, но не въ большомъ количествѣ. Маслодѣльныхъ заводовъ нѣтъ и въ поминѣ. Пастбища—лѣса, болота, поля и покосы (весною и осенью) плохого качества. Пастбищный періодъ, какъ и въ другихъ частяхъ уѣзда съ Николя или половины мая до половины или 20 сентября, а то и до Покрова. Зимній кормъ—трясянка изъ плохого сѣна и житной (ячменной) соломы. Весною, когда не хватаетъ сѣна, скотъ кормится соломенной рѣзкой, посыпанной мукой. Солома рѣжется топоромъ, т. к. на всю волость есть только одна соломорѣзка въ обществѣ потребителей. Кормъ задается три раза въ день: утромъ, на ужинѣ (около 3 ч. дня) и вечеромъ. Пойломъ служитъ нарево, гуща котораго пересыпается мукою и скармливается. Помѣщается скотъ въ „дѣльничѣ“. Подстилкой служитъ „трунда“, настиляемая сразу до аршина толщиною, солома и, если не хватаетъ соломы, хвоя. „Трунда“ навозится весною и осенью. Отелы обычно припоровиваются къ веснѣ. Удойность до 15—18 фунтовъ въ началѣ послѣ отела и 2—4 фунта въ концѣ удойнаго періода. Запускается корова за 3—4—7 недѣль до поваго отела. Живой вѣсъ отъ 16 до 22 пуд. Цѣны до войны 30—50 руб.

Яковлевская волость. Скотъ этой волости почти не продается даже на мясо. Пастбищный періодъ обычный для всего уѣзда. Пастбища исключительно лѣсные; ни на поля, ни на пожни скотъ не пускается. При ежедневномъ возвращеніи съ пастбища скотъ подкармливается травой, т. к. поскотины бывають иногда удалены отъ деревни на 8 версты. Зимнимъ кормомъ служитъ почти исключительно сѣно, ибо соломы въ хозяйствѣ очень мало. Кормъ задается три раза въ сутки, а пойло (нарево изъ мякнны)—два раза. Телятамъ къ пойлу прибавляютъ муку. Зимнее помѣщеніе то же, что и въ предыдущей волости. Подстилкой служитъ изрубленная хвоя и въ маломъ количествѣ, тонкими слоями, солома. „Трунда“ въ качествѣ подстилки не употребляется вовсе. Живой вѣсъ, производительность и цѣны почти тѣ же, что и въ Селецкой волости. По сравненію съ сосѣдними волостями мѣстный скотъ гораздо лучше. Корова, привезенная сюда изъ Опежскаго уѣзда, черезъ короткое время начинаетъ откармливаться и улучшаться. Мѣст-

ный теленокъ въ возрастѣ 7—8 мѣсяцевъ вѣситъ около 4 пудовъ, тогда какъ того же возраста теленокъ сосѣднихъ волостей Онежскаго уѣзда вѣситъ только около 2 пудовъ (убойный вѣсъ). Объясняется это по всей вѣроятности хорошимъ составомъ травъ лѣсныхъ пастбищъ волости.

Петровская волость. Скотъ совсѣмъ не продается и держится для получения навоза и продуктовъ питанія семьи. Безкоровныхъ хозяйствъ до 8—10%. Пастбищемъ служатъ лѣса, пожни (весною до июня и осенью послѣ сѣнокоса) и поля (дня два послѣ уборки) плохого качества, а лѣсныя пастбища съ обиліемъ заболоченныхъ мѣстъ. Пастбищный періодъ продолжается отъ Николы до 20 сентября. Скотъ на пастбищѣ ходитъ подъ пастухомъ и ежедневно возвращается домой. Подкармливаніе дома не практикуется. Почти каждая деревня принимаетъ своего пастуха. Въ 1916 году пастухамъ платили по 5 рублей съ коровы въ лѣто (до войны 1½ рубля). Зимній кормъ—сѣно и солома въ видѣ трясянки; кормятъ и чистымъ сѣномъ. Суточное поеніе и кормленіе обычное какъ и въ другихъ волостяхъ. Парево готовится изъ „житной“ и ржаной мякины и объѣды отъ лошадей. Гуца парева посыпается мукой и скармливается. Зимнее помѣщеніе въ „дѣльничкахъ“. Подстилкою служатъ „трунда“, солома хвоя, если мало соломы. Удойность 15 фунт. Живой вѣсъ 16—20 пудовъ. Цѣны до войны 35—40 руб.

Церковническая волость. Цѣли и условія содержанія скота тѣ же, что и въ Петровской волости; практикуется лишь подкармливаніе возвратившагося съ пастбища скота. Поскотины настолько плохія, что за время зимы скотъ откармливается. Скотъ здѣсь мельче, чѣмъ въ Петровской волости и менѣе производителенъ за исключеніемъ Верхне-мехренской общины съ избыткомъ сѣнокосовъ и хорошими пастбищами; скотъ въ этой общинѣ лучше, чѣмъ въ Петровской волости.

Направленіе скотоводства. Холмогорскій скотъ пользуется справедливой извѣстностью издавна. Государственное значеніе мѣстнаго скотоводства было признано съ тѣхъ поръ, какъ начала крѣпнуть русская государственность. Извѣстно, что царемъ Петромъ Великимъ принимались мѣры къ улучшенію холмогорской породы скота, а его отецъ доставалъ отсюда племенныхъ коровъ для своихъ подмосковныхъ имѣній. Затѣмъ почти всѣ послѣдующіе за Петромъ цари слѣдовали по его стопамъ, выписывая сюда заморскихъ производителей и матокъ всевозможныхъ породъ: голландской, фрисландской, голыштинской и т. д. Но, конечно, не этимъ попеченіямъ царей и не этимъ заморскимъ разношерстнымъ производителямъ обязана холмогорская порода скота своимъ появленіемъ и своими достоинствами, а всецѣло естественно-историческимъ условіямъ края, тѣмъ обширнымъ и богатѣйшимъ лугамъ и пастбищамъ, кои лежатъ по берегамъ Сѣверной Двины. Заморскіе всевозможныхъ породъ производители если и оказали свое влияніе на холмогорскую породу скота, то, несомнѣнно, влияніе отрицательное въ смыслѣ порчи чистокровности породы. Но въ большинствѣ случаевъ они не оставляли послѣ себя никакого слѣда. Такъ, весь приплодъ отъ четырехъ голландскихъ производителей, выписанныхъ въ 1898 году и размѣщенныхъ въ Верхнихъ и Нижнихъ Матигорахъ, въ Медвѣдовской волости и въ Холмогорскомъ женскомъ монастырѣ, былъ скупленъ въ теченіе трехъ лѣтъ, въ возрастѣ до шести мѣсяцевъ, командированными въ уѣздъ ветеринарными врачами и агрономами Вятскаго и Пермскаго земствъ. Въ настоящее время различнаго рода изслѣдователи Сѣвера и изслѣдователи мѣстнаго скотоводства и луговодства говорятъ

объ ухудшеніи породы холмогорскаго скота. Мѣстные старожилы не подтверждаютъ этихъ взглядовъ. Во всякомъ случаѣ, для подтвержденія этого необходимо тщательное долготѣнее наблюденіе и соотвѣтствующій цифровой матеріалъ, а не бѣглое знакомство съ мѣстнымъ хозяйствомъ. По словамъ „стариковъ“, порода скота вовсе не ухудшилась, но что количество скота на хозяйство дѣйствительно уменьшилось. Это и понятно. Площадь луговъ и пастбищъ остается почти та же и, если увеличивается на счетъ расчистокъ, то угодіями худшаго качества и не въ такомъ отношеніи какъ идетъ увеличеніе населенія и числа хозяйствъ. Кроме того, спросъ на сѣно на Архангельскомъ рынкѣ годъ отъ года все увеличивается и масса сѣна, лучшаго сѣна района холмогорской породы скота идетъ на этотъ рынокъ, а не на содержаніе и увеличеніе скота.

Поддержка мѣстнаго скотоводства со стороны государства несомнѣнно необходима, но она должна идти не съ той стороны, съ какой она до сихъ поръ направлялась. Только съ возникновеніемъ агрономической организаціи въ губерніи мѣропріятія государства по улучшенію холмогорскаго скота приняли болѣе или менѣе должное направленіе. Ухудшеніе породы холмогорскаго скота возможно, но не отъ ухудшенія этой породы въ самой себѣ (съ этой стороны о поддержкѣ породы заботится С. Двина) и, даже, не отъ ухудшенія техники хозяйствованія, а исключительно отъ неблагоприятно сложившихся хозяйственно-экономическихъ условій. Явнымъ доказательствомъ этой мысли служить настоящее положеніе холмогорскаго скотоводства въ дни войны. Тогда какъ въ остальной Россіи количество скота за время войны уменьшилось на 25—30%, количество скота Холмогорскаго уѣзда увеличилось на 50—60%. Правда, здѣсь не было реквизицій скота, но реквизиціи уменьшили бы приростъ численности скота самое большее на 10%, а вѣрнѣе и совсѣмъ не уменьшили-бы. Такой большой приростъ количества скота здѣсь обязанъ своимъ происхожденіемъ всецѣло огромному спросу на молочные продукты Архангельскимъ рынкомъ, небывалому подъему цѣнъ на эти продукты и организованности сбыта и производства молочныхъ продуктовъ молочными артелями и ихъ союзомъ. Съ окончаніемъ войны экономическія условія по всей вѣроятности измѣнятся къ худшему для мѣстнаго скотоводства. Архангельскій молочный рынокъ будетъ связанъ съ другими рынками, молочныхъ продуктовъ, Сибирью и Вологдой и цѣны на молочные продукты падутъ, но зато увеличатся до огромныхъ размѣровъ спросъ со стороны остальной Россіи на племенной скотъ холмогорской породы. Вслѣдствіе отсутствія организованности сбыта скота, цѣны на скотъ едва ли поднимутся и если поднимутся выше опредѣлившихся за время войны, то не до соотвѣтствующихъ спросу предѣловъ и не регулируемый ничѣмъ сбытъ племеннаго скота можетъ повлечь буквально расхищеніе холмогорскаго скота. Сбытъ мѣстнаго скота какъ племеннаго до войны (за время войны продажа скота на другіе рынки кроме Архангельска, куда скотъ продавался только на мясо, прекратилась) былъ всецѣло въ рукахъ кучки скунщиковъ. Закупивъ скотъ еще чуть не за годъ, они сгоняли его въ опредѣленные сроки въ гурты и отправляли „въ походъ“ въ большинствѣ случаевъ въ Петроградъ, гдѣ и продавали его втридорога по сравненію съ покупными цѣнами на мѣстѣ. „Въ походъ“ обычно отправлялся лучшій и молодой скотъ, въ количествѣ отъ 20 до 25% отъ общаго числа скота ежегодно, еще не успѣвшій оставить послѣ себя

достаточное количество приплода. Поэтому въ районѣ чистой породы холмогорскаго скота большинство коровъ 2—3 отеловъ; коровъ 4 отеловъ меньше, 5 отеловъ еще меньше и т. д. Это обстоятельство въ связи еще съ неумѣлымъ и неразумнымъ подборомъ производителей мѣстными хозяевами, многихъ заставляеть опасаться за судьбы холмогорскаго скота. Производители, въ большинствѣ содержимые мужичками побогаче, обыкновенно всю свою жизнь держатся взаперти въ темномъ хлѣвѣ по колѣно въ навозѣ. По какому-то странному убѣжденію крестьянъ, порозъ не долженъ видѣть свѣта. Такое содержаніе порозовъ еще полбѣды, а вся бѣда въ томъ, что пороза сплошь и рядомъ непородисты и о родословной ихъ хозяева приводящіе коровъ для случекъ, не находятъ нужнымъ справляться и обычно, даже, не видаютъ его. Это послѣднее грустное обстоятельство, отчасти влияющее на ухудшеніе породы скота, въ настоящее время надо считать устраненнымъ, но крайней мѣрѣ въ прихолмогорскомъ районѣ скотоводства, благодаря широко и разумно поставленнымъ въ этомъ направленіи работамъ правительственной агрономической организациі. Въ трехъ волостяхъ этого района въ настоящее время находится шесть прекрасно оборудованныхъ казенныхъ случныхъ пунктовъ, на которыхъ до 20 тѣлательно и умѣло подобранныхъ агрономическимъ персоналомъ, изъ мѣстныхъ стадъ, производителей. Эти казенные пороза обслуживаютъ не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ коровъ этого района. Въ предѣлахъ уѣзда кромѣ этихъ случныхъ пунктовъ есть еще семь частныхъ держателей восьми казенныхъ порозовъ, тоже подобранныхъ агрономами. Не менѣе важное значеніе въ дѣлѣ подъема мѣстнаго скотоводства имѣли и широко поставленные опыты показательнаго кормленія, курсы и пропаганда объ улучшеніи скотоводства. Въ прихолмогорскомъ и отчасти въ зачачевскомъ районѣ, благодаря этому появился усиленный спросъ на концентрированные корма, появились улучшенныя скотныя дворы и т. д. Но, несомнѣнно, самымъ важнымъ достиженіемъ агрономической организациі въ дѣлѣ увеличенія количества, улучшенія и укрѣпленія породы холмогорскаго скота, является организациа сбыта и производства молочныхъ продуктовъ, организациа молочныхъ артелей. Не будь этого, процентъ прироста скота за 1916 годъ вѣроятно понизился бы, а быть можетъ, холмогорское скотоводство постигла бы участь скотоводства остальной Руси. Къ сожалѣнію, эти работы хозяйственно-организационнаго характера правительственной агрономической организацией губерніи ставятся на задній планъ и все вниманіе сосредоточено на мѣропріятіяхъ зоотехническаго характера. Между тѣмъ теперь на очереди организациа на кооперативныхъ началахъ сбыта скота. Гибельность для холмогорскаго скотоводства хозяйничанія скупщиковъ мѣстнаго скота, даже полицейское холмогорское управленіе въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1914 годъ характеризуетъ такъ: „За послѣдніе годы условія сбыта скота для выращивающаго его населенія стали болѣе тягостными и ненормальными, благодаря сплоченности мѣстныхъ скупщиковъ и дѣленія ими между собою района холмогорскаго скотоводства на участки, въ предѣлахъ которыхъ каждый изъ нихъ является почти полнымъ хозяиномъ. Такіе-то хозяева, устранивъ конкуренцію, являются строителями цѣнъ на скотъ на мѣстахъ, чѣмъ приносятъ убыточный вредъ владѣльцамъ скота“. Всѣ результаты мѣропріятій зоотехническаго характера пойдутъ на смарку передъ вышшимъ гибельнымъ влияніемъ неблагоприятныхъ хозяйственно-экономическихъ

условій для мѣстнаго скотоводства. Въ труды и денежныя затраты по организаціи казенныхъ случныхъ пунктовъ, показательнаго кормленія и т. д. могутъ пропасть въ этой бездонной бочкѣ Данаидъ—хозяйничанія при сбытѣ скота частными скупщиками, когда интересы хозяевъ скота приносятся въ жертву наживѣ и только объединеніе хозяйствующихъ единицъ въ кооперативы по сбыту скота спасетъ холмогорскій скотъ отъ возможнаго послѣ войны расхищенія.

Овцеводство, коневодство и свиноводство. Овцеводство въ крестьянскомъ хозяйствѣ Холмогорскаго уѣзда большого значенія не имѣетъ и количество овецъ годъ отъ года замѣтно уменьшается. Такъ въ 1875 г. въ уѣздѣ было 13434 овцы, а въ 1916 г. только 4915 овецъ. Держать овецъ не во всѣхъ хозяйствахъ; напримѣръ, въ Великодворской волости овецъ имѣютъ до 15% хозяйствъ, а въ Медвѣдовской лишь 10% хозяйствъ. Уменьшеніе количества овецъ и незначительный % содержащихъ ихъ хозяйствъ объясняется малопродуктивностью мѣстной овцы, дешевой шерстяныхъ тканей фабричнаго производства (до войны) и уменьшеніемъ площади покосовъ, приходящихся на одно хозяйство. Мѣстная овца малыхъ размѣровъ, въ большинствѣ бѣлой масти и доходитъ отъ нея дѣйствительно незначительнъ: 4—5 фунтовъ шерсти и до 1 пуда мяса. „Пакостятъ“ же поля и луга овцы основательно вслѣдствіе плохихъ (въ 3 жерди) изгородей.

Содержаніе же лошадей для мѣстнаго крестьянскаго хозяйства во многихъ случаяхъ является даже большей необходимостью, нежели содержаніе коровъ. Исключеніе въ данномъ случаѣ составляютъ только хозяйства волостей: Курейской, Ломоносовской, Кушевской, Зачачевской и отчасти Емецкой, Медвѣдовской и сѣверной части Великодворской. Главною статьею денежнаго дохода въ бюджетѣ крестьянина остальныхъ волостей является заготовка въ зимнее время лѣса (исключая еще Черняевскогорскую вол., гдѣ заготовкой лѣса занимаются мало), а эти лѣсныя работы безъ лошади невозможны. Вторая необходимость содержанія лошади—обработка земли. Не малый доходъ нѣкоторымъ хозяйствамъ дать за послѣднее время также извозъ, тоже немислимы безъ лошади. Вышеуказанный большой % безлошадныхъ хозяйствъ (до 25%) объясняется тѣмъ, что глава этихъ безлошадныхъ хозяйствъ зарабатываетъ деньги въ теченіе почти круглаго года гдѣ-нибудь внѣ предѣловъ уѣзда, или въ большихъ городахъ. Примѣромъ такихъ хозяйствъ могутъ служить хозяйства кровельщиковъ, зарабатывающихъ въ столицахъ въ теченіе лѣтняго строительнаго сезона большія деньги. Незначительность пахотныхъ угодій даетъ возможность справиться съ пашней безъ значительныхъ затратъ наемнымъ трудомъ. До войны обработка душевого надѣла съ уборкой и вывозкой сѣна и вывозкой дровъ стоила 25 рублей. Поэтому безлошадность здѣсь не характеризуетъ обѣднѣнія этихъ безлошадныхъ хозяйствъ, а часто наоборотъ, свидѣтельствуетъ о достаточной ихъ зажиточности. Цифры количества лошадей въ уѣздѣ остаются болѣе или менѣе постоянными и не подвержены такимъ сильнымъ колебаніямъ, какъ цифры количества рогатаго скота. Замѣтное уменьшеніе числа лошадей за годы войны объясняется, какъ сказано выше, значительной убылью хозяевъ, ушедшихъ на войну или на заработки въ предпріятія по оборонѣ страны и мобилизаціями лошадей.

Всѣ мѣстныя лошади типа мезенокъ. Это маленькія, плотнаго сложенія, бойкія и выносливыя лошадки, въ большинствѣ случаевъ карей

масти. Ихъ малый ростъ при вывозкѣ лѣса по снѣжнымъ сугробамъ является большимъ недостаткомъ. Поэтому прилитіе мѣстной лошади крови лошадей рысистаго типа или финокъ весьма было бы желательно. Выращиваются лошади частью на мѣстѣ, частью покупаются на ярмаркахъ въ г. Пинежѣ или въ с. Карногорахъ Пинежскаго уѣзда, куда онѣ приводятся изъ Мезенскаго или Печорскаго уѣздовъ. Въ волостяхъ Церковинческой и Петровской лошади приводятся изъ Шенкурскаго уѣзда. На мѣстѣ лошади выращиваются главнымъ образомъ въ Черняевскогорской и Зачачьевской волостяхъ.

Кормомъ лошадямъ служить сѣно лучшаго качества, овесъ и ячмень. Во время домашнихъ работъ овсомъ лошадей почти не кормятъ, при лѣсныхъ же работахъ даютъ обязательно $\frac{1}{2}$ пуда овса въ день на каждую лошадь. Помѣщеніемъ для лошадей служить „диредворье“ за исключеніемъ волостей Ломоносовской, Курейской и Кушевской, гдѣ лошади помѣщаются въ задней половинѣ скотнаго двора.

Зачатки свиноводства есть только въ Ломоносовской (2 головы) и Кушевской (49 головъ) волостяхъ. До 10 свиней раньше было въ Великодворской волости. Въ районѣ промышленнаго скотоводства, въ волостяхъ прихолмогорскихъ и частью Зачачьевской, Емецкой и Великодворской, развитіе свиноводства было бы весьма желательно. Обеспеченность сбыта свинины на Архангельскомъ рынкѣ, гдѣ цѣны на свинину весьма высоки, скороспѣлость и плодовитость свиньи и избытокъ отбросовъ производства молочныхъ продуктовъ для корма, служатъ достаточнымъ залогомъ выгоды свиноводства, могущаго быть даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ разведеніе „походницъ“. Починъ этого дѣла развитія свиноводства въ уѣздѣ должны были бы взять на себя молочныя артели (Верхне-Матигорская артель уже имѣетъ нѣсколько свиней) при содѣйствіи агрономической организаціи. Къ сожалѣнію, недостатокъ агрономическаго персонала мѣстной правительственной агрономической организаціи, все главное вниманіе которой пока сосредоточено на улучшеніи крупнаго рогатаго скота, не даетъ возможности осуществить программу улучшенія животноводства во всей ея широтѣ.

В. Насоновскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Объ условіяхъ вскрытія р. С Двины у г. Архангельска въ 1917 году *).

Прежде чѣмъ говорить о ледоходѣ, я долженъ сдѣлать поясненіе, что р. С. Двина имѣетъ направленіе своего теченія съ юга на сѣверъ, чѣмъ обуславливается начало ледохода постепенно, сначала у г. Вологды, р.р. Сухоны и Юга, затѣмъ далѣе на Сѣверъ и, наконецъ, доходить до г. Архангельска. Ежегодныя сообщенія подтверждаютъ таковой порядокъ: такъ, когда въ Архангельскѣ еще существуетъ санная черезъ ледъ рѣчки дорога, изъ г. Вологды въ это-же время уже плывутъ пароходы, баржи и барки и т. и. рѣчныя суда, съ грузами для Архангельска. Такъ было и въ настоящемъ 1917 году.

*) Докладъ, сдѣланный на Общемъ Собраніи А. О. Н. Р. С. 18 мая 1917 г.

Рѣка С. Двина со впадающими въ нее притоками Вычегдой, Вагой и Пинегой и др. мелкими рѣчками, вилоть до г. Архангельска имѣеть одно общее русло, и ледъ движется до г. Архангельска по одному руслу, а отъ г. Архангельска, ниже до впаденія ея въ Бѣлое море, Двина, образуя обширную дельту, развѣтвляется на многіе рукава и, какъ извѣстно, впадаетъ въ Бѣлое море пятью устьями. Первое устье, или рукавъ дельты противъ гор. Архангельска, Никольское, имѣющее при входѣ въ это устье ширину около 350 сажень; второе—Подужемское устье, которое отвѣтвляется отъ Никольскаго на полпути отъ Двины до моря; третье—Мурманское устье, входъ въ которое съ Двины имѣется ниже Соломбалы и общее устье Корабельнаго рукава (послѣдній впадаетъ въ общее русло ниже Ланомники), затѣмъ четвертое—Старый Баръ, который отвѣтвляется отъ Корабельнаго рукава и впадаетъ въ Бѣлое море и пятое—Березовое устье или Баръ, черезъ которое проходятъ всѣ морскія суда и въ это же устье впадаютъ Маймакса и р. Кузнечиха.

Такимъ образомъ, природа сама приспособила безболѣзненное вскрытіе рѣки, образуя на Сѣверѣ ея нѣсколько рукавовъ и устьевъ для пропуску льдовъ, напирających съ верху, т. е. изъ болѣе теплаго и умѣреннаго климата Россіи, дабы сломанный около Архангельска ледъ еще значительной толщины и прочности могъ свободно идти въ море, но, при этомъ нельзя не обратить вниманія, что въ г. Архангельскѣ ширина рѣки значительно шире ея рукавовъ, впадающихъ ниже въ море, особенно такого, какъ рукавъ Маймакса. Для характеристики привожу сравнительную табличку ширины рѣки Маймаксы къ верху, до 6-й версты:

Маймакса у Удѣльнаго завода около	50 саж.
Двина, между Соломбалой и Хабаркой	225 "
" между г. Архангельскомъ и Кегостровомъ	400 "
" на Быку до вокзала	300 "
" на 6-й вер. выше города	1700 "

Разстояніе отъ 12-й версты выше города отъ входа въ рукавъ Маймаксы—20 верстъ. Все это пространство, если исключить Никольское устье и Кузнечиху до Маймаксы, представляетъ какъ бы воронку, горло которой устье Маймаксы; конечно, если бы не было въ этомъ районѣ устьевъ Никольскаго съ Подужемскимъ и рукава Кузнечихи, то всегда, ежегодно были бы наводненія въ этомъ районѣ.

Еще долженъ пояснить, что дельта Двины съ моря имѣеть ширину не менѣе 100 верстъ, и разстояніе отъ г. Архангельска по прямому направленію дельты до моря около 50 верстъ.

Ледоходъ Сѣверной Двины.

Въ настоящемъ 1917 году такого ранняго вскрытія Двины очевидно не ожидалъ никто. Большинство ожидало вскрытія не ранѣе 20 апрѣля, или 22—23 апрѣля; но столь внезапный ледоходъ, начавшійся въ Архангельскѣ съ 12 апрѣля случался и ранѣе, а именно:

Въ 1730 году	11-го апрѣля
" 1734 "	14 "
" 1757 "	14 "
" 1764 "	10 "
" 1771 "	13 "
" 1822 "	14 "

Въ 1827 году	15-го апрѣля
„ 1836 „	12 „
„ 1902 „	9 „
„ 1903 „	11 „
„ 1904 „	15 „
„ 1910 „	15 „
„ 1913 „	12 „

т. е., считая съ 1734 года или за 183-лѣтній періодъ Двина вскрылась до 15 апрѣля 17 разъ; причины вскрытій прежнихъ лѣтъ намъ не извѣстны.

Въ будущемъ также трудно будетъ предсказывать и предугадывать такіе неожиданные сюрризы, каковой преподнесла г. Архангельску рѣка Двина въ настоящемъ году; нельзя не отмѣтить, что причины были налицо. Главной причиной начавшагося ледохода въ г. Архангельскѣ и ниже его по устью, можно считать работу, разломъ льда ледоколами. Прежде чѣмъ перейти къ роли ледоколовъ въ ускореніи вскрытія Двины, и долженъ представить нѣсколько предпосылокъ. Всякій изъ насъ, выдавшій воду и ледъ и притомъ живущій около рѣки или даже рѣчки, знаетъ, что ледъ замерзаетъ на водѣ быстрѣе при тихой погодѣ, (при морозахъ, конечно); отсутствіе вѣтра, теченія, волнъ и т. п. факторовъ, колеблющихся водную поверхность, ускоряютъ замерзаніе, быстринны, (напримѣръ въ порогахъ вода не замерзаетъ всю зиму) рябь отъ вѣтра, волны и др. колебанія поверхности задерживаютъ на болѣе или менѣе продолжительное время образованіе и замерзаніе льда; тѣ же причины, замедляютъ или ускоряютъ исчезновеніе, таяніе и разломъ льда.

На меляхъ, отмеляхъ, въ заводяхъ и около отмельныхъ береговъ, а также озерлахъ, весной ледъ держится всегда дольше, чѣмъ на быстрыхъ и глубокихъ фарватерахъ, что всякій видѣлъ или можетъ видѣть и убѣдиться воочию даже на Двинѣ. Мели и менѣе быстрое пространство рѣки вскрываются позднѣе, чѣмъ среди не глубокаго русла, гдѣ теченіе быстрѣе; кромѣ того, измѣненіе уровня воды въ рѣкѣ также ускоряютъ вскрытіе; повышеніе уровня способствуетъ снятію льдовъ съ мелей, а пониженіе, дѣйствуя въ обратномъ направленіи, стави ледъ на мели. по отношенію къ глубокимъ фарватерамъ, дѣйствуетъ разрушающе на ледъ, надламывая его, чѣмъ разрушаетъ изъ одного цѣлага и опять же ускоряетъ вскрытіе. Всѣ вышеизложенныя явленія вовсе не новосты; но, таковыя явленія очевидно не были до сихъ поръ принимаемы въ расчетъ. Тѣ предположенія, которыя были приняты ледокольнымъ совѣщаніемъ передъ началомъ работъ ледоколовъ, а именно, что вскрытіе Двины могло быть ожидаемо не ранѣе 20 апрѣля, какъ мы убѣдились, не оправдались, потому-что не приняли въ расчетъ работу ледоколовъ, которая ускорила вскрытіе рѣки Двины. Я, будучи приглашенъ на ледокольное совѣщаніе 5 апрѣля сего года при управленіи торговаго порта подъ предѣлательствомъ помощника начальника порта Эльзенгера, былъ почти единственнымъ сторонникомъ осторожнаго разлома льда Двины и при условіи разлома и спуска льда въ моръ снизу, т. е. съ бара вверхъ. сначала отъ бара до Маймаксы и Экономін, затѣмъ до Соломбалы и острова Москева, гдѣ настанвалъ кромѣ большихъ глубоководящихъ ледоколовъ, пустить въ работу съ Бара имѣющіеся два малые ледокола, такъ какъ первые, имѣя осадку не менѣе 20 футъ, могли разламывать каналъ фарватера лишь съ таковой глубиной, т. е. сравнительно узкій каналъ между мелями или глубинами.

меньше 20 футъ. Для уширенія отъ льда поверхности рѣки, могли бы работать лишь малые ледоколы съ осадкой до 15 футъ, что дало бы двойную ширину канала, свободнаго отъ льда для спуска льда, чѣмъ была бы устранена причина заторовъ. Затѣмъ было предложено, малыми же ледоколами, проломать корабельный фарватеръ, гдѣ вать возможность движенія воды и льда, а затѣмъ уже по исполненіи этой программы начать осторожную разломку льда къ городу и выше къ вокзалу, Бакарицѣ и 6-й верстѣ, но было обращено вниманіе и на Никольское устье, гдѣ было необходимо, до разлома льда выше города, разломать ледъ по Никольскому устью, хотя бы до р. Лая и даже до Рикасихи. Но большинство совѣщанія стояло за то, чтобы одновременно съ началомъ работъ ледоколовъ на Барѣ, были бы начаты работы ледоколовъ какъ въ Соломбалѣ, такъ и въ городѣ и выше на Бакарицѣ и 6-й верстѣ, гдѣ пужно убрать краны и др. плавушія средства до ледохода.

Такимъ образомъ, совѣщаніе руководствуясь такими аргументами, хотя въ принципѣ и согласилось съ моими доводами, но, очевидно, рѣшило по-своему, т. е. по большинству, работать ледоколами сразу въ 3-хъ районахъ.

Такъ, 8—9 апрѣля 2 ледокола большихъ съ осадкой 20 футъ ломали и спускали ледъ съ Бара, дѣлая по фарватеру каналъ шириной около 100—150 сажень; я, командуя ледоколомъ такой же осадки, началъ работу 11-го апрѣля (задержка была за пріемомъ угля) отъ Лапоминки. 12-го апрѣля наши работы были почти окончены, русло очищено было до острова Мосѣва, малые ледоколы внизу рѣки не работали и корабельный фарватеръ ими не былъ разломанъ. 12-го апрѣля одинъ изъ большихъ ледоколовъ былъ отправленъ въ городъ для перевозки пассажировъ на вокзалъ и обратно въ городъ. Сдѣланный имъ узкій каналъ не сдѣлалъ большого сдвига льда, но въ тотъ же день былъ нуцненъ въ дѣло, въ городъ и выше, самый мощный ледоколъ специально для разлома льда, который безъ труда разрушилъ въ 2—3 часа весь городской районъ, произведя громадный сдвигъ по пространству почти 10 верстъ и шириной въ 1 версту, чѣмъ и вызвалъ первую подвижку льда у города. Подвижка льда вызвала, конечно, заторъ, сначала у острова Мосѣва и надъ входомъ въ рѣку Кузнечиху, гдѣ напоръ былъ уже очень значительный на ледорѣзъ и наконецъ острова Мосѣва, а также ледъ сдвинулся и со стороны отъ фарватера—канала, а затѣмъ измельченный идущими снизу ледоколами, прошелъ черезъ Соломбалскій рейдъ и всталъ заторомъ у входа въ Маймаксу. Какъ первый, такъ и второй заторы обусловили дѣлалы повышение уровня воды въ Двинѣ, т. е. каждый заторъ, остановка льда повышали уровень, а прорывъ внизъ, подвижка, понижала, что и было причиной колебаній уровня воды въ городѣ и выше города. Такое состояніе колебаній уровня въ рѣкѣ сказалось тѣмъ, что утромъ 14 апрѣля ледъ двинулся съ 12-й версты выше города, а затѣмъ начался общій ледоходъ. Къ этому нельзя не указать, что мы, идя своимъ ледоколомъ утромъ 13-го апрѣля внизъ въ Маймаксу, чтобы разбивать паличіе затора и спускать ледъ, встрѣтили идущій самый мощный ледоколъ къ Соломбалѣ, который старался разбивать ледъ выше затора, закрывшій входъ въ Маймаксу. Этимъ онъ не помогалъ спуску льда въ Маймаксу и ниже, а лишь увеличивалъ заторъ. Таковая работа, конечно, приносила не пользу, а существенный вредъ. Вскорѣ мною была послана радіотеле-

грамма помощнику начальника порта, что я считаю работу ледоколовъ, вверху заторовъ вредной для дѣла. Послѣ этого, однако, 13—14 и 15 мы ледоколомъ работали все время снизу, т. е. пробивали заторъ и спускали ледъ. 14 апрѣля, когда около Соломбалы и города заторъ остановился, заторъ Маймаксу и въ уровнѣ поднялся, то внизу около острова Мудьюгскаго и выше до Экономіи теченіе сверху почти остановилось, т. е. вода двигалась какъ обыкновенно при приливѣ, и ледъ несло обратно вверхъ. Случившійся морозъ до 8° притомъ спаялъ сломанный ледъ такъ, что, работая сначала двумя, а 15 утромъ даже тремя ледоколами, стоило большихъ усилій разбить заторъ отъ Мудьюгскаго до Экономіи. Поэтому, ошибки, непринятія осторожныхъ мѣръ разлома льда въ городѣ, заторы и внезапное измѣненіе уровня воды, а затѣмъ необдуманныя работы мощнаго ледохода выше заторовъ, ускорили ледоходъ и тѣ разрушенія и др. поврежденія на Бакарицѣ и др. районахъ порта, были вызваны, не природою, а необдуманными дѣйствіями распорядителей ледокольнаго дѣла.

Въ заключеніе моего доклада я долженъ сказать, что убытки по поврежденію судовъ, баржъ, пристаней Бакарицы, разломъ желѣзнодорожнаго моста на Кузнечихѣ, по словамъ лицъ близко стоящихъ къ этому вопросу, далъ убытокъ казѣ около милліона рублей.

Капитанъ И. Ануфриевъ.

Пересѣченіе Новой Земли подъ 76° сѣверной широты.

Еще въ декабрѣ 1912 г., когда полярная мгла круглыя сутки окутывала бухту (Св. Фоки *) и препятствовала обитателямъ ея покидать съ цѣлью изслѣдованій на болѣе продолжительное время уютныя помѣщенія судна,—одной изъ наиболѣе интересныхъ и часто поднимавшихся темъ были самыя экспедиціи, которыя предполагалось снаряжить весной для обследованія сѣверной части Новой Земли. Въ концѣ-концовъ было рѣшено съ наступленіемъ свѣтлаго и менѣе холоднаго времени отправить три самостоятельныхъ самыхъ экспедицій, причѣмъ въ составъ каждой должно было войти два человѣка при одной партѣ. Маршруты этихъ трехъ экспедицій были таковы: Георгій Яковлевичъ Сѣдовъ съ цѣлью точнаго нанесенія на карту береговой линіи слѣдуетъ вдоль западнаго побережья Новой Земли до мыса Желанія и, если окажется возможнымъ, обследуетъ и часть Карскаго побережья. Михаилъ Алексѣевичъ Павловъ пересѣкаетъ Новую Землю съ цѣлью геологическаго изученія какъ внутренней, такъ и прибрежныхъ ея частей и, наконецъ, мнѣ предстояло пересѣчь Новую Землю и заняться съемкой Карскаго побережья, причѣмъ желательно было вести эту съемку отъ мѣста выхода къ Карскому морю на Сѣверъ. Продолжительность экспедицій Павлова была рассчитана на одинъ мѣсяць, что же касается экспедицій Сѣдова и мой, то продолжительность ихъ ставилась въ прямую зависимость отъ того, найдемъ ли мы какого-нибудь звѣря для нашего пропитанія, а также въ пищу собакамъ, или не найдемъ. Дѣло

*) Мѣсто первой зимовки полярной экспедиціи Г. Я. Сѣдова у сѣв.-зап. берега Новой Земли, подъ 76° 0' N и 59 55° E отъ Гринвича.

въ томъ, что каждая экспедиція была въ состояннн взять корму для собакъ только на одинъ мѣсяцъ, а для людей на 1½ мѣсяца. Каждой партн полагалась парта въ 10 собакъ; у Сѣдова были лучшн собаки, у Павлова и у меня довольно скверныя.

„Собачьи“ дѣла экспедицн вообще обстоили нѣсколько плачевно. Изъ 85 собакъ, которыми экспедицн располагала въ день выхода изъ Архангельска, дѣйствительно годными оказались только сибирскн собаки, доставленныя намъ изъ Тобольской губернн Тронгтеймомъ, тѣмъ же самымъ, который поставлялъ собакъ Пансеу и герцогу Абрुकому. Остальныя собаки, доставленныя намъ нѣкимъ г. Вышомірскимъ, въ громадномъ большинствѣ оказались самыми настоящими дворняжками. Последннхъ при выходѣ изъ Архангельска у насъ было 50 штукъ; г. Вышомірскн не постѣнялся взять за каждую собаку 50 рублей (тобольскн намъ обошлись дешевле). Уже осенью эти несчастные ны, утомленные длиннымъ морскимъ переходомъ, начали гибнуть. Плохое питанн (цѣлую зиму мы кормили собакъ кашей, т. к. свѣжаго мяса не было, а специальныя собачьи галеты приберегались для саннхъ экспедицн) и полярная стужа сдѣлала свое дѣло—къ веснѣ погибло уже болѣе 70% всѣхъ архангельскнхъ собакъ.

Изъ десяти собакъ, бывшнхъ въ моеи партн, было 4 сибирскнхъ и 6 архангельскнхъ. Изъ архангельскнхъ собакъ 3 слегка подтягивали, другая же половина не только не тянула, но перѣдко явно упиралась. Я сдѣлалъ непростительную ошибку, что взялъ этихъ трехъ псовъ—пользы во время перехода они не принесли никакой, а вреда много: пришлось для нихъ везти кормъ, кромѣ того они тормозили парту. Имена моихъ собакъ были слѣдующн: Пиратъ, Куцый, Сибирякъ, Горюшъ, Шурка, Фрамъ, Черка, Громила, Волкодавъ и Няная баба.

Я себѣ позволяю въ самыхъ краткнхъ чертахъ привести здѣсь біографн бывшнхъ со мной собакъ,—да проститъ мнѣ читатель это отступленн. Но, вспоминая сейчае всю ту колоссальную работу, которую совершили наши собаки, для меня это является своего рода правдивнымъ долгомъ. Понстнѣ,—мученики Сѣвера эти полярныя собаки! Вѣдь безъ ихъ самоотверженной работы человечество не могло бы гордиться такими грандіозными открытнми, какъ достиженн обоихъ земнхъ полюсовъ!

Пиратъ и Куцый были одними изъ лучшнхъ нашихъ собакъ. Они принимали участн почти во всѣхъ саннхъ экскурсняхъ сѣдовской экспедицн и тянули парту съ какимъ-то фанатическимъ иступленнемъ даже тогда, когда бывали совершенно истощены, когда отъ долгой работы ремни натирали имъ кровавыя рапы. Пиратъ и Куцый были въ числѣ 7 удѣлнвшихъ собакъ (изъ 85), привезеннхъ экспедицней обратно въ Россію. Въ благодарность за ихъ самоотверженный трудъ злые люди посадили этихъ собакъ, никогда не бывавшнхъ на привязи и со дня появленн ихъ на свѣтъ привыкшнхъ къ дикой волѣ полярнхъ пустынь,—въ клѣтку петербургскаго зоологическаго сада! Пирату удалось бѣжать изъ тюрьмы и гдѣ онъ сейчае—неизвѣстно, Куцый же сидитъ въ клѣткѣ и посейчае... Сибирякъ палъ на Землѣ—Франца жертвой своего воинственнаго и задириваго характера: онъ былъ загрызенъ другою собакою во время одной изъ безчисленнхъ собачнхъ дракъ, зачинщикомъ которыхъ онъ перѣдко являлся. Горюшъ погибъ голодной смертью на Землѣ Франца-Иосифа при весьма трагическихъ обстоятельствахъ. Во время одной изъ моихъ саннхъ экскур-

сій по глетчерамъ о-ва Гукера предстояло протаскать парту черезъ трещину шириной аршина въ два. Всѣ собаки перескочили удачно, Горюнь же, отличавшійся вообще суетливостью, какимъ-то образомъ выскочилъ изъ упряжки и полетѣлъ въ черную бездну ледниковой трещины. Пагнувшись надъ трещиной, я услышалъ еще звонкій шумъ падавшихъ ледяныхъ осколковъ, снизу еле доносился жалобный пискъ собаки... У насъ не было съ собой достаточной длины каната, чтобы спустить въ трещину человѣка, и Горюнь былъ отданъ во власть голодной смерти. Горюнь былъ однимъ изъ моихъ любимѣйшихъ псовъ и тотъ, кому приходилось долгое время жить въ полярной обстановкѣ, а бы сказалъ душа въ душу съ собаками, тотъ пойметъ, что я не былъ сантименталенъ, когда писалъ въ тотъ день въ дневникъ: „сегодня погибъ одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей....“.

Шурка безслѣдно исчезъ на Землѣ Франца-Иосифа. Весьма возможно, что его постигла такая же участь, какъ Горюня, т. е. вѣроятность, что Шурка заблудился, совершенно исключается, смерть его отъ другихъ несчастныхъ случаевъ (напр. встрѣча съ медвѣдемъ) мало-вѣроятна. Фрамъ погибъ на Землѣ Франца-Иосифа отъ стужи и голода во время послѣдней санной экспедиціи Г. Я. Съдова къ Сѣверу. Черка погибъ во время санной экскурсіи, предпринятой съ охотничьей цѣлью полярной почью на Землѣ Франца-Иосифа. Этотъ песъ отличался весьма малой интеллигентностью и вполнѣ возможно, что онъ просто заблудился. Громила, Волкодавъ и Шьяная баба отдали свою жизнь на ледниковомъ покровѣ Новой Земли.

Моимъ десяти собакамъ предстояло тянуть парту въ 17 пудовъ, это была максималыная нагрузка. Однако уже въ первый день путешествія выяснилось, что и этотъ грузъ не подъ силу ослабѣвшимъ за зиму собакамъ.

Для характеристики продовольственного режима я привожу здѣсь списокъ взятаго съ собой провіанта:

сухари изъ чернаго хлѣба	20	фунтовъ.
„ „ бѣлаго „	7	„
баранки	12	„
бисквиты	9	„
мясные консервы въ банкахъ	60	„
сушеный мясной порошокъ съ масломъ	15	„
сушеное мясо	4	„
малороссійское сало	7	„
масло коровье	15	„
макаронны	7	„
мясной шоколадъ	5	„
шоколадъ	2	„
сгущенное молоко	2	„
молочная мука Нестле	2	„
сушеные фрукты	3	„
сахаръ	18	„
чай	1 ¹ / ₂	„
какао	7	„
соль	2	„
лукъ	2	„
перець	1 ¹ / ₁₀	„

клюквенный экстракт	1/4 фунта.
снирту для питья	1 бутылка.
Итого 200 фунтовъ.	

на 45 дней для 2 челоѣкъ, т. е. въ день на челоѣка 2,22 фунта, что было благодаря цѣлесообразному подбору продуктовъ вполне достаточно, чтобы поддержать силы даже при усиленной работѣ.

Для десяти собакъ было взято зѣ расчетомъ на 1 мѣсяць 6 1/2 пудовъ собачьихъ галетъ, изготовленныхъ изъ мяса и овсяной муки, частью въ Америкѣ, частью въ Петербургѣ, т. е. въ день на собаку приходилось 0,87 фунта, что было явно недостаточно. Кромѣ того было взято съ собой:

керосину	36 фунтовъ.
снирту для разжиганія „Примуса“	1 бутылка.
спичекъ	2 пачки.
свѣчей *)	3 фунта.

Въ виду того, что и мнѣ и Павлову предстояло пересѣчь Новую Землю, мы рѣшили двинуться съ судна вмѣстѣ. Оказывая другъ другу взаимную помощь, мы этимъ, конечно, много выгадывали.

Отходъ нашихъ партій мы назначили на 17 марта**). Погода за послѣдніе дни пребыванія на суднѣ стояла хорошая. 17-го утромъ температура воздуха была $-26,9^{\circ}$ Ц., дулъ легкой вѣтеръ съ W. Парты были нагружены еще съ вечера. Утромъ я всталъ около 6-ти. Въ каютъ-компаніи былъ уже приготовленъ горячій завтракъ, за которымъ фигурировало мое излюбленнѣйшее блюдо — медвѣжатина.

.... Я уже одѣтъ и выхожу съ судна. Собаки запряжены. При видѣ несчастныхъ псовъ все вышеупомянутое настроеніе пропадаетъ. Особенно жалокъ Волкодавъ — любимецъ Н. В. Пинегина. Онъ совершенно отошалъ и спина его высоко выгнулась кверху. Глаза выражаютъ усталость, жадность и голодь, голодь, голодь... „Ну, Николай Васильевичъ, прощайтесь съ вашимъ Волкодавомъ!“ — говорю я художнику. „Да ужъ видно не вернется!“ — подтверждаетъ мою мысль Пинегинъ.

Наконецъ мы трогаемся. Пинегинъ кинематографируетъ нашъ отходъ и ветеринаръ Кушаковъ при этомъ, конечно, старается вылѣзти на первый планъ. Впрочемъ, на этотъ разъ Пинегинъ, кажется, перехитрилъ Кушакова, неожиданно повернувъ аппаратъ. „Рррр..... пырыпыры... ррр...“, — кричу я на собакъ и тѣ съ лаемъ бросаются впередъ. Путь нелегкій вслѣдствіе очень вязкаго снѣга. Парту подталкиваетъ сзади мой спутникъ матросъ Платонъ Коношлевъ, я иду впереди и прокладываю путь. Почти весь составъ экспедиціи провожалъ насъ около версты, затѣмъ началось прощаніе. Раздалось нѣсколько салютныхъ выстрѣловъ изъ ружей и револьверовъ, съ судна даже грянула пушка. На мачтѣ взвился „прощальный привѣтъ“, составленный изъ флаговъ международнаго свода сигналовъ.

*) Свѣчи пришлось взять, несмотря на свѣтлыяочи, въ виду того, что наша палатка была съ внутренней стороны покрыта темнопшнымъ сукномъ, такъ что въ ней при застѣгнутой двери было темно. Это было сдѣлано съ цѣлью отдыха для глазъ послѣ переходовъ по ярко освѣщеннымъ снѣжнымъ пустынямъ. Изъ практики однако выяснилось, что эта предосторожность при наличии очковъ съ темными стеклами излишня, вслѣдствіе чего я и не рекомендую для полярныхъ санныхъ экспедицій подобныя палатки прежде всего оттого, что темное сукно, которымъ покрыта палатка изнутри, увеличиваетъ ея вѣсъ.

***) Числа воздѣ по старому стилю.

Черезъ 2½ часа мы прошли губу Съдова и подошли къ леднику Таисія. Предстояло подняться на этотъ глетчеръ и отсюда до Карской стороны нашъ путь долженъ былъ лежать все время ледниковымъ покровомъ. „Р-р-р-р.....“—кричимъ мы на собакъ, но тѣ ни съ мѣста. Одинъ Пирать,—мой лучшій другъ—съ остервенѣніемъ бросается впередъ, по одному ему, конечно, не подъ силу сдвинуть семнадцатипудовую парту. Другія собаки и не думаютъ трогаться съ мѣста и лишь съ недоумѣніемъ глядятъ на насъ, точно спрашивая: „неужели вы, дураки, думаете, что мы потащимъ парту по такому крутому склону?“ Фрамъ—тотъ даже не потрудился встать, а преспокойно лежитъ себѣ, свернувшись калачикомъ и не обращаетъ никакого вниманія на все наши пенетовыя пошуканья. Съ него беретъ примѣръ и Шурка: онъ роетъ себѣ въ снѣгу ямку и уютно устраивается въ ней. Съ партией Павлова дѣло обстоятъ не лучше. Тогда мы вырягаемъ всемъ своихъ собакъ, числомъ 20, въ одну парту и при помощи людей, тинувшихъ изо всѣхъ силъ, намъ удается поднять сперва одну, потомъ и другую парту на ледникъ.

Пройдя еще одну версту, мы видимъ, что собаки уже чрезвычайно утомлены. Раскидываемъ палатки и залѣзаемъ въ мѣшки. Пройдено за день только 9 верстъ—это сознаніе портитъ мнѣ настроеніе. Я рассчитывалъ дѣлать въ среднемъ по 15 верстъ въ день minimum. Наввная мечта! Къ вечеру погода портится—туманъ, непріятный пронизывающій вѣтеръ иъ 8 метровъ въ сек.

На слѣдующій день идемъ по леднику Таисія. Все время продолжается подъемъ, правда, очень незначительный,—средній уклонъ ледника здѣсь 1° — $1\frac{1}{2}^{\circ}$,—но наши собаки и такой подъемъ отказываются брать. Коноплевъ подталкиваетъ парту сзади, я тащу ее спереди за бичевку. Въ этотъ день я началъ маршрутную съемку и сталъ считать шаги,—этотъ счетъ шаговъ я прервалъ только, дойдя до Карскаго моря. Считаніе шаговъ черезъ нѣсколько дней практики производится совершенно машинально, но зато, когда уже лежишь въ мѣшкѣ и лежачій рядомъ Коноплевъ храпитъ богатырски, все еще продолжаешь считать подъ ритмъ какого-то *valse lente*... Подъ этотъ счетъ и засыпаешь, но стоитъ только проснуться, какъ невольно опять начинаешь: разъ — —, два — —

Вскорѣ мы подошли къ мѣстности, гдѣ ледникъ Таисія сильно разбитъ трещинами. Трещинъ почти не видно, т. к. большинство ихъ покрыто снѣжными мостами весьма различной крѣпости, сверху же эти мосты еще залорошены снѣжнымъ снѣгомъ. Въ виду опасности, которую представляютъ собой замаскированныя трещины, у насъ установился слѣдующій способъ передвиженія: я съ Павловымъ или матросомъ уходили впередъ и, такая палкой, прокладывали путь среди лабиринта трещинъ. Проложивъ 200—300 сажень, мы возвращались къ партѣ и тащили ее дальше. Скорость передвиженія отъ такой маневренности, конечно, не увеличивалась. Въ 5 ч. вечера мы остановились на почлестъ недалеко отъ горы Скалистой. Погода къ вечеру установилась хорошая. Ночью температура упала до -33° Ц., но въ сухомъ спальномъ мѣшкѣ изъ шерсти молодого оленя было такъ тепло, что я даже началъ раздѣваться. За день сдѣлано 10 верстъ.

На слѣдующій день (19-го марта) я бужу Коноплева въ 5½ час. утра, однако сняться съ лагера намъ удается только въ 8 ч. утра. Утренніе сборы въ среднемъ занимали у насъ всегда около 2 часовъ.

Сперва разжигашь Примусъ, затѣмъ накладывашь въ котелокъ снѣгу. Пока не растаетъ снѣгъ и не закипитъ вода, проходитъ немало времени. Утромъ мы всегда пили какао съ сахаромъ и сухарями, выпивая по 3—4 большихъ кружки. Послѣ „завтрака“ начинаются сборы. Прежде всего Коноплевъ запрягаетъ собакъ. Въ это время я укладывваю всѣ мелкія вещи, закрываю ящики, завязываю мѣшки. Затѣмъ мы спинаемъ палатку и грузимъ нарту. Пока Коноплевъ занятъ увязкой нарты, я приступаю къ одной изъ самыхъ неприятныхъ процедуръ—снимаю мѣховыя нимы и надѣваю замерзшіе, заскорузлые и твердые, какъ дерево, валенки. Поги, конечно, не влѣзають. Тогда я начинаю плясать кругомъ нарты, отъ теплоты ногъ валенки постепенно начинаютъ оттаивать и понемногу пога въ нихъ входитъ.

Въ этотъ день мы прошли только около 2 версты, такъ какъ съ Павловымъ приключилось небольшое несчастіе, которое при меньшей удачѣ могло бы окончиться серьезными послѣдствіями, вплоть до смерти моего друга. Съ утра я и Павловъ прошли впередъ, чтобы проложить путь. Трещины встречались рѣдко. Павлову начало казаться, что мы идемъ не по леднику, а по снѣжнику и мы заспорили объ этомъ. За споромъ мы совершенно забыли о трещинахъ. Въ это время я обернулся, чтобы посмотреть, далеко ли мы отошли отъ нарты. Убѣдившись, что мы отошли еще недостаточно, я хотѣлъ продолжать путь, но къ моему удивленію не увидѣлъ Павлова. Въмѣсто него въ снѣгу видѣлась только зияющая дыра. Съ большимъ безпокойствомъ я подошелъ къ трещинѣ и заглянулъ въ нее и увидѣлъ казавшуюся бездонной пропасть шириной аршина въ два. „Михаилъ, ты ушибся?“—крикнулъ я въ трещину, въ которой долженъ былъ находиться Павловъ, но котораго я не могъ видѣть въ темнотѣ. „Пить!“—донесся до меня глухой, точно изъ подземелья голосъ. На сердцѣ у меня сразу отлегло: живъ и здоровъ, значитъ! „Ты глубоко усталъ?“ „Да! И теперь я убѣдился, что это не снѣжникъ, а глетчеръ!“ Я предоставилъ Михаилу заниматься изслѣдованіями глетчернаго льда, правда, вынужденными, а самъ побѣждалъ за Коноплевымъ и спутникомъ Павлова, чтобы общими усиліями вытащить его изъ трещины. Мы спустили въ трещину канатъ (пришлось спустить около 8 сажень), Михаилъ обвязался имъ, и затѣмъ мы начали вытягивать его, что намъ и удалось безъ особаго труда. Паденіе Павлова было счастливое—онъ отдѣлался легкими царапинами и ушибъ себѣ ногу, настолько серьезно однако, что въ тотъ день онъ былъ лишень возможности двигаться дальше. Полчаса времени, проведенные Павловымъ въ трещинѣ, врядъ ли показались ему особенно пріятными, тѣмъ болѣе, что онъ, упавъ на глубину 8 сажень, не достигъ дна трещины, а только удержался на снѣжномъ мосту, который каждую минуту грозилъ обрушиться и повлечь его въ бездонную пропасть.

Отойдя нѣсколько сажень отъ злополучнаго мѣста, мы раскинули палатки. Распрягая собакъ, Коноплевъ вдругъ замѣчаетъ: „Здѣсь мѣсто поло!“ Я тыкаю палкой въ снѣгъ и сейчасъ же обнаруживаю трещину. Отхожу нѣсколько шаговъ вправо—тоже трещина, влево—опять палка свободно протыкаетъ нетолстый слой снѣга. Стало ясно, что мы раскинули палатки среди лабиринта трещинъ. Убѣдившись, что подъ самыми палатками трещинъ нѣтъ, мы остаемся здѣсь на почевку и принимаемся варить обѣдъ. Обѣдъ нашъ обычно состоялъ изъ консервовъ (горохъ или борщъ съ мясомъ) и чая съ сухарями и печеньемъ. Въ супъ все-

гда прибавляли макароны, которые мнѣ замѣняли сухари, а по питательности несомнѣнно превосходили ихъ. Въ продолженіе всего дня температура воздуха держалась около—21° Ц.

20 марта. Весь день поднимались по леднику. Часто приходилось поднимать парты отдѣльно, запрягая по двадцать собакъ. Несмотря на это и собаки, и люди настолько уставали, что черезъ каждыя $\frac{1}{2}$ версты приходилось дѣлать отдыхъ минутъ на пять. Пиратъ—неоцѣнимая собака. Въ награду за его старанія и его съ этого дня бралъ на ночь въ палатку, гдѣ онъ устраивался на спальномъ мѣшкѣ. Зато Фрамъ велъ себя возмутительно. Этотъ песъ отличался крайней лѣнностью и только удары кнута заставляли его тянуть парту или, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что тянетъ. Волкодавъ, Громила и Пьяная баба, несмотря на подчасъ жестокіе побой, не тянули вовсе. Было несомнѣнно ошибкой, что я пожалѣлъ тогда трехъ нуль, чтобы положить конецъ этимъ псамъ, явившимся только обузой и лишними ртами.

Въ продолженіе дня трещины встрѣчался, къ счастью, рѣдко, такъ что мы успѣли сдѣлать за день 10 верстъ и подняться при этомъ приблизительно на 250 метровъ. Надъ уровнемъ моря къ концу этого дня мы поднялись на 565 метровъ.

21 марта. Съ утра „подъемъ на 20 собакъ“, какъ мы выражались, когда подъемъ бывалъ слишкомъ крутъ, чтобы 10 собакъ могли справиться съ одной партией. Пройдя $2\frac{1}{2}$ версты, начался собственно вступленій ледниковый покровъ Новой Земли. Вслѣдствіе тумана горы скоро скрылись изъ виду и мы очутились среди безконечно-однообразной ровной ледяной пустыни, покрытой снѣгомъ. Ледниковый покровъ Новой Земли впрочемъ слегка волнообразный, причемъ волны эти имѣли преимущественно направленіе съ WSW на ENE. Трещины векоръ совсѣмъ перестали попадаться. Въ двухъ мѣстахъ нангъ нуть пересѣкли снѣжкіе песчовые снѣды. Удивительно, какъ далеко въглубь острова забираются эти животныя.

Въ этотъ день мы начали двигаться по истинному курсу PE 64°, такъ какъ на ледниковомъ покровѣ нѣтъ никакой выдающейся точки, которую можно было бы визировать компасомъ, что мы шли по солнцу, время отъ времени провѣряя нангъ курсъ буссолью. Если не было видно солнца (или тѣни отъ нашихъ фигуръ), то приходилось руководствоваться вѣтромъ, измѣривъ предварительно его направленія; иногда можно было визировать какое нибудь облако вблизи горизонта. Но бывало и такъ, что вслѣдствіе облачности и густого тумана не было видно ни солнца, ни отдѣльнаго облака, не наблюдалось и замѣтнаго движенія атмосферы. Тогда приходилось приблизительно черезъ каждыя 200 саженъ провѣрять нангъ курсъ буссолью, что, конечно, сильно замедляло наше движеніе.

Несмотря на то, что подъемъ сталъ уже еле замѣтнымъ, собаки все еще были не въ силахъ тянуть парту. Цѣлый день Копоилевъ подталкивалъ парту сзади, а я тянулъ спереди. Движеніе медленное и утомительное! Отъ усиленной работы я обливался потомъ, скинулъ съ себя кожанную куртку, подбитую бараньимъ мѣхомъ, и шелъ въ одной фуфайкѣ. Къ тому же и температура воздуха была высокая—въ 1 ч. дня—12° Ц. Въ продолженіе всего дня шелъ рѣдкій снѣгъ, отдѣльными крупными звѣздами. Эту форму снѣга я наблюдалъ на ледниковомъ покровѣ очень часто, между тѣмъ, какъ на уровнѣ моря это явленіе да-

ко не обычное. Въ 4 ч. дня мы раскинули палатки, сдѣлавъ за день $10\frac{1}{2}$ верстѣ и поднявшись еще на 160 метровъ.

22 марта За день прошли 20 верстѣ—я впервые чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Собаки тянули безъ посторонней помощи, такъ какъ за послѣдніе дни мы значительно облегчили парту, а на предыдущей стоянкѣ я могъ выбросить ящикъ изъ подъ собачьихъ галетъ, вѣсившій по меньшей мѣрѣ 20 фунтовъ. Поднявшись на невысокую волну, передъ нами открылся видъ на горы на западной сторонѣ Новой Земли. Зарисовавъ контуры горъ и взявъ засѣчки на нихъ, мы двинулись дальше. Вскорѣ горы скрылись и со всѣхъ сторонъ до самаго горизонта передъ нами разстилался пустынный ледниковый покровъ. Въ этотъ день мы прошли высшую точку, которую мы удаюсь измѣрить за время пересѣченія Новой Земли. Абсолютная высота ея надъ уровнемъ моря равна 913 метрамъ. Погода въ продолженіе всего дня стояла чудная; температура воздуха около— 17° — 18° Ц., небо покрыто тонкимъ слоемъ Cirro—Sfrati, легкій вѣтерокъ съ NNW. Въ продолженіе всего дня осаждался иней въ необыкновенно большомъ количествѣ. Слой свѣже выпавшаго инея былъ равенъ 3 сантиметрамъ.

23 марта. Въ виду того, что у Павлова уже второй день былъ флюсъ, рѣшено было устроить дневку. Я воспользовался безоблачнымъ небомъ и въ продолженіе дня занимался астрономическими наблюдениями, а также определялъ магнитное склоненіе. Температура держалась въ продолженіе всего дня около— 23° Ц. Къ вечеру подулъ свѣжій NW, который при увеличивавшемся морозѣ былъ не особенно пріятнымъ гостемъ. Ночью температура упала ниже— 33° Ц., что меня побудило взять въ палатку кромѣ Пирата еще и Куцаю, который, вслѣдствіе короткой и не особенно густой шерсти, нѣсколько страдалъ отъ холода.

24 марта. Снялись съ лагеря въ 10 ч. утра при свѣжемъ NW, $22\frac{1}{20}$ мороза и легкой снѣжной метели. Въ 2 ч. дня передо мной внезапно открылся видъ на Карскія горы и море. Горы на Карской сторонѣ имѣютъ чрезвычайно рѣзко выраженный характеръ, указывающій на бывшее здѣсь нѣкогда полное оледенѣніе. Преобладающая форма горъ—округленные шалки, „бараньи лбы“ и столовыя горы. Въ общемъ въ этомъ горномъ пейзажѣ было что-то напоминающее картины Периха. Карское море, видѣвшееся за горами, было сплошь покрыто льдомъ и нигдѣ на горизонтѣ не было ни намека на такъ называемое „водяное небо“.

Вскорѣ мы подошли къ боковой моренѣ ледника, очень высокой и крутой. Спустить здѣсь парту съ собаками паче было и думать. У насъ были на этотъ случай взяты съ собой тормазы и на нихъ мы поочередно спустили парты съ ледниковаго покрова. Конюплевъ задерживалъ парту тормазами съ боковъ, а я держался за бичевку, привязанную къ партѣ сзади и съвязкалъ сиди, изъ всѣхъ силъ упираясь ногами въ снѣгъ, представляя такимъ образомъ живую тормазу. Первую парту мы все же не удержали и она покатила внизъ съ отчаянной быстротой. Дѣло кончилось благополучно, такъ какъ парта*) не опрокинулась, несмотря на большія снѣжныя застрugi, которыми былъ покрытъ склокъ. Спускъ парты занялъ очень много времени, такъ что подъ боковой мореной мы уже раскинули палатки, сдѣлавъ за день $15\frac{1}{2}$ верстѣ.

*) Нани парты, сдѣланныя въ Норвегіи по образцу гансеневскихъ, отличались большою упругостью и крѣпостью.

25 марта. Въ 8 ч. утра начался чрезвычайно сильный и порывистый NW въ 20 метровъ въ секунду. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась адская метель, о которой сдѣлать себѣ представленіе можетъ только человѣкъ, побывавшій въ полярныхъ странахъ. Въ такую погоду путешественнику остается только одно—лежать въ мѣшкѣ и пережидать пока не стихнетъ вѣтеръ. Этотъ NW носилъ вполне ясно выраженный характеръ фена; температура въ нѣсколько часовъ поднялась съ—24.0 до—10.5 Ц. Въ самый разгаръ вьюги Громила, очевидно желая оправдать свое прозвище, разорвалъ входъ въ палатку и ворвался въ нее, принося съ собою кучи снѣга. Съ самыми жестокими побоями непрощенный гость былъ выпровоженъ изъ палатки.

Къ полудню вѣтеръ внезапно стихъ. Сейчасъ же Павловъ и я отправились изслѣдовать, возможно ли проѣхать съ нартами по долинкѣ, которую мы видѣли еще съ ледниковаго покрова. Дно этой долины въ верховьяхъ представляло собой очень узкое, сажени въ 2 шириною, ущелье съ отвислыми стѣнами. Это ущелье черезъ каждыя 10—20 сажень преграждалось высокими сугробами снѣга, такъ что проѣхать здѣсь съ нартами было весьма затруднительно. Путь по боковому склону долины оказался тоже нелегкимъ, вслѣдствіе оголенныхъ острыхъ камней и непрерывныхъ подъемовъ и спусковъ. Проходя черезъ одну гору, мы замѣтили на пастѣ старый олений слѣдъ—быть можетъ еще осенній. Гору эту я называлъ Оленьей, высота ея надъ уровнемъ моря 335 метровъ. Ступенистый туманъ воспринималъ далыньшимъ развѣдкамъ, которыя было рѣшено продолжить на слѣдующій день. По поводу безрезультатной развѣдки мы, возвращаясь къ палаткамъ, огласили дѣвственную природу пѣніемъ хора изъ „Князя Игоря“: „не добрыя вѣсти..“ Въ этомъ краѣ безъ сомнѣнія раздавалась впервые не только музыка Бородина, но и человѣческій голосъ вообще. Собаки, услышавъ наше пѣніе, подняли лай и визгъ—музыку, пожалуй, болѣе подходящую къ полярной обстановкѣ.

26 марта. Съ утра я, Павловъ и Коноплевъ отправились на развѣдки. Туманъ и отвратительная видимость сильно препятствовали намъ. Если въ верховьяхъ долины нарту еще можно было провести съ грѣхомъ пополамъ, то далѣе путь окончательно преграждался. Здѣсь долина приобрѣтаетъ видъ каньона, шириной въ 1—1½ сажени. Ступенчатое дно каньона было покрыто льдомъ—замерзшимъ водопадомъ. Долина эта вывела пастъ къ озеру, названному озеромъ Св. Ольги. Педалеко отъ каньона тянулась другая, меньшая долинка и нѣсколько болѣе удобо-проходимая. Но для того, чтобы понасть въ нее отъ мѣста нашей стоянки, нужно было перевалить черезъ довольно высокую гору—опять таки дѣло нелегкое. Съ такими печальными результатами мы вернулись съ развѣдки къ нашимъ палаткамъ. Единственное утѣшеніе, какое мнѣ оставалось, это то, что я довольно подробно произвелъ съемку видѣнной мѣстности и проинвентаризовалъ барометрическія горы. Павловъ рѣшилъ двигаться далѣе только налегкѣ, оставивъ на мѣстѣ стоянки почти всю провизію. Онъ поэтому занялся устройствомъ склада. /

27 марта. Утромъ спялись съ лагеря и отправились искать проходъ къ маленькой долинкѣ, видѣнной нами вчера. Однако все наши поиски остались тщетными. Тогда я рѣшилъ двигаться далѣе по долинкѣ, ограниченной съ одной стороны боковой мореной ледника, съ другой горами. Пройдя около вереты, ENE-вый вѣтеръ со снѣгомъ принудилъ насъ раскинуть палатки. Озлившись вслѣдствіе вѣхъ этихъ пе-

удачь, я предоставилъ Коноплеву одному устроить лагерь, а самъ отправился на развѣдки, имѣвшія впрочемъ мало смысла влѣдствіе самой скверной видимости. Началась вьюга и палатки скоро скрылись изъ виду, вѣтеръ достигъ силы въ 12—15 метровъ въ секунду. Пройдя версты 1½ и убѣдившись, что въ данномъ мѣстѣ нигдѣ нѣтъ болѣе или менѣе подходящаго перевала черезъ гору, я повернулъ обратно, такъ какъ идти дальше при разыгравшейся метели было небезопасно. Въ самомъ отвратительномъ настроеніи я залегъ въ мѣшки.

V. Визе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Островъ Вайгачъ и его обитатели—самоѣды.

Въ глуши Сѣвернаго Ледовитаго океана, между островомъ „Новая Земля“ и материкомъ, оконечность котораго, вдающаяся въ океанъ, известна подъ именемъ Югорскаго Шара, лежитъ большой, богатый, но малозвѣстный островъ Вайгачъ. Географическое положеніе этого острова опредѣляется 69° 21' и 70° 5' сѣв. широты и 70' 10" восточн. долготы. Въ длину онъ простирается до 150 верстъ, а въ ширину до 40 верстъ.

Наши отдаленные предки вѣровали, что на о. Вайгачѣ, въ привольѣ никому недоступныхъ захолустіяхъ, живетъ чудное племя, только въ лѣтнее время выходящее на свѣтъ Божій. Зиму, т. е. 8 мѣсяцевъ въ году, оно спитъ безпробудно во тьмѣ темныхъ пещеръ, въ расщелинахъ, куда не зайдетъ ничто живое, гдѣ даже чайка,—этотъ цыганъ сѣверныхъ морей,—не вьеть гнѣзда, куда мятежь не заноситъ пушистаго бѣлаго снѣга. Скандинавскіе поэты островъ Вайгачъ и находящійся противъ него континентъ называли однимъ именемъ—Ютунгейма, населая его магами и чародѣями*).

Островъ Вайгачъ состоитъ почти сплошь изъ каменныхъ скалъ,—онъ составляетъ среднее звено громаднаго хребта, начинающагося въ южныхъ отрогахъ Урала и оканчивающагося на крайнемъ сѣверѣ конечнымъ мѣсомъ Новой Земли. Растительность острова ничтожна. На склонахъ горъ ковры однообразнаго ягеля устилаютъ скудную почву, перемежаясь только изрѣдка съ приземистымъ ливникомъ, поднимающимся на солнечномъ припекѣ до 7—8 футовъ высоты. Въ пониженіяхъ, пропитанныхъ влагою, болотная трава и зеленый мохъ только и оживляютъ угрюмое величіе этого пейзажа. Вблизи юго-западныхъ береговъ поросль нѣсколько лучше и разнообразнѣе. Тутъ цавель, осока, морская капуста (лопухъ), морской горохъ, первоцвѣты и даже незабудки. Отсутствие яркихъ красокъ, подавляющая тишина производятъ тяжелое впечатлѣніе и на привычнаго къ мертвому сѣверу островитянина. Мысль перестаетъ работать, сонливое спокойствіе и равнодушіе ко всему охватываютъ душу. А зимою, когда вся окрестность устлана бѣлою пеленою снѣга и только черныя утесы поднимаются изъ этой однообразной массы,—еще тяжелѣе, еще невыносимѣе. Уйти некуда. Вплоть до лѣта обитателю приходится оставаться лицомъ къ лицу съ этимъ царствомъ

*) В. И. Немпровичъ-Данченко. Страна холода, стр. 375.

смерти, гдѣ одна только вьюга нарушаетъ дикимъ воемъ и грохотомъ мрачное могильное молчаніе непривѣтливой природы.

Первыми русскими посѣтителями острова Вайгача были смѣлые повгородскіе ушкуйники. Проникая еще въ XI вѣкѣ на Новую Землю, они, естественно не могли оставить безъ вниманія и острова Вайгача. Главною цѣлью ихъ стремленій здѣсь, какъ и на Новой Землѣ, было—разыскать серебряныя руды. Но островъ Вайгачъ, какъ и вдающагося противъ него въ океанъ часть материка, извѣстная подъ названіемъ Югорскій Шаръ, могли привлечь къ себѣ вниманію отважныхъ купцовъ-разбойниковъ, помимо серебряныхъ рудъ, и иными прибытками, къ числу каковыхъ слѣдуетъ отнести обильный звѣриный и рыбный промыселъ. Этотъ послѣдній, т. е. звѣриный и рыбный промыселъ, вносилъ прівлечь къ себѣ и нѣмнѣшнихъ колонизаторовъ острова—самоѣдовъ. Вытѣсняемые безпощадною эксплуатаціею зырянъ изъ своихъ заповѣдныхъ тундръ, самоѣды первоначально поселились и занимались промысломъ на Югорскомъ Шарѣ, а затѣмъ стали постепенно перебираться на зимній промыселъ черезъ проливъ и на скалистые пространства острова Вайгача. Дѣло въ томъ, что крайне бѣдный растительностью и вообще своею природою, островъ Вайгачъ поражаетъ обиліемъ промысловыхъ звѣрей и птицъ. Въ водахъ, омывающихъ островъ, ловятся омули и гольцы; здѣсь бьютъ бѣлухъ, моржей, морскихъ зайцевъ, лисуновъ, нергъ и тюленей. Изъ птицъ здѣсь водятся: чайки, гагарки, нырки, сокола, совы и орлы. Весною прилетаютъ сюда куронатки и разнаго рода утки, лебеди, гуси, гагары, кулики. Это птичье царство, разумѣется, только близъ береговъ. Внутри страны мертвая глушь. Тутъ охотники добываютъ бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ и оленей. Здѣсь же и царь арктическихъ пустынь—бѣлый медвѣдь властно странствуетъ по громаднымъ пустырямъ Вайгача.

Являясь лучшимъ мѣстомъ для промысла, Вайгачъ считался въ то же время и священнымъ островомъ у самоѣдовъ. Последнее явленіе легко объяснимо, если принять во вниманіе взглядъ этихъ помадовъ Сѣвера на горы и утесы, которыми такъ изобилуетъ Вайгачъ. Самоѣды издавна смотрѣли на горы съ суевѣрнымъ ужасомъ, считая утесы ихъ вершинъ сѣдалищами невидимыхъ, но грозныхъ духовъ, а о-въ Вайгачъ внутри сплошь покрытъ, какъ сказано выше, скалами и горами. Кряжи, пересекающіе его во всѣхъ направленіяхъ, состоятъ изъ каменистыхъ стержней, едва-едва, прикрытыхъ скудною почвой. На югѣ тянется „Иштунки“—высокіе гребни, окаймляющіе Югорскій Шаръ. На юго-западѣ подымается Карновскій камень. Самыя высокія горы здѣсь Осльминкискія. Это цѣль высокихъ конусовъ, проходящихъ внутри острова. На голыхъ „плѣшкахъ“, ихъ вершинъ часто возносятся фантастическіе четырехугольники и круглые утесы, напоминающіе издали развалины замковъ и обломки колоннъ. Они рѣзко выдѣляются на фонѣ голубого неба, рисуясь предъ глазами наблюдателя во всей своей величавой наготѣ, незагромождаемые верхушками мѣстныхъ деревьевъ или грудами осыпавшагося щебня...

Вообще, островъ Вайгачъ своимъ внѣшнимъ устройствомъ могъ дать фантазіи дикаря самоѣда не мало матеріала и неудивительно, что онъ нѣкогда былъ громаднымъ храмомъ, гдѣ совершались всѣ таинства языческаго культа помадовъ нашего Сѣвера. Здѣсь, въ разныхъ пунктахъ, преимущественно же на выдающихся высотахъ береговыхъ скалъ,

самоѣды устанавливали своихъ идоловъ и приносили имъ кровавыя жертвы. Какъ особенно святое мѣсто въ этомъ отношеніи славился мысъ Болванскій—полукруглая каменная масса, далеко выдающаяся въ море на юго-западной оконечности острова. Въ этомъ мысѣ чернѣетъ громадная и глубокая пещера съ двумя выходами,—однимъ широкимъ—къ морю и другимъ узкимъ, открывающимся въ вершинѣ утеса. Вихри, врывающіеся въ пещеру, производили въ ней оглушительный гулъ, поражающій ужасомъ дикаря, слышавшаго въ немъ голосъ своего божества. Тутъ самоѣды и поставили своего главнаго идола—„Весакъ“ (старикъ). Онъ былъ деревянный трехгранный, высокій и тонкій, о семи лицахъ, которыя были вырѣзаны на двухъ отлогихъ граняхъ, одно надъ другимъ. Нижняя часть идола оканчивалась трехграннымъ остроконечіемъ, которымъ онъ былъ утвержденъ на почвѣ. Въ полукругли близъ этого идола поставлено было 20 средней величины и около 400 маленькихъ деревянныхъ, а за ними, въ разстояніи 50 сажень, 20 каменныхъ однообразныхъ идоловъ.

Другое священное мѣсто для самоѣдовъ находилось на сѣверномъ концѣ Вайгача; оно извѣстно подъ именемъ Ходако (бабушка). Предметомъ почитанія здѣсь служилъ громадныхъ размѣровъ камень, укрѣпленный на верхушкѣ скалы. По своей формѣ камень этотъ съ рѣдкой наглядностью изображаетъ голову самоѣдки съ задумчиво устремленнымъ вдаль взоромъ.

По свидѣтельству В. Н.-Данченко, иностранцы, посѣщавшіе островъ Вайгачъ, изумлялись, встрѣчая на безлюдѣ группы каменныхъ и деревянныхъ идоловъ, безобразно изсѣченныхъ самоѣдами. Окровавленные жертвенною кровью истуканы, кровь на скалахъ, окружающихъ ихъ, кровью пропитанная почва вокругъ,—все внушало ужасъ несвѣдущимъ чужеземцамъ, воображавшимъ, что они попали въ страну Каннибаловъ. А дѣло объяснялось весьма просто. Самоѣды въ опредѣленные времена года сходились сюда прежде для своихъ общественныхъ богослуженій *).

Вайгачъ—общезвѣстное названіе острова—слово зырянское. По-самоѣдски островъ Вайгачъ называется „Хейбыдья“, что значитъ святая земля, или мѣсто, гдѣ въ прежнее время самоѣды безъ нужды ходить не смѣли.

Въ настоящее время на о-вѣ всегда можно встрѣтить самоѣдовъ, хотя постоянно живущихъ здѣсь почти нѣтъ. Одни изъ нихъ перекочевываютъ сюда изъ Большеземельской тундры на весенніе и лѣтніе промыслы, другіе—на осенніе и зимніе. Въ такомъ случаѣ они остаются уже до весны. Чтобы представить приблизительно картину самоѣдскихъ перекочевковъ, я воспользуюсь свѣдѣніями изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи дневниковъ свящ. о. Геннадія Юрьева и учителя Германа Семеновича Игумнова, которымъ не разъ приходилось кочевать вмѣстѣ съ самоѣдами по Большеземельской тундрѣ. Записи же ихъ относятся къ 1914—15 годамъ.

Въ апрѣлѣ 1914 года свящ. о. Геннадій Юрьевъ и псаломщикъ Г. С. Игумновъ покинули Тельнисочный приходъ и двинулись въ тундру, направляясь къ острову Вайгачу и Югорскому Шару. Въ Пустозерскѣ къ нимъ присоединилось населеніе одного самоѣдскаго чума и русскіе промышленники, отправлявшіеся на Вайгачъ для закупки зимняго промысла у самоѣдовъ. Весь обозъ,—по-самоѣдски „аргишъ“,—со-

*) Страна холода стр. 381.

стоялъ вначалѣ изъ пяти саней, запряженныхъ пятью оленями каждыя. Въ пути время отъ времени къ нимъ еще присоединялись самоѣды пѣлыми чумами. Такъ что въ концѣ-концовъ поѣздъ кочевниковъ увеличился до пяти чумовъ, которые были положительно переполнены. Такъ въ чуму, гдѣ помещался причтъ, было 19 человекъ. „Съ трудомъ,—говоритъ Игумновъ,—можно было пробраться изъ чумъ на улицу. Того и гляди, что наступишь кому-либо на ноги“.

Кочевники обычно ѣхали днемъ, а къ ночи устранивались на ночлегъ. Оленей распрягали и пускали кормиться. Устанавливали чумы. Такъ какъ остановки всегда дѣлались у береговъ рѣкъ, то самоѣды тутъ же находили лѣса-плавникъ для очага. Женщины-самоѣдки раскладывали огонь, кипятили воду для чая и приготовляли какія-либо кушанья изъ оленьяго мяса. „Къ сожалѣнію,—говоритъ Игумновъ,—воду они брали изъ первой попавшейся лужи, а потому бывали случаи, что чаю нельзя было пить“. Затѣмъ самоѣдки осматривали всю верхнюю одежду путниковъ, снятую въ чуму; намоченную во время ѣзды отъ тщательнаго просушивали около огня, рваную тутъ же починили, а если нельзя было поправить, то взамѣгъ пришедшей въ негодность одежды онѣ давали свою запасную. Самоѣды-мужчины также не оставались безъ дѣла во время остановки; они починили оленью упряжь, приготовляли хорен и сани изъ лѣса-плавника, найденнаго на пути, вили веревки, выдѣлывали изъ кости различныя принадлежности для упряжи. Изъ желѣза изготовляли табакерки для шохательнаго табаку. Выдѣлывали изъ дерева различныя игрушки и бездѣлушки. Въ качествѣ образца такихъ самоѣдскихъ издѣлій и приведу описаніе одной игрушки, которая известна подъ названіемъ „самоѣдская загадка“. Эта остроумная игрушка состоитъ изъ 6 квадратиковъ, длиною каждый около двухъ вершковъ. Въ срединѣ каждаго квадратика имѣются углубленія, благодаря чему изъ нихъ можно сложить звѣзду, которая будетъ прочно держаться. Звѣзду показываютъ, потомъ быстро разбираютъ и предлагаютъ снова также сложить. Въ этомъ и заключается загадка.

Слѣдуетъ замѣтить, что сложить эту звѣзду не такъ-то легко, такъ что загадка эта довольно трудная. Малолѣтніе дѣти играютъ въ чуму въ шашки и въ карты, проигрывая кольца отъ кожаныхъ кушаковъ. Дѣвочки играютъ въ куклы. Картами на досугъ увлекаются и взрослые. Во время пути одинъ самоѣдинъ проигралъ въ карты по частямъ весь свой кушакъ, а другой всю оленью упряжь. И помимо картъ самоѣды развлекаются разными играми въ чуму и на открытомъ воздухѣ. Игра въ чуму заключается въ слѣдующемъ: одинъ самоѣдинъ беретъ шахматную доску и ставитъ палецъ на какое-либо мѣсто. Другой, посмотря, долженъ угадать, куда поставленъ палецъ—на углубленную или на возвышенную плѣшку. Въ этой игрѣ особенно отличался во время остановки въ пути старинъ самоѣдинъ 85 лѣтъ, который все время угадывалъ безъ ошибки.

На открытомъ воздухѣ самоѣды увлекаются такими играми: они бросаютъ по-очереди топоръ и смотрятъ, кто дальше его закинетъ. Затѣмъ часто можно наблюдать еще одну игру. Два самоѣдина становятся лицомъ другъ къ другу, одѣваютъ себѣ на шею одинъ застегнутый ремень и сходятся одинъ другого увлечь каждый въ свою сторону.

Бывало, что самоѣды передавали спутникамъ свои различныя сказанія, или дѣлились съ ними воспоминаніями о своей прежней жизни. Такъ шли дни и недѣли. Для самоѣдовъ это былъ обычный переѣздъ

тіе всѣхъ развлекло и вывело изъ состоянія анатіи и неподвижности. Къ тому же и усиливавшійся въ чуму дождь становился невыносимымъ. Общими усилиями самоѣды прорыли выходъ изъ чума и вышли на свѣжій воздухъ. Но векорѣ должны были снова возвратиться въ свое убѣжище, гдѣ тѣнились въ продолженіе двухъ сутокъ. Только на третій день погода прояснилась и путники могли двинуться дальше. Но ѣхать пришлось по глубокому рыхлому снѣгу. Олени едва брели, увязая до спины. Въ одномъ мѣстѣ и олени и возы съ кладью такъ глубоко увязли въ снѣгъ, что ихъ съ трудомъ вытащили, пробившись нѣсколько часовъ. Въ концѣ апрѣля солнышко стало пригрѣвать по весеннему и, оставаясь долго на небѣ, ярко свѣтило. Безбрежная снѣжная равнина, отражая солнечные лучи, такъ ослѣпительно блестяла, что глазамъ мучительно было смотрѣть. Снѣгъ на солнцѣ становился рыхлымъ, неудобнымъ для ѣзды. Поэтому путники стали останавливаться на отдыхъ днемъ, когда оленямъ легче было добывать себѣ пищу изъ-подъ таявшаго снѣга, а ночью пускались въ путь. Перегоны они дѣлали безъ остановки по 40-45 верстъ. Перѣдко кочевникамъ приходилось ѣхать рѣдкою. На льду было уже не мало воды. Олени по обыкновенію неслись съ большою быстротой. Поднимаемая ихъ копытами вода обильно обдавала сѣдоковъ, заливала сани и мочила одежду. Г. С. Прумовъ, пимѣя малицы, промокъ однажды до костей. Но, къ счастью его, одна самоѣдка на ближайшей остановкѣ дала ему запасную малицу своего мужа.

Бывали случаи, когда оленямъ долго на пути не находилось корму. Отъ голоду они сильно ослабѣвали и падали. Такихъ мѣстами приходилось везти на саняхъ. Это еще болѣе усугубляло тяжести пути.

Въ маѣ мелкія рѣки стали вскрываться и неожиданно преграждали кочевникамъ путь. Ихъ приходилось объѣзжать и путь удлинялся. На нѣкоторыхъ рѣкахъ ледъ еще держался, но онъ былъ ненадежный. Однако, находились смѣльчаки, которые пробовали переправиться по льду. Эти попытки перѣдко кончались печально. Такъ, „на нашихъ глазахъ,—говоритъ о. Геннадій,—одинъ молодой торговецъ провалился подъ ледъ на р. Русной вмѣстѣ со своими оленями“. Въ другой разъ одинъ самоѣдникъ, переправляясь черезъ рѣку, едва не утонулъ, спасая своихъ оленей, изъ которыхъ четыре все же утонуло. Въ концѣ мая караванъ кочевниковъ мало-по-малу сталъ уменьшаться. Такъ, у береговъ рѣки Коротайхи двое изъ самоѣдовъ остановились до лѣта для ловли рыбы. Русскіе промышленники опередили поѣздъ и уѣхали на о-въ Вайгачъ для скунки у самоѣдовъ предметовъ зимняго промысла. Г. С. Прумовъ направился на Югорскій Шаръ съ самоѣдскими дѣтьми, которыхъ онъ долженъ былъ обучать грамотѣ въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. А о. Геннадій продолжалъ путь съ самоѣдами въ направленіи къ Вайгачу. При этомъ онъ посѣщалъ по возможности всѣ встрѣчавшіеся на пути чумы. Однажды, во время остановки кочевниковъ, отправился онъ въ чумъ самоѣдина Лаптыдера, приглашенный хозяиномъ окрестить его сына. „Ѣхать намъ пришлось,—говоритъ о. Геннадій,—съ великими неудобствами. На маленькихъ самоѣдскихъ саняхъ помѣстились втроемъ, когда обычно на нихъ ѣдетъ одинъ человѣкъ. Тутъ же положили и ящикъ-сумку. Сидѣть приходилось, свѣсивъ ноги и держась за края салеи. Но и это не помогало удерживаться на сидѣньѣ. Я часто падалъ. Вставалъ, опять лѣзился на свое мѣсто и ежеминутно рисковалъ разбиться. Ноги у меня, то попадали въ воду, то

бились о кочки и неровности земли. Руки оцѣмѣли отъ усталости и холода. Плавстрѣчу дулъ суровый вѣтеръ и пронизывалъ до костей. Отъ солнца и вѣтра лицо горитъ, губы обметались, съ носа сошла кожа“...

Черезъ проливъ Югорскій Шаръ кочевники переѣхали по льду. Далѣе они ѣхали по приайку, а чумъ становили у берега. Берега о-ва отвѣсны, скалистые, похожіе на черную старинную стѣну. Внутри о-ва былъ покрытъ еще снѣгомъ. Въ виду неровности почвы ѣхаль по о-ву опасно. Мѣстами приходилось ходить пѣшкомъ. „Однажды,—говорить о. Геннадій,—узнавъ, что въ чуму за три версты отъ насъ есть покойникъ, я отправился туда пѣшкомъ. Снѣгъ былъ глубокой и рыхлый. Я проваливался до-колѣны, зачерпнулъ свои нимы полные воды и смочилъ малицу. Путь былъ рискованный: внизу подъ ногами представляють грозную опасность глубокия расщелины, скрытыя снѣгомъ. Долго-ли провалиться въ невѣдомую глубину? А тамъ, надъ головой, на высокихъ скалахъ, съ зловѣщимъ крикомъ посята хищныя птицы. Изъ нихъ особенно опасны совы“

10-го іюня кочевники покидали Вайгачъ, чтобы снова возвратиться на материкъ. У береговъ пролива Югорскаго Шара былъ еще прочный ледъ, но средина пролива вскрылась. „Мы,—говорить о. Геннадій,—стали перевозить по льду на собакахъ къ вскрывшейся срединѣ пролива свою кладь. Я освятилъ карбаса, ихъ спустили въ воду, сложили въ нихъ свои пожитки, помѣстили туда же собакъ, сѣли сами и двинулись въ опасный путь. Волны, бурно пѣнясь, плескали въ лодку и мочили одежду. Гребцы искусно лавировали среди льда, съ большою быстротою пронесившагося мимо насъ. Иногда большая льдина цѣплялась за карбасъ и увлекала насъ внизъ по теченію...“

Такъ кочевали путники въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ—съ 11 апрѣля до 10 іюня. Затѣмъ самоѣды остановились для лѣтнихъ промысловъ по берегамъ рѣкъ,—кому гдѣ понравилось. Пройдетъ мѣсяцъ другой и они снова покинуть мѣста лѣтней стоянки и поѣдутъ въ глубь тундры на зимовку. Такъ кочуютъ самоѣды изъ года въ годъ. Такъ кочуютъ они цѣлую жизнь...

О. Геннадій, посѣтивъ о-въ Вайгачъ, прибылъ въ поселокъ Никольскій, расположенный у Югорскаго Шара, гдѣ псаломщикомъ Г. С. Игумновымъ уже велись занятія съ самоѣдскими дѣтьми. Въ поселкѣ причтъ оставался 2 мѣсяца, совершая богослуженія въ мѣстномъ храмѣ и требы у самоѣдовъ, проживавшихъ неподалеку и пріѣзжавшихъ изъ тундры въ Никольское. Затѣмъ о. Геннадій одинъ добровольно провелъ зиму 1914—15 года среди самоѣдовъ острова Вайгача, начиная съ 24 сентября по 6 мая. Вотъ въ какомъ видѣ, по свѣдѣніямъ о. Юрєва, представляется эта зимовка.

Будучи еще лѣтомъ на островѣ, онъ посѣтилъ Вайгачскую радіостанцію и познакомился съ ея чиновниками. Тогда еще пришла ему въ голову мысль провести зиму вмѣстѣ съ ними. Встрѣтивъ съ ихъ стороны сочувствіе своему желанію, онъ исходатайствовалъ себѣ право пользоваться въ продолженіе зимы 1914—15 года квартирою и столомъ въ помещеніи радіостанціи. „Какъ легко здѣсь чувствовалось и легко дышалось послѣ душнаго, дымнаго чума“,—говорить онъ. Съ чиновниками радіостанціи у него установились самыя дружескія отношенія. Они все вмѣстѣ рѣшили заниматься самообразованиемъ, для чего установили опредѣленные часы дня. Ежедневныя прогулки совершались ими вмѣстѣ. Къ нимъ на станцію часто пріѣзжали самоѣды, которыхъ

они принимали, какъ дорогихъ гостей. „Меня радуетъ,—говорить о. Геннадій,—та истинно-христіанская любовь монаховъ товарищей къ ближнему, которая проявляется ими въ единодушномъ желаніи быть полезными, кто чѣмъ можетъ, — самоѣдамъ—этими убогими заброшенными дикарями, достойнымъ всякаго состраданія. Это состраданіе охватило и всѣхъ насъ, и мы уже горимъ желаніемъ уврачевать духовныя и тѣлесныя раны вѣчно страждущихъ нашихъ братьевъ, заронить въ души ихъ огонь Божественной любви и пролить лучъ свѣта въ ихъ до жуткости суровую безрадостную жизнь“.

Завѣдующій радіостанціей А. А. Достуновъ является душою нашего общества,—говорить далѣе о. Геннадій. Къ самоѣдамъ онъ такъ добръ, что они идутъ къ нему, какъ къ родному. Въ праздники, послѣ службы, онъ угощаетъ ихъ чаемъ съ кренделями. О. Я. Прищевъ починяетъ самоѣдамъ плохія ружья, а И. А. Полисадовъ все время окруженъ толпою больныхъ, дѣлаетъ имъ перевязки, даетъ лекарства. Сильно-больныхъ оставляетъ на станціи до выздоровленія. Другихъ посѣщаетъ въ чумахъ и, въ случаѣ надобности, остается у нихъ на нѣсколько дней, подавая имъ помощь.

Лучшую комнату чиновники уступили для домашней церкви. О. Я. Прищевъ сдѣлалъ легкій подефчинскій. За нимъ вообще установились обязанности церковнаго старосты и пономаря. А. А. Достуновъ исполняетъ обязанности псаломщика“.

Съ 6-го ноября на станціи начались занятія со взрослыми самоѣдами, продолжавшіеся ежедневно часовъ по пяти. Затѣмъ на станціи поселились два самоѣдскихъ мальчика—Миша и Ваня, которыхъ о. Геннадій обучалъ грамотѣ. Дѣтямъ заботливо устроили желѣзную кровать съ матрацемъ, покрытымъ, вмѣсто простыни, чистой марлей. Сводили ихъ въ баню. На тѣлѣ у нихъ были болячки. Въ банѣ имъ казалось все страннымъ. Они не терпѣли жара и боялись мыла. О. Геннадій самъ ихъ мылъ, а затѣмъ вымылъ ихъ и свое бѣлье (бѣлье вообще приходилось всѣмъ мыть самимъ).

Родители самоѣды, прѣзкая на станцію, привозили дѣтямъ въ гостиницу сырыхъ костей съ мозгомъ. Комнатная температура для дѣтей казалась очень жаркой. У нихъ сильно потѣли ноги. Хотя имъ была сшита легкая обувь, но и это не помогало,—съ пальцевъ ногъ у нихъ сошла кожа. Приходилось дѣлать перевязки. Въ половинѣ ноября надъ Байгачемъ нависла непроглядная тьма. Круглыя сутки въ комнатахъ горѣла лампа. Временами поднимался сильный вѣтеръ. Зданіе дрожало. Лампа раскачивалась. На улицу нельзя выйти—силою вѣтра валить съ ногъ. Во второй половинѣ декабря морозы достигали 35° по С., но въ проливѣ продолжали плавать утки.

Жители станціи одолѣвала сонливость, но они старались не спать болѣе семи часовъ въ сутки. Придумывали всевозможныя занятія. Ходили даже кататься съ учениками на санкахъ. Порой развлекались игрой въ домино. Проигравшіи должны были пробѣжать по всѣмъ комнатамъ. Это служило моціономъ, въ которомъ они сильно пуждались, сидя постоянно въ комнатахъ. Иногда устраивали поѣздки къ самоѣдамъ въ ихъ чумы, особенно, если узнавали, что гдѣ-либо есть больные. Но эти поѣздки не могли служить, конечно, развлеченіемъ. Отъ нихъ оставалось всегда тяжелое впечатлѣніе. По словамъ о. Юрьева, ему однажды пришлось наблюдать такую картину. „Я поѣхалъ къ самоѣдамъ посѣтить больныхъ. Чумъ ихъ ужасенъ: не защищаетъ даже

отъ вѣтра и снѣга. Очагъ окутываетъ все густымъ дымомъ... Вематри-
наюсь. Подлѣ очага лежать дѣти изможденные, грязныя, покрытыя экзе-
мой, корчащіяся въ коликахъ дѣтской холеры. Слышатся ихъ надры-
вающие душу стоны“...

„На долю ихъ выналь нынѣ на рѣдкость тяжелый годъ,—продол-
жаютъ о. Геннадій.—Промысла у нихъ нѣтъ. Провизія вышла. Безро-
потно терпятъ они полуголодное существованіе. А собакамъ своимъ и
совсѣмъ не даютъ корму. 21-го ноября мы съ чин. О. Г. Прищевымъ
посѣтили чумы самоѣдовъ, проживающихъ на Волвапскомъ мысу. По-
чевали у нихъ и къ утру обнаружили, что собаки ихъ съѣли упряжь
у папихъ сапожъ. Подобные случаи не разъ повторялись въ теченіе
зимы. Да и вообще, добавляетъ о. Геннадій, если бы не поддержка
станціи, у нихъ передохли бы всѣ собаки, а тогда положеніе самоѣдовъ
еще болѣе бы ухудшилось.

Естественно, что самоѣды стремились на станцію; даже ихъ со-
баки охотно бѣжали туда, такъ какъ всегда получали здѣсь кормъ. Въ
концѣ-концовъ собакъ самоѣды стали понукавать словомъ „станція“.

„Прѣзжая къ намъ,—говорить о. Геннадій,—самоѣды перѣдко
изъ-за непогоды оставались у насъ почевать. Длинные вечера мы коро-
тали въ бесѣдѣ съ ними. О. Я. Прищевъ рассказывалъ намъ иногда о
далекихъ невѣдомыхъ городахъ, о трамваяхъ, большихъ краевыхъ до-
махъ. Самоѣды съ увлеченіемъ слушали и въ свою очередь спраши-
вали далеко-ли все это отъ нихъ и дорого-ли стоить туда проѣхать“.
Вообще они очень интересуются столичной жизнью и мечтаютъ тамъ
побывать. „Тамъ,—говорили они,—все дешевле. Пакупили-бы мы себѣ
лучшаго табаку, цѣпочекъ, чаю, сахару“...

Съ большой торжественностью отпразднованъ былъ на Вайгачѣ
праздникъ Рождества Христова (Самоѣды стали съѣзжаться на станцію
еще 24 декабря. Въ самый день праздника было совершенно торжествен-
ное богослуженіе. „Вмѣсто звона,—говорить о. Геннадій,—намъ слу-
жили ракеты, которыя вызвали у самоѣдовъ крикъ восторга“. Послѣ
службы священникъ съ учениками ѣздилъ по самоѣдскимъ чумамъ
славить Христа).

Старый годъ, такимъ образомъ, прошелъ на станціи вполне бла-
гополучно. Новый же годъ несъ съ собою вайгачдамъ несчастья одно
за другимъ.

„2-го января,—говорить о. Геннадій,—мои товарищи отправились
охотиться на медвѣдя...

Мы съ И. А. Полисадовымъ остались на станціи. Около двухъ ча-
совъ дня возвратился А. А. Достуновъ и сообщилъ, что они выслѣдили
двухъ медвѣдей недалеко отъ станціи. 2 сторожа и О. Я. Прищевъ
остались тамъ доканчивать охоту.

День былъ тихій, теплый. Всѣ съ утра сегодня были особенно ве-
селы и шутили. Отправляясь на охоту, поручили мнѣ кухню, за кото-
рой я и слѣдилъ.

Принаскъ льда, гдѣ были наши охотники, видѣны со станціи какъ
на ладони, и ушедшіе, казалось, были совсѣмъ отъ насъ близко.

На станцію, между тѣмъ, привезли большую самоѣдку, которая не
могла ходить безъ посторонней помощи; ноги у нея опухли и были въ
страшныхъ язвахъ.

Занимаясь больной, мы и не замѣтили, какъ стемнѣло и поднялся
восточный вѣтеръ, который все усиливался. А къ пяти часамъ уже ра-

зыгралась страшная пурга. Въ такую погоду оставаться подъ открытымъ небомъ было опасно. Явно, что охотники должны были возвратиться домой, тѣмъ болѣе, что въ малицѣ былъ одинъ только О. Я. Принцевъ, а сторожа были въ ватированныхъ тулупкахъ. Мы опасались, какъ бы не оторвало вѣтромъ ледъ отъ берега и не унесло всѣхъ въ море. Безпокойство на станціи росло по мѣрѣ все усиливавшейся пурги. Кругомъ не видно ни зги. Слѣгъ слѣпилъ глаза. Придумывая, чѣмъ бы мы могли помочь охотникамъ, мы пришли къ мысли разложить костеръ надѣясь, что свѣтъ его будетъ для нихъ путеводной звѣздой. Мы успокаивали себя предположеніемъ, что охотники добрались до берега и почувуютъ въ самоѣдекомъ чуму, который былъ у нихъ поблизости. Но тревожное чувство насъ не оставляло. Время тянулось медленно. Ожиданіе было напряженное. Мы время отъ времени выходили во тьму, стрѣляли изъ ружей, пускали ракеты, но пурга безумно стонала и все заглушала. Снова разложили мы большой костеръ. Между тѣмъ наступила глухая почъ. Рѣшено было рано утромъ отправить почеваннаго у насъ самоѣдина въ чумъ, что былъ на берегу. Намъ думалось, что наши охотники именно тамъ скрываются теперь отъ непогоды. А пока до утра мы легли отдохнуть. Но вотъ въ третьемъ часу этой страшной ночи вернулся одинъ изъ сторожей. Онъ едва держался на ногахъ. Лицо, какъ маской, облѣплено слѣгомъ. Позволеніе его одного—безъ товарищей—всѣхъ насъ встревожило. Первыми его словами были: „пришли-ли товарищи“ и, услыжавъ отрицательный отвѣтъ, онъ сказалъ: „видно погибли. Имъ надо было придти раньше меня...“ Торопливо мы раздѣли пришедшаго, натерли тѣло его спиртомъ и дали внутрь согрѣвающего. Немного отдышавшись, онъ сообщилъ, что они на охотѣ убили двухъ медвѣдей, сняли съ нихъ шкуры и только тогда отправились домой. Идти предстояло верстъ десять. Сначала шли всѣ вмѣстѣ. Пурга уже разыгралась и кругомъ ничего не было видно. Вѣтеръ пронизывалъ до костей. Чинovníкъ О. Я. Принцевъ, одѣтый въ малицу, застрахованъ былъ отъ холода, но ему трудно было идти въ своей тяжелой одеждѣ и онъ сильно уставалъ. Сторожъ же Елисѣевъ страшно зибъ. Онъ время отъ времени мѣнялся одеждой. Наконецъ, изнемогши въ борьбѣ съ сильнымъ вѣтромъ, О. Я. Принцевъ сталъ замедлять шагъ. Между тѣмъ сторожамъ необходима было быстрота движенія, чтобы согрѣть продрогшее до костей тѣло. И вотъ О. Я. Принцевъ убѣдилъ своихъ спутниковъ оставить его одного и слѣзнуть на станцію, а потомъ выслать ему помощь. Такъ они разстались и вскорѣ скрылись изъ вида другъ у друга. Сторожа быстро подвигались впередъ. Слѣгъ слѣпилъ имъ глаза. Кругомъ ничего не было видно. Вдругъ одинъ изъ нихъ, остуннившись, полетѣлъ въ пропасть. Оставшіяся наверху, пораженный ужасомъ, остановился и не зная, что предпринять. Но вотъ до его слуха донесся голосъ изъ глубины расщелины. Унавіній Карповъ сообщилъ, что онъ цѣлъ и невредимъ, что вверхъ подняться ему нѣтъ возможности, поэтому онъ пойдетъ къ станціи берегомъ моря, но въ случаѣ, если его долго не будетъ, просилъ послать ему кого-либо навстрѣчу. Голосъ смолкъ. И оставшіяся наверху Елисѣевъ въ одиночествѣ продолжалъ путь. Но недолго. Вскорѣ и онъ слетѣлъ по рыхлому слѣгу съ крутизны на берегъ моря. Тамъ оба сторожа встрѣтились и нѣкоторое время шли вмѣстѣ. Потомъ Елисѣевъ сталъ ослабѣвать и отставать, поминутно падая и засыпая. Наконецъ онъ и совсѣмъ отсталъ, будучи не въ силахъ болѣе идти. Карповъ же неожиданно для себя нашелъ станцію. Ясно

было, что жизни остальных грозитъ опасность. Немедленно попросили почеваннаго у насъ самоѣдина снарядиться на поиски. Съ нимъ отправился и я, говорить о. Геннадій,—одѣвшись, какъ можно теплѣе. Съ собой мы взяли въ запасъ одежды и спирта. На улицѣ было страшно. Снѣгъ вился, слѣпилъ глаза и окутывалъ все окружающее. Съ трудомъ добрались мы до саней и поѣхали, рискуя каждую минуту свернуть съ крутизны. Кругомъ ничего было не видно. Мы рѣшили первоначаль но добраться до чума, а затѣмъ уже начать поиски. Ѣхали мы медленно, со всевозможными предосторожностями. Самоѣдинъ Николай минутно вставалъ съ саней и шелъ впереди собакъ. Благодаря этому мы благополучно спустились на берегъ моря и отыскали здѣсь самоѣдское жилище. У меня была надежда, что мы найдемъ здѣсь О. Я. Принцева и сторожа, но тутъ ничего не знали о случившемся. Разбуженный нами самоѣдинъ Иванъ Тайборей немедленно собрался съ нами на поиски. Трогательно было его участіе. Онъ съ товарищемъ былъ незамѣнимъ и неоцѣнимъ въ этомъ дѣлѣ.

Мы поѣхали менѣе версты, какъ наши собаки слышали станціонныхъ собакъ и быстро побѣжали имъ навстрѣчу. Такимъ образомъ отыскавъ были нами О. Я. Принцевъ. Онъ такъ ослабѣлъ и озябъ, что еле держался на ногахъ. Его усадили на сани самоѣдина Ивана и отправили въ чумъ. Мы съ Николаемъ остались на мѣстѣ въ ожиданіи Ивана. Когда послѣдній возвратился, мы все четверо принялись за поиски. Все обрывы и скалы были нами тщательно обследованы. Жаль было времени, которое тратилось безъ пользы для пронашнаго. Мы сильно утомились. Собаки выбились изъ силъ. Пришлось подняться на берегъ по очень крутому обрыву. Вверху вѣтеръ былъ еще сильнѣе и положительно валилъ съ ногъ. Собаки минутно оставались и прятались отъ непогоды подъ сани. Самоѣды почти все время шли пѣшкомъ. Добрались до чума. Взяли О. Я. Принцева съ собой и поѣхали на станцію. Не радостно было наше возвращеніе: одного все же среди насъ не было. Рѣшено было на разсвѣтѣ снова ѣхать на поиски, а пока всемъ отдохнуть. Чувствовалась усталость, но сна не было. Карновъ стоналъ; у него начали обнаруживаться слѣды обмороживанья на лицѣ.

На разсвѣтѣ самоѣды опять поѣхали искать замерзшаго. Штормъ не стихалъ. Вернувшись къ вечеру на станцію, самоѣды сообщили, что попали наконецъ на слѣды недалеко отъ станціи, но темнота, пурга и усталость собакъ и людей заставила ихъ прекратить поиски, 4-го января стало немного теплѣе. Снѣгъ улегся. Самоѣды опять уѣхали на поиски. Вскорѣ они возвратились съ извѣстіемъ, что нашли тѣло. Оно находилось недалеко отъ станціи. Мы послали за тѣломъ, а сами стали готовить все къ оттиранію замерзшаго. Въ баню принесли снѣгъ, зеркало и сукопки. Былъ ясный день. Морозъ все усиливался. Григорія привезли, положили въ баню на снѣгъ и стали разрѣзывать и снимать одежду. Самоѣды боялись даже присутствовать при этомъ. Мы оттаили сначала поздри. Отъ расширенія на нихъ получились бѣлыя пятна, но никакихъ признаковъ на оживленіе. Тѣло покойнаго закрыли пока въ снѣгъ и такъ оставили въ банѣ на нѣсколько дней, за тѣмъ было предано погребенію. Семья покойнаго оказана была помощь какъ нами, такъ и живущими на станціи Югорскій Шаръ. Все обитатели станціи стали положительно неузнаваемы. Какъ не бывало шутокъ, смѣха и веселья. Все печально и молчаливо. Но вотъ у насъ случилась повал

бѣда. Ученикъ Миша, катаясь на санкахъ, сломалъ себѣ ногу. Памя прибавилось еще заботы. 6-го января, послѣ литургіи, совершился былъ крестный ходъ на море, гдѣ было великое освященіе воды. Въ этотъ день на станціи были въ гостяхъ самоѣды въ количествѣ 22 человекъ. Они стараются бывать у насъ не въ большомъ количествѣ, поэтому наблюдаютъ между собою очередь. Всѣмъ имъ былъ предложенъ обѣдъ. По обычаю были накормлены и собаки.—

Домъ нашъ напоминаетъ больницу. Миша лежитъ безъ движенія. Сторожъ весь въ повязкахъ и съ раздувшимся лицомъ, также совершенно безпомощный и нуждается въ постоянныхъ услугахъ. Самоѣдка Анна лежитъ у насъ уже нѣсколько дней затѣмъ. Несмотря на пургу, прѣхалъ самоѣдикъ Гавріилъ съ порубленной погодой, которая сильно распухла. Огромная рана была сравнительно чиста, благодаря тому, что она была своевременно забинтована. Вату и бинтъ Гавріилъ нашелъ у себя въ чуму. Эти вещи давались самоѣдамъ о. Юрьевымъ при посѣщеніи осенью ихъ чумовъ, съ объясненіемъ, какъ надо ихъ примѣнять къ дѣлу. Давалось тоже имъ зимою и на станціи.

Не успѣли жители радіостанціи успокоиться отъ пережитыхъ волненій, какъ ихъ постигло новое несчастье. О. Геннадій заболѣлъ цингой. Обитатели станціи встревожились и приуныли. Каждый подозрѣвалъ въ себѣ признаки этой страшной болѣзни. Но телеграфу спешилъ съ врачомъ, который также по телеграфу назначилъ лѣченіе, слѣдилъ за ходомъ болѣзни и давалъ совѣты. Такъ грустно проходилъ Великій постъ. Лишь съ наступленіемъ Насхи нѣсколько оживились обитатели радіостанціи. „Цинга забыта,—говоритъ о. Геннадій,—счастье, что дожили до святыхъ дней. Великія службы. Выносъ плацанницы Меновѣдъ передъ нею. Затѣмъ субботняя утренняя съ обнесеніемъ вокругъ церкви плацанницы—все это заставило насъ забыть и время, и печаль, и суету.. Казалось, Христосъ бытъ съ нами и все въ сѣверной природѣ вняло и сострадало ему въ благоговѣйномъ молчаніи..“

Послѣ службы мы украсили церковь. Въ столовой развѣсили флаги, на вѣсѣхъ окнахъ положили два ряда свѣчей, приготовили бочки изъ-подъ керосина и ракеты. Потомъ я принялся за чистку сосудовъ и окончательное приготовленіе къ празднику. По всему дому разносился запахъ кулича. Въ станціи постепенно подѣзжали самоѣды, которые собирались со всего Вайгача. Въ прихожей на лѣстницѣ и на крыльцѣ высокими кучами лежали малицы. Вокругъ дома расположились собаки въ упряжи.

Гостей напоили чаемъ. Затѣмъ О. Я. Принцевъ началъ стрижку волосъ самоѣдамъ. Дѣвочки сначала боялись и не шли къ нему, по даннѣи имъ конфеты едѣвали свое дѣло и онѣ непрерывно стремились остричься.

На улицѣ тихо. Несмотря на 17°, кажется тепло. Въ 7 часовъ вечера началось чтеніе дѣяній. Въ теченіе часа самоѣды одинъ за другимъ прикладывались къ плацанницѣ. До 10^{1/2} читалъ я, гримъ о. Юрьева о послѣднихъ дняхъ Спасителя на землѣ на ижемско-зырянскомъ языкѣ. Чтеніе прерывалось передачей прочитаннаго по-самоѣдски и показываніемъ картиць. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи началась полунощница. Всѣ комнаты дома освѣтили 150-ю стеариновыми свѣчами. Въ рукахъ богомольцевъ возжены восковыя свѣчи. Самоѣды приняли участіе въ крестномъ ходѣ. Нѣкоторые изъ нихъ несли святыя иконы и евангеліе. Въ это время ярко запылали, освѣтивъ зданія и нашъ путь, керосиновыя бочки. Бенгальскіе огни, римскія свѣчи и ракеты возвѣстили ра-

дость человѣческихъ душъ Воскресенію Христову. Свѣтлая заутрени совершалась торжественно. Лица молящихся были одушевлены радостію. Послѣ утрени христосовались со всѣми. Во время краткаго перерыва между утреней и обѣдной учили самоѣдовъ христосоваться между собой. Иныя изъ нихъ сначала неуклюже цѣловали другъ у друга руки. вмѣсто благовѣста къ литургіи пускали ракеты. Послѣ литургіи осыпали пасхальныя яства. Затѣмъ приступили къ трапезѣ. Въ домѣ царило радостное оживленіе. Гостямъ не хватало стульевъ и чашекъ. Но все обошлось. Пили кто изъ блюдца, кто изъ чашки. Всѣмъ предложено было освященнаго кулича. Послѣ угощенія былъ заведенъ граммофонъ. Самоѣды чувствовали себя весело, непринужденно. Всѣ дѣлились радостными впечатлѣніями святой ночи.

Самоѣды, не стѣняясь, гостили на станціи всю пасхальную недѣлю. Между тѣмъ сахару стало мало... Но А. А. Доступовъ по добротѣ своей продолжалъ оказывать имъ поистинѣ христіанское гостепріимство.

Вскорѣ послѣ Пасхи на станціи заболѣлъ цынгой мальчикъ Миша. Онъ кричалъ отъ боли въ ногахъ. Десны у него встухли. Ходить онъ не могъ. Родители поспѣшили увезти его въ чумъ. Затѣмъ цынготные больные стали появляться и въ чумахъ среди самоѣдовъ. Умершихъ на о. Вайгачѣ отъ этой болѣзни было двое.

Пастушила весна, а съ ней и радостная надежда на спасеніе отъ опасностей миновавшей темной полярной ночи...

Итакъ, жизнь самоѣдовъ на о. Вайгачѣ въ теченіе зимы 19¹⁴/₁₅ года прошла болѣе или менѣе благополучно, — несмотря на то, что въ матеріальномъ отношеніи это былъ для нихъ исключительный тяжелый годъ, — только благодаря участію въ ихъ судьбѣ чиновниковъ Вайгаческой радіостанціи и оставшагося на зимовку здѣсь свящ. Г. Юрьева. Случайные гости далекаго океанскаго острова, чиновники радіостанціи, вмѣстѣ со священникомъ, исполняя по долгу свои прямыя обязанности, въ тоже время, по влеченію своего сердца, оказывали не мало помощи обитателямъ острова самоѣдамъ въ ихъ тяжелой, безотрадной долѣ. Послѣдніе шли на радіостанцію и за врачебною, и за духовною, и за матеріальною помощію и никто не уходилъ отсюда неудовлетвореннымъ. Какъ отрадно слышать свидѣтельство очевидца, что у всѣхъ обитателей радіостанціи, проведенныхъ въ 19¹⁴/₁₅ году зиму на о. Вайгачѣ, было единодушное желаніе быть полезнымъ, кто чѣмъ можетъ, самоѣдамъ, этимъ убогимъ дикарямъ, достойнымъ всякаго состраданія. И желаніе это выразалось не на словахъ только, но осуществлялось на дѣлѣ. Парисованная тѣмъ же очевидцемъ и отмѣченная нами выше картина раздѣленія труда по удовлетворенію нуждъ самоѣдовъ между обитателями радіостанціи наглядно подтверждаетъ это. И, вспоминая эту картину, невольно хочется сказать сердечное спасибо добрымъ людямъ, скрасившимъ нѣсколько жизнь на о. Вайгачѣ насниковъ русскаго Сѣвера—самоѣдовъ въ теченіе зимы 19¹⁴/₁₅ года...

Приведенный примѣръ помощи самоѣдамъ чиновниками—Вайгаческой радіостанціи даетъ основаніе высказать общую мысль о томъ значеніи, которое могутъ имѣть для обитателей далекихъ окраинъ такіе культурные уголки, какъ Вайгаческая радіостанція.

Названная станція, находясь на далекомъ океанскомъ островѣ, какъ оазисъ въ пустынѣ, привлекала къ себѣ обитателей острова, полудикарей самоѣдовъ, которые принимались здѣсь, какъ дорогіе гости. А что было бы, если бы при этой радіостанціи былъ устроенъ постоянный

фельдшерскій пунктъ для самоѣдовъ, постоянная школа, продовольственный складъ и т. д. Думается, что жизнь обитателей острова при такихъ условіяхъ значительно улучшилась бы...

Но, конечно, не объ однихъ только вайгачскихъ самоѣдахъ должна быть сейчасъ рѣчь, не объ улучшеніи только ихъ положенія, а объ улучшеніи положенія самоѣдскаго племени вообще. Сказаннымъ выше констатируется, какъ фактъ, крайне безотрадное тяжелое, положеніе самоѣдовъ нашей губерніи. Вначалѣ жалкое, полуголодное существованіе въ дырвомъ, дымномъ чуму, гдѣ-то тамъ, за полярнымъ кругомъ, эти забытые Богомъ и людьми насыпки русскаго Сѣвера уже давно обращаются съ мольбою—дать имъ минимумъ условій, необходимыхъ въ человѣческой жизни для того, чтобы не погибнуть преждевременною смертію, какъ погибли уже многія инородческія племена. И думается, необходимо прислушаться къ этой мольбѣ угасающаго племени.

Въ заключеніе доклада вспомнимъ призывъ профессора Якобія, знатока инородческаго вопроса; онъ приглашаетъ „благосклонно взглянуть на инородческія племена Сѣвера и вѣрить, что по умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ они способны къ культурному развитію, что угасаніе этихъ племенъ зависитъ не отъ природныхъ условій страны, а отъ совершенно иныхъ причинъ, искусственно прививаемыхъ инородцамъ. *«Помощь исчезающимъ племенамъ»*,—говоритъ онъ,—*«есть дѣло чести всего культурныхъ людей русской земли»*.

Николай Козминъ.

Охрана памятниковъ природы.

На общемъ собраніи О ва 10 августа было постановлено присоединиться къ ходатайствамъ Московск. Об-ва акклиматизаціи растений и животныхъ о необходимости охраны памятниковъ природы. Въ этомъ смыслѣ сдѣланъ былъ докладъ на лѣсномъ сѣздѣ въ г. Архангельскѣ. Этимъ же вопросомъ заинтересовалось и Министерство Земледѣлія (Управленіе дѣлами Главнаго Земельнаго Комитета), которое прислало намъ бумагу отъ 27-го августа съ нижеприводимымъ опроснымъ листомъ.

Признавая необходимость серьезно подумать о созданіи въ Россіи заповѣдныхъ участковъ и даже національныхъ парковъ, Мин-во предлагаетъ въ первую очередь произвести учетъ памятниковъ природы, охранявшихся до сихъ поръ тѣми или иными учрежденіями и лицами, а также привести въ извѣстность участки, которые необходимо принять подъ охрану государства на будущее время.

Отвѣты на слѣдующіе вопросы просить присылать въ самомъ непродолжительномъ времени по адресу: Петроградъ. Литейный просп. 39 Управленіе дѣлами Главнаго Земельнаго Комитета. Агрономическій отдѣлъ. 1. Географическое мѣстоположеніе участка (разстояніе отъ ж. д., крупнаго центра, рѣки и т. п.). Губерніи, уѣздъ, волость. Адресъ владѣльца или завѣдывающаго. 2. Площадь земли, занимаемая имъ въ настоящее время. 3. Площадь, необходимая для огражденія участка въ будущемъ, и ея естественныя границы. 4. Общая характеристика окружающей мѣстности. 5. Въ какомъ отношеніи замѣчательнъ данный заповѣдникъ или памятникъ природы (ого характеристика). 6. Истори-

ческое прошлое его. 7. Съ какого времени находится подъ охраной. 8. Каково назначеніе данного участка въ настоящій моментъ. 9. Цѣль охраны его въ будущемъ. 10. Не подвергается ли участокъ въ настоящій моментъ опасности (уничтоженіе, захватъ, погрома, мѣсто гуляній и т. под.). 11. Какія мѣры необходимы для охраны заповѣдника или памятника въ настоящее время и въ будущемъ. 12. Средства, необходимыя для обезпеченія дальнѣйшаго его существованія и источники ихъ полученія. 13. Если участокъ находится въ частномъ владѣніи, то согласены ли владѣлецъ передать его какому-либо научному обществу въ данный моментъ. 14. На какихъ условіяхъ передача можетъ состояться. 15. Является ли передача необходимой въ данный моментъ. 16. Имѣются ли указанія на данный заповѣдникъ или памятникъ природы въ литературѣ (желательно указать названіе книги, автора). 17. Является ли данный памятникъ совершенно исключительнымъ по своей рѣдкости или же онъ найдетъ себѣ повтореніе и въ другихъ мѣстахъ и гдѣ именно, въ данной губерніи или области имѣются подобныя участки. 18. Почему долженъ пользоваться предночтеніемъ именно данный заповѣдникъ или памятникъ при наличіи другихъ, во многомъ его повторяющихся. 19. Пользуется ли данный заповѣдникъ или памятникъ природы признаніемъ со стороны другихъ научныхъ обществъ и какихъ именно.

Подпись и адресъ лица, дающаго свѣдѣнія.

Выставка „Русскаго Сѣвера“.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера, въ цѣляхъ ознакомленія широкой публики съ Русскимъ Сѣверомъ и пользуясь временемъ, когда въ Архангельскѣ скончилось много рабочаго, служащаго и иностраннаго люда, сочло удобнымъ и полезнымъ открыть совместно съ Архангельскимъ Фотографическимъ Обществомъ „Художественную выставку „Русскаго Сѣвера“, по возможности всесторонне иллюстрирующую нашъ дальній сѣверъ.

Хотя казалось бы, что нынѣшнее время—время тяжелой войны и внутренняго неустройства—неподходяще для выставки, но мотивы, руководившіе Обществомъ въ этомъ дѣлѣ, вполне оправдываютъ его рѣшеніе, т. к. въ обыкновенное время нельзя ожидать такого большого стеченія людей, нуждающихся въ ближайшемъ знакомствѣ съ нашимъ, до сихъ поръ малоизвѣстнымъ не только иностранцамъ, но большинству насъ—Русскимъ Сѣверомъ.

Выставка была открыта въ квартирѣ (временно пустующей) директора Архангельской Ломоносовской мужской гимназій, любезно предоставленной г. инспекторомъ безплатно для этой цѣли. И хотя по мѣщеніемъ предоставлено было пользоваться лишь до начала занятій въ гимназій (на 4—5 недѣль), но и въ это короткое время выставка привлекла достаточно посѣтителей и видимо была интересна.

Стараніями выставочной коммисіи и предѣвателями Арх. Общ. Изуч. Рус. Сѣвера и Арх. Фотограф. Об-ва было собрано на выставку 273 картинъ и рисунковъ, 609 фотографій и болѣе 300 предметовъ русской исторической и этнографической старины и современнаго сѣвернаго обихода. Картины и рисунки: профес. В. Менгъ, худож. С. І. Писахова, Обухъ, Жабя, Пинегина, Ружникова, В. И. Филипова, А. Сп-

дорова, В. Н. Драшниль, П. М. Каланникова, священ. З. Каланникова, В. В. Шергина. Наибольшій интересъ представляли работы Менка, художника Сѣвера Писахова, за ними—Сидорова, Пинегина, Жаба, Шергина, Драшниль и др. Не малый интересъ проявили посѣтители къ работамъ извѣстнаго на Сѣверѣ самоучки-жипонисца Вилки, изображающаго свой родной непривѣтливый дальній сѣверъ. Рисунки углемъ, гуашью и сангины Шергина интересны какъ по манерѣ работы (стилизованннй рисунокъ), такъ и по содержанію—религіозная старина и обычай.

Картины размѣщены въ вестибюлѣ, первомъ залѣ, маломъ залѣ и въ историческо-этнографическомъ отдѣлѣ (работы Шергина),—въ третьей комнатѣ, гдѣ собраны предметы старины и современной сѣверной жизни. Здѣсь выставлены: коллекціи В. В. Шергина—старинныя женскія одежды и наряды, головные уборы, серьги, тѣльные кресты, золотомъ шитыя перчатки, ожерелья, платки, живописные (стариннаго письма) образа, литые складни раскольниковъ, казен (кадильницы), лѣстовки (четки), церковныя и гражданскія книги печатныя и писанныя; коллекція П. Д. Козьмина старинныхъ тѣльныхъ крестовъ; коллекція такихъ же крестовъ и панагія Соболева; рукодѣлія Поморскаго края; самоѣдскія работы (одежды, обувь и др. вещи домашняго обихода),—коллекція работъ самоѣда Соболева; витрина издѣлій изъ моржевой кости мѣстной работы; витрина рѣзной по слоновой и моржевой кости работы единственнаго въ настоящее время холмогорскаго кустара-художника Черепелкина и витрина дивныхъ ажурно-кружевныхъ по слоновой кости работъ старинныхъ холмогорскихъ мастеровъ, данныя на выставку нѣсколькими частными лицами. Въ этой витринѣ имѣются также скульптурно рѣзныя группы, блюдо, шкатулки и др. Въ настоящее время искусство, это—рѣзба по кости—здѣсь къ сожалѣнію повидимому умираетъ, т. е. правительственныя учрежденія до сихъ поръ ничего не сдѣлали для поддержанія и развитія этого искусства, и за исключеніемъ нѣсколькихъ посредственныхъ работниковъ, изъ постоянныхъ мастеровъ, изготовляющихъ художественныя стильныя работы, остается, кажется, только одинъ Черепелкинъ, не имѣющій себѣ преемниковъ. Нѣсколько старинныхъ нарядовъ и почти все работы изъ кости, не принадлежація частнымъ лицамъ, пріобрѣтены посѣтителями выставки. Въ четвертой и пятой проходныхъ комнатахъ были помѣщены рѣдкостные экземпляры самоѣдской домашней утвари, орудія охоты и рыбной и звѣриной ловли, идолы и пр.; далѣе—старинныя мѣстныя прялки, вальки, ковши для собиранія льготъ, туесы и др., всего болѣе 50. Такимъ образомъ, Русскій Сѣверъ былъ достаточно хорошо представленъ вышеказанными экспонатами.

Сверхъ того, Архангельское Фотографическое Общество присоединило свою „Товарищескую Выставку“—работы членовъ Об-ва въ числѣ болѣе 500 фотограммъ, представляющихъ пейзажи, церковную и гражданскую мѣстную архитектуру, церковную утварь, промыслы и промысловыя суда и становища. Собраніе это впервые является въ такой совокупности на обозрѣніе публики и для интересующихся Сѣверомъ представляетъ цѣпныя иллюстраціи Русскаго Сѣвера.

Устроенная въ такой короткій срокъ (3 недѣли) и при многихъ затрудненіяхъ настоящаго времени выставка оказалась весьма удачною и интересною, что видно и по изрядному спросу на продававшіяся изданія Арх. Об. Из. Рус. Сѣвера о Русскомъ Сѣверѣ и на издаваемыя

имъ же совмѣстно съ Арх. Фот. Обществомъ открытки „Русскій Сѣверъ“, такъ и по количеству посѣтителей, достигшему за 5 недѣль 1400 человекъ, чему способствовали нѣсколько и организованныя Арх. Фот. Обществомъ вечера свѣтовыхъ картинъ, иллюстрирующихъ Сѣверъ. Матеріальный успѣхъ выставки далъ возможность покрыть все расходы, отчислить въ пользу раненыхъ воиновъ 285 рублей и оставить нѣкоторую небольшую сумму для устройства такой же выставки въ будущемъ году,—нужно надѣяться—при болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

А. С. Лабенскій.

Извлеченіе изъ денежнаго отчета по выставкѣ.

ПРИХОДЪ.	Р.	К.
1) Отъ продажи книгъ, брошюръ и открытокъ	144	91
2) „ „ каталоговъ	80	60
3) „ „ билетовъ	998	80
4) „ „ экзюпатовъ	1348	25
5) Поступило пожертвованій	118	75
Итого	2691	31
РАСХОДЪ.		
1) Уплатено экзюпентамъ за удержаніемъ 20%	918	80
2) Расходъ по устройству выставки	771	55
Итого	1690	35
Доходъ	1000	96
Доходъ распредѣленъ слѣд. образомъ:		
1) Отчислено въ пользу военнопленныхъ	285	—
2) Фотографическому Об-ву	190	—
3) Об-ву И. С. за проданныя книги и открытки	144	91
4) Чистая прибыль Об-ва отъ выставки	381	05
Итого	1000	96

Отзывы мѣстной прессы о выставкѣ «Русскій Сѣверъ».

Мѣстныя газеты очень сочувственно отозвались о выставкѣ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ статей, помѣщенныхъ въ „Сѣв. Утрѣ“ и въ „Архангельскѣ“.

Выставка „Русскій Сѣверъ“ даетъ очень хорошее представленіе о красотѣ сѣвернаго края, эстетическихъ вкусахъ его обитателей и о высококомъ состояніи кустарной промышленности Сѣвера.

Весьма интересны реликвіи старинныхъ костюмовъ Архангельской губерніи, лубковъ религиознаго содержания, распространенныхъ въ Поморьѣ, набоекъ, кустарныхъ ювелирныхъ издѣлій и рѣдкихъ эмалевыхъ иконъ, выставленныхъ художникомъ Шергиннымъ.

Съ большимъ вкусомъ еоставлена коллекція старинныхъ серебряныхъ крестовъ, принадлежащая Н. Д. Козьмину.

Городской музей выставилъ интереснѣйшее собраніе сѣверной деревянной утвари, украшенной рѣзбой и раскраской въ примитивномъ смыслѣ.

Полотенца съ вышитыми и кружевными узорами, какъ и прочія рукодѣлія, выставленныя Обществомъ изученія поморскаго края, отличаются тѣмъ же чисто-сѣвернымъ стилемъ своихъ широкихъ орнаментовъ.

Изъ рѣзбы по моржевой кости обращаютъ вниманіе тонкостью работы и изящной простотой украшенія съ мотивами сѣверныхъ оленей, вѣера и кошелекъ кустаря Перепелкина.

Выставка занимаетъ пять большихъ комнатъ и представляетъ большой интересъ не только для приплага населенія, но и для постоянныхъ жителей края. Особенно богатъ отдѣлъ художественный, въ краскахъ. Кромѣ картинъ извѣстныхъ уже архангелогородцамъ художниковъ Писахова, Жаба, Пинегина и др., представлена цѣлая серія полотенъ, изображающихъ нашу Сѣверь, принадлежащихъ кисти В. П. Драшнина, случайно закинутого на сѣверь. Для его картинъ отведена цѣлая комната.

Помимо этихъ художниковъ представленъ рядъ работъ еще неизвѣстныхъ широкой публикѣ мѣстныхъ любителей: Сидорова, Ружликова, о. З. Калашникова и П. Калашникова, и г. Обуха. Многое изъ выставленнаго этими лицами представляетъ значительный интересъ. Много также рисунковъ новоземельскаго художника Ильи Вылки.

Очень богатъ фотографическій отдѣлъ. Прелестны работы г.г. Вихмана, Сизова, Понлавскаго и др. По этимъ снимкамъ научасныя понимать, что въ рукахъ человѣка, одареннаго чувствомъ прекраснаго, мертвый фотографическій аппаратъ можетъ создать чудо—изобразить природу такъ, какъ чувствуетъ и воспринимаетъ ее фотографъ-художникъ.

Библиографія.

М. Э. Жданко. Первый гидроаэропланъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ
Изд. 2-ое, Петрозаводъ 1917.

Тотъ фактъ, что эта небольшая брошюра—всего 12 стр.—выходитъ вторымъ изданіемъ, показываетъ, что у насъ существуетъ безусловный интересъ какъ къ гидроавіаціи вообще, такъ въ частности къ дѣлу примѣненія ея въ области изслѣдованія полярныхъ странъ. Гидроаэропланамъ, несомнѣнно, суждено сыграть большую роль въ будущихъ полярныхъ экспедиціяхъ, главнымъ образомъ потому, что они являются великолѣпнымъ средствомъ для производства широкихъ рекогносцировокъ, столь полезныхъ во время плаванія во льдахъ. Кромѣ того съ гидроплана фотографметрическимъ путемъ можетъ быть произведена съемка, которая, хотя и будетъ менѣе точной, нежели съемка, веденная во время сапшой экспедиціи, но будетъ имѣть то преимущество, что въ сравнительно короткій срокъ безъ большихъ затрудненій можно нанести на карту обширный районъ. Очень большое значеніе имѣтъ гидроаэропланы въ специальныхъ поисковыхъ полярныхъ экспедиціяхъ.

Къ брошюрѣ приложена карта, на которой, между прочимъ, въ районѣ отъ губы Архангельской до мыса Пассау на П. Землѣ показано положеніе береговой линіи по наброскамъ, сдѣланнымъ съ гидроплана. Сравнивая эту береговую линію съ линіей, полученной путемъ точной съемки санними экспедиціями Сѣдова, видно, что береговая линія лишь глазомѣрно наблюдаемая съ гидроплана, въ значительно большей степени соответствуетъ истинной, нежели очертанія берега, имѣющіяся на картѣ гл. гидрографическаго управленія и полученная путемъ описи съ судна (Литке). Однако пересекъ между южнымъ Папкратьевымъ „островомъ“ и П. Землей летчикъ все же не замѣтилъ, несмотря на то, что гидроаэропланъ пролетѣлъ всего лишь въ 7½ морск. миляхъ отъ него и пересекъ долженъ былъ быть свободенъ отъ снѣга (полетъ былъ совершенъ 8 августа), вслѣдствіе чего не могъ быть непримѣтенъ.

Нѣсколько страннымъ является заявленіе въ концѣ брошюры патристически настроеннаго автора, что первенство на поприщѣ мореходства въ высокихъ широтахъ полярныхъ странъ, какъ съ цѣлью промышленной, такъ и съ цѣлью научной принадлежитъ русскимъ людямъ, въ частности русскимъ гидрографамъ.

В. В.

Вскрытіе Бѣлаго моря по даннымъ малочной службы Морского ведомства Э. Лесарти. Записки по Гидрографіи т. XL вып. 3.

Обстоятельства военнаго времени, выдвинувшія вопросъ о ледяномъ режимѣ Бѣлаго моря на одно изъ самыхъ первыхъ мѣствъ, побудили произвести сводку накопившагося наблюдательнаго матеріала, заключеннаго въ Сборникахъ гидро-метеорологическихъ наблюдений (вып. I—XII) для опредѣленія времени очищенія подъ Бѣлаго моря отъ льда.

Въ итогѣ сводки, принимая за „моментъ очищенія“, окончательное исчезновеніе не только плавучихъ льдовъ въ открытомъ морѣ, но и „берегового припая“, составлена таблица времени очищенія отъ льда раіоновъ* Мудьюгскаго, Зимнегорскаго, Жижгинскаго Жужмуйскаго, Сосновскаго, Моржевскаго, Орловскаго и Св.-Носскаго маяка.

Результаты этихъ наблюдений можно представить въ слѣд. таблицѣ:

МАЯКИ.	Среднія времена очищенія отъ льда.	Крайніе дни вскрытія.		Колобанія. Дни.	Начало наблюденій. Годы.
Мудьюгскій . . .	V 19	V 6 —	V 30	24	1889
Зимнегорскій . . .	V 5	III 20 —	VI 9	81	1889
Жижгинскій . . .	V 25	V 1 —	VI 26	51	1892
Жужмуйскій . . .	V 20	IV 17 —	VI 26	70	1891
Сосновскій . . .	V 29	IV 13 —	VII 8	86	1893
Моржевскій . . .	V 25	IV 23 —	VI 30	68	1890
Орловскій . . .	V 30	IV 30 —	VII 14	75	1889
Св.-Носскій . . .	V 8	III 4 —	VI 30	118	1892

Таблица составлена по новому стилю. Таблица ограничена наблюденьями 1912 г.

Авторъ статьи, изслѣдуя причины колебаній времени очищеній, приходитъ къ заключенію, что очищеніе Бѣлаго моря и главнымъ образомъ его горла отъ льда находится въ ближайшей зависимости отъ тѣхъ условій, которыя вліяютъ на положеніе границы льдовъ Баренцова моря. Составленный имъ графикъ времени очищенія Бѣлаго моря и положеній границы льдовъ Ледовитаго океана показываютъ близкое между ними сходство, т.-е. болѣе раннія вскрытія соответствуютъ годамъ удаленія границы океанскихъ льдовъ на сѣверъ, запоздація вскрытій падаютъ на годы приближенію полярныхъ льдовъ къ матеріку т.-е. временемъ болѣе южнаго положенія ихъ границы.

Причиной, регулирующей положеніе льдовъ Восточной части Баренцова моря и очищеніе Бѣлаго моря, Э. Лесгартъ считаетъ температуру зимы крайняго сѣверо-востока Европ. Россіи.

Вліяніе Гольфстрема, какъ главнаго фактора, вліяющаго на ледяной режимъ океана, авторъ ограничиваетъ лишь западной частью Баренцова моря. Бѣлое море отнесено къ восточной его части.

Между прочимъ отмѣчается тотъ любопытный фактъ, что температуры зимы района Бѣлаго моря не вліяютъ на время очищенія, а потому авторъ считаетъ себя вправѣ сказать, что состояніе льдовъ въ горлѣ бѣлаго моря не является результатомъ мѣстнаго процесса. Ледъ горла составляетъ со льдами восточной части Баренцова моря одну общую ледяную область, въ которой образованіе, накопленіе и таяніе льдовъ зависятъ отъ нѣкоторыхъ общихъ условій, господствующихъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Европейской Россіи.

Необходимо отмѣтить недостаточную обоснованность вывода, что образованіе и накопленіе льдовъ въ Бѣломъ морѣ идетъ при «крайне незначительномъ» участіи мѣстныхъ факторовъ. Намъ представляется, что здѣсь произошло смѣшеніе слѣдствія съ причиной. Причиной образованія льда — температурныя условія зимы района Бѣлаго моря. Процессъ образованія льдовъ идетъ всю зиму и всю зиму-же льды расходятся, будучи выносимы преимущественными теченіями изъ моря въ океанъ, при помощи обычныхъ въ нормальные зимы вѣтровъ южныхъ направленій. Но во время суровыхъ зимъ на сѣверо-востокѣ, вызывающихъ вѣтра сѣверныхъ румбовъ, которыя, дѣйствуя на движеніе льдовъ Бѣлаго моря и его горла въ обратную сторону, задерживаютъ ихъ здѣсь, тѣмъ затрудняя расходъ запаса льдовъ, который въ то-же время до апрѣля, безпрерывно пополняется, забиваетъ проливъ болѣе или менѣе густыми массами. Конечно, тѣ-же вѣтра, опуская границу льдовъ Баренцова моря къ югу, возможно — сливаютъ обѣ ледяныя области въ одну сплошную. Вѣтра съ сѣвера особенно изъ NW часть версты, принося повышенную температуру воздуха, дѣлаютъ зиму на Бѣломъ морѣ сравнительно мягче, тѣмъ создавая впечатлѣніе, что льды Бѣлаго моря образуются и накапливаются безъ участія мѣстныхъ условій погоды.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Засѣданіе Правленія 1-го іюля. Разсмотрѣвъ записку Отдѣла водныхъ путей о планѣ строительства таковыхъ путей, ихъ улучшенія и развитія, постановили просить г.г. Данишевскаго, Турбина и Преображенскаго представить свои соображенія по вопросамъ о водныхъ путяхъ, имѣющихъ значеніе для Сѣвера Россіи для дальнѣйшей передачи этихъ соображеній въ Желѣзнодорожное Бюро и въ Правленіе Общества.

На предложеніе принять участіе въ осуществленіи въ г. Архангельскѣ демократическаго дома постановили предложить учредителямъ объединить этотъ домъ съ Ломоносовскимъ Музеемъ.

Относительно печатанія отчета за 1916 годъ постановили: вслѣдствіе крайней дороговизны типографскихъ работъ—издать краткій отчетъ не болѣе 1—1½ печатнаго листа.

Засѣданіе Правленія 14 іюля. Вслѣдствіе предложенія со стороны особаго совѣщанія по обезпеченію топливомъ Архангельской губерніи, постановили выбрать представителемъ отъ Об-ва М. В. Перешнева, а замѣстителемъ его М. О. Лоушкина.

По разсмотрѣніи денежнаго отчета за первое полугодіе 1917 года постановили, въ виду крайней дороговизны жизни, увеличить жалованье служащимъ—всего по 140 р. въ мѣсяць.

Постановлено принять участіе на съѣздѣ Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей въ августѣ мѣсяцѣ посылкой своего представителя.

Доложено о бутылкѣ, имѣющей отношеніе къ экспедиціи Русанова и найденной на р. Черной Малоземельской тундры. Постановили выдать нашедшему М. Сумарокову 47 р. 50 к. вознагражденія и передать бутылку въ русановскую комиссію.

Засѣданіе Правленія 24 іюля. Доложено о полученіи пособій: отъ Министерства Торговли и Промышленности—2000 руб., наслѣдниковъ К. Ю. Суркова—900 р., отъ Союза Арх. Лѣсопромышленниковъ—600 р. и отъ Сѣв. Пароходнаго О-ва—200 р.

По вопросу о распредѣленіи чистой прибыли съ выставки „Русскій Сѣверъ“ постановили: $\frac{1}{3}$ часть отчислить въ пользу воспитѣльныхъ, остальную часть подѣлить такъ: $\frac{2}{3}$ на пополеніе средствъ О-ва и $\frac{1}{3}$ въ пользу Фотографическаго О-ва.

Заслушано предложеніе Правленія Вѣломорско-Балтійскаго О-ва И. И. Данишевскій съ 500 р. для выдачи премій за научный трудъ по Сѣверу. Постановили выработать положеніе о преміи въ особой комиссіи.

Общес Собраніе 27 іюля. Присутствовало 25 членовъ О-ва и нѣскольکو лицъ изъ постороннихъ. Принято въ число членовъ О-ва 15 лицъ.

Утверждены въ званіи пожизненныхъ членовъ: Сѣв. Пароходн. О-во „Арх.—Котласъ—Мурманъ“ за взносъ субсидій—200 р. и Архангельск. Купеческое О-во за взносъ субсидій—300 р. Доложенъ и утвержденъ денежный отчетъ по 1 іюля с. г.

Затѣмъ И. П. Ануфриевъ прочиталъ весьма интересный докладъ: „Морскіе звѣринные и рыбные промыслы Русскаго Сѣвера въ старину“.

Докладчикъ отмѣтилъ существованіе звѣриныхъ промысловъ еще въ Новгородскую эпоху въ X вѣкѣ, когда обитатели Сѣвера платили дань Новгороду шкурами китовъ и бѣлухъ и клыками моржей, существованіе поморскихъ селеній на берегахъ рѣкъ и около моря (Кола, на Печорѣ и др.) и наличность морского флота (повѣдка норвежскаго короля Гаральда Храбраго для сватовства съ Елизаветой Ярославною) и развитіе торговли звѣриными шкурами, морской рыбой и звѣринымъ саломъ въ періодъ XIII—XV в.в., дальше Новой Земли и до Карской Губы.

Въ старину было много русскихъ становницъ по всему Сѣверу. Такъ, въ 1610 г. было 21 становище на Западномъ Мурманѣ и 26 становницъ на Восточномъ, чего нѣтъ даже и теперь. Докладчикъ самъ видѣлъ въ 1911 г. остатки многихъ становницъ на Новой Землѣ. Изъ приведеннаго докладчикомъ весьма любопытнаго „Морскаго устава новоземельскихъ промышленниковъ“ 1846 года видно, что промысловая жизнь была очень развита и, что разныя стороны этой жизни были очень основательно разработаны.

Съ XVII в. и дальше замѣчается постепенное паденіе сѣверныхъ промысловъ, что докладчикъ объяснилъ стѣсненіями со стороны Московской бюрократіи, облагавшей промыслы множествомъ тяжелыхъ поборовъ. Паденіе нашихъ промысловъ привело къ тому, что норвежцы, которые раньше были нашими учениками, въ настоящее время успѣли опередить насъ и ловятъ рыбу въ нашихъ водахъ.

Для поднятія промысловъ докладчикъ рекомендовалъ слѣд. мѣры: 1) охрану и расширеніе территоріальной полосы; 2) субсидіи парусному и моторному флоту; 3) рыбацкія школы, курсы. 4) колонизація Сѣвера, гдѣ возможно луговоедство: въ Кареліи, въ Ланландіи вдоль жел. дор. и озера Имаандры, береговъ р.р. Печоры и Мезени. Особенно настаивалъ на колонизаціи побережья Чесской Губы, о богатствахъ которой онъ привелъ весьма любопытныя данныя.

За позднимъ временемъ начавшіяся пренія рѣшено отложить до слѣдующаго собранія.

Собраніе Комиссіи по отысканію слѣдовъ Русанова и Бруселова 29 июля. Постановили: 1) пополнить составъ Комиссіи, для чего просить вступить въ нее г.г. Држевецкаго, Ануфриева и Самойловича; 2) написать поминанія о представленіи подписныхъ листовъ съ собранными пожертвованіями; 3) выдать самоѣдамъ Талѣеву и Сумарокову, папедниимъ бутылки съ записками, по 50 руб. вознагражденія сверхъ возмѣщенія понесенныхъ ими расходовъ.

Какъ и на прежнихъ засѣданіяхъ Комиссія задавала себѣ вопросъ о судьбѣ участниковъ экспедицій и о возможныхъ шансахъ ихъ спасенія. Съ глубокимъ сожалѣніемъ пришлось признать, что надежды на то, что Русановъ и Брусловъ остались въ живыхъ, никакой имѣть уже нельзя. Поэтому комиссія обсуждала вопросъ о поминовеніи памяти погибшихъ отважныхъ изслѣдователей и рѣшила собрать свѣдѣнія о всѣхъ участникахъ обѣихъ экспедицій, т. е. имена большинства неизвѣстны.

Собраніе Правленія 7 августа. Заслушано письмо Об-ва акклиматизаціи растений и животныхъ о необходимости сохраненія памятниковъ

природы. Въ предѣлахъ губерніи Правленіе намѣтило, какъ подлежащія охранѣ слѣд. мѣста: Ковдозеро, Могильное озеро на Кильдинѣ, Айновскія острова, птичьи базары на Цыгь-Наволокъ и вообще на Рыбачьемъ полуостровѣ; ос-ва Мейнике на р. Назрѣкъ и др. Постановили поднять этотъ вопросъ на предстоящемъ Лѣсномъ Сѣздѣ. Постановили выбрать представителемъ отъ Об-ва на Лѣсномъ Сѣздѣ въ г. Архангельскѣ 15 августа В. В. Шиничинскаго.

По вопросу объ изысканіи средствъ на изданіе брошюры о М. К. Сидоровѣ (700—800 р.р.) рѣшили обратиться съ просьбой о дачѣ средствъ къ Купеческому Об-ву и др. организациямъ въ городѣ.

Вслѣдствіе предложенія Губернскаго Комиссара о созданіи архивной Комиссіи для принятія мѣръ къ сохраненію зеркалъ, портретовъ и др. памятниковъ старины, имѣющихъ художественную или историческую цѣнность, постановили для участія въ совѣщательномъ засѣданіи по данному вопросу 11 августа просить В. И. Мазюкевича.

Общее Собраніе 8 августа. Присутствовало 20 членовъ О-ва и нѣсколько лицъ посторонней публики. Принято трое лицъ въ число членовъ О-ва. Доложено о посѣщеніи О-ва проѣздомъ на Мурманѣ геолога Толмачева и біолога Кюлогге, которые обѣщали по возвращеніи изъ поѣздокъ подѣлиться въ О-вѣ своими впечатлѣніями.

Загѣмъ членъ О-ва В. А. Эллена сдѣлалъ живой и интересный (на основаніи личныхъ впечатлѣній) докладъ: „о государственныхъ и профессиональныхъ организацияхъ поморовъ-рыболововъ во Франціи“. Рыболовное дѣло построено на почвѣ мелко-капиталистическихъ предпріятій. Строго соблюдается правило, чтобы хозяинъ судна непременно каждый разъ самъ выѣзжалъ въ море и работалъ вмѣстѣ съ матросами. Рыбаки хорошо обеспечены пенсіями въ своихъ профессиональныхъ организацияхъ. Ловить рыбу могутъ только французскіе граждане. Принимаются мѣры противъ контрабандистовъ, противъ хищничества; паровымъ траулерамъ запрещается ловить рыбу ближе 15 километровъ отъ берега, паруснымъ—ближе 5-ти. Морскихъ ескей дозволяется бить только трезубцемъ и т. д. Докладчикъ указалъ, что, по его мнѣнію, замѣчается значительное сходство въ условіяхъ дѣятельности и даже въ міровозрѣніи русскихъ и французскихъ рыбаковъ. Самый его сегодняшній докладъ вызванъ отчасти тѣмъ мѣстомъ предыдущаго доклада капитана Ануфріева, гдѣ тотъ излагалъ уставъ рыболововъ 1846 года. Правила насегого распредѣленія улова и друг. правила, регулирующія отношенія рыболововъ на данномъ суднѣ очень сходны въ обѣихъ странахъ. Въ виду этого В. А. Эллена находилъ, что и въ Россіи—на Мурманѣ—должна развиваться та-же форма мелко-предпринимательской промышленности (мелко-буржуазная), какая изстари и до сихъ поръ господствуетъ во Франціи.

Интересный докладъ вызвалъ весьма оживленныя пренія, затянувшіяся до поздней ночи. Пренія велись за одно и по предыдущему докладу Н. П. Ануфріева. Было затронуто много вопросовъ, по которымъ высказывались г.г. Бартневъ, свящ. о. В. Мелетіевъ, Гринеръ, Шиничинскій, Држевецкій и Ануфріевъ. Въ видахъ экономіи мѣста отмѣтимъ только два вопроса. Какой формѣ промышленности: мелкой или крупной—капиталистической суждено скорѣе всего развиваться на Мурманѣ? Вопросъ этотъ неоднократно возбуждался въ Об-вѣ по поводу довольно-таки многочисленныхъ докладовъ, посвящавшихся Мурману.

При чемъ высказывались разныя мнѣнія, но къ окончательному выводу собранія никогда не приходили. Но на настоящемъ собраніи вопросъ былъ, повидимому рѣшенъ, и закрѣпленъ вѣскими и категорическими утверждениями такихъ знатоковъ Мурмана, какъ В. Ф. Држевецкій и капитанъ Н. П. Ануфриевъ. Оба они совершенно опредѣленно указали, что для крупной капиталистической рыболовной промышленности на Мурманѣ нѣтъ подходящихъ условий. Крупное капиталистическое рыболовство можетъ съ успѣхомъ развиваться въ другихъ мѣстахъ Ледовитаго океана: на Канскихъ банкахъ, у Колгуева, въ Чесской губѣ, у Новой Земли и друг., но на Мурманѣ ловъ трески и друг. породъ можетъ производиться только мелкими хозяевами яруснымъ способомъ. Тралловый ловъ на Мурманѣ развиваться не можетъ: онъ требуетъ чистаго грунта; грунтъ же Мурмана частью каменистый, частью же пловатый съ большимъ количествомъ губки для траулеровъ не подходитъ. Н. П. Ануфриевъ добавилъ, что на Мурманѣ было много капиталистическихъ рыболовныхъ предпріятій, но ихъ постигла неудача. Да и ловъ ихъ имѣлъ всегда хищническій характеръ, который самъ себя быстро подрываетъ. По тому-же вопросу высказался еще Гриперъ, отставившій артельную форму мелкаго промысла. Шичинскій тоже подтвердилъ, что ловля рыбы на Мурманѣ, по условіямъ промысла, можетъ быть только въ видѣ яруснаго лова нашихъ мелкихъ промышленниковъ, но указать при этомъ на другую сторону дѣла: на скунку и сбытъ продуктовъ лова. Въ этой торговой операціи крупный капиталъ вполне можетъ обосноваться.

Другой очень интересный и важный вопросъ былъ поднятъ В. В. Шичинскимъ. Въ числѣ причинъ, которая повліяли на упадокъ морскихъ рыбныхъ промысловъ, онъ указалъ на возможность уменьшенія количества рыбы и по причинамъ общаго космическаго характера. При этомъ Шичинскій ссылаясь на установленный фактъ, что колебанія улова сельдей въ Вельтахъ ставится въ зависимость отъ перемѣненій слоевъ воды съ глубинныхъ пространствъ моря на его поверхность и обратно, при чемъ это явленіе зависить отъ отклоненія земной оси. Проф. Воейковъ указалъ для Дальняго Востока въ качествѣ причинъ, влияющихъ на появленіе рыбы—на климатическія условія въ смыслѣ измѣненія количества осадковъ.

Наши изслѣдованія пока даютъ мало матеріала, но весьма возможно, что именно здѣсь надо искать причину такого крупнаго явленія, какъ разительное паденіе нашихъ морскихъ промысловъ. Држевецкій оспаривалъ влияніе измѣненій космическихъ факторовъ на Мурманѣ, тѣмъ не менѣе замѣчаніе Шичинскаго выдвинуло на сцену весьма интересное предположеніе, которое требуетъ самаго серьезнаго вниманія. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, объяснять крупный фактъ экономическаго характера, какъ паденіе нашихъ морскихъ промысловъ на Северѣ, причинами исключительно политическаго свойства въ родѣ плохого управленія московскихъ приказовъ и петербургскихъ канцелярій.

Резюмируя пренія, В. В. Шичинскій пожелалъ, чтобы въ будущемъ, при дѣятельности земства, а также при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ (для чего большую пользу могъ-бы принести Біологическій Институтъ) не повторилась бы исторія Мурманской научно-промысловой экспедиціи, цѣнными трудами которой воспользовались больше иностранцы, чѣмъ мы.

Общее Собрание 10 августа. Въ началѣ собранія председатель Шинчинскій доложилъ постановленія Правленія 7 августа по вопросамъ: охраны памятниковъ природы и охраны памятниковъ старины. При возникшемъ обменѣ мѣнiями И. П. Ануфриевъ поднялъ вопросъ о чрезмѣрномъ хищническомъ истребленіи песцовъ. Держевецкій, прот. В. Мелетіевъ и В. В. Бартеневъ привели факты самаго варварскаго, хищническаго потребленія молодыхъ песцовъ (норниковъ крестоватиковъ, синюковъ и недлесковъ) на Каппиномъ Носу, въ Обдорской тундрѣ и въ Лапландіи. Бартеневъ заявлялъ о необходимости принятія самыхъ крайнихъ мѣръ вплоть до запрещенія торговли мѣхомъ крестоватика. О необходимости охраны памятниковъ природы Общее Собраніе утвердило постановленіе правленія 7 августа. Затѣмъ А. А. Жилинскій сдѣлалъ докладъ „о колонизаціи Сѣвера. Выяснивъ, что колонизація Сѣвера можетъ быть двойкая: 1) сельско-хозяйственная и 2) промыслово-морская, докладчикъ указалъ на нашу отсталость въ обоихъ отношеніяхъ сравнительно съ Финляндіей и Норвегіей, гдѣ условія довольно сходны съ нашими. Были приведены цифры поразительнаго развитія напр. маслосдѣлія въ Финляндіи (въ 1914 г. Финляндіи вывезла 595 тысячъ пуд. масла, 68 тыс. пуд. сыру и сливокъ на 7 милліонъ р. слишкомъ, тогда какъ вся Россія дала только 3 милліона пуд. масла). Сѣверъ заселенъ крайне рѣдко, тогда какъ здѣсь вполне возможно напр. скотоводство и молочное хозяйство. Докладчикъ горячо нападалъ на наше бюрократическое управленіе, которое очень плохо вело переселенческое дѣло, и требовалъ образованія особаго отдѣла для колонизаціи при мѣстномъ земствѣ. Большое вниманіе докладчикъ удѣлилъ необходимости грунтовыхъ дорогъ и въ особенности прямой дороги изъ Архангельска на Мезень 200 верстъ по плану отъ докладчика—полковника Жилинскаго—и далѣе изъ Мезени на Усть-Цильму—около 500 в. Необходима также колонизація промыслово-морская, которая вполне возможна на Мурманѣ.

Живой, интересный докладъ вызвалъ оживленные пренія, затянувшіяся до 1 часу ночи. Въ преніяхъ приняли участіе: Бартеневъ, Преображенскій (Г. Н.), Шинчинскій, Ануфриевъ (И. П.), полковн. Жилинскій, Держевецкій, Зеленкевичъ, прот. В. Мелетіевъ.

Бартеневъ находилъ, что переселенческое дѣла нельзя передавать земству. Колонизація—дѣло общегосударственнаго интереса и имъ должно вѣдать органъ центральнаго правительства. Наше переселенческое управленіе много сдѣлало въ Сибири, тогда какъ само сибирское населеніе часто относилось къ колонизаціи враждебно, провозглашая лозунгъ: „Сибирь для сибиряковъ“. По дорожному вопросу оппонентъ заявилъ, что, конечно, дороги нужны, но докладчикъ слишкомъ суетился краски относительно бюрократическаго управленія этимъ дѣломъ и, съ другой стороны, слишкомъ идеализируетъ дѣятельность будущаго земства. Центръ тяжести вопроса лежитъ глави. обр. въ денежныхъ средствахъ, которыхъ для дорогъ требуется очень много, а мѣстное населеніе ими не обладаетъ въ достаточномъ количествѣ, да и самыя дороги въ губерніи имѣютъ большею частью общегосударственное значеніе.

Г. Н. Преображенскій находилъ, что прежде, чѣмъ призывать къ колонизаціи края, необходимо въ широкомъ масштабѣ произвести геоботаническія изслѣдованія.

Шинчинскій указалъ, что физико-географическія условія Норвегіи и Финляндіи несходственны съ Мурманскими. Въ Норвегіи зима те-

плѣе. Что касается до вывоза масла изъ Финляндіи, то это масло исключительно высшихъ сортовъ, замѣнь котораго ввозится туда масло сибирское, въ результатъ чего цифры вывоза масла изъ Россіи и изъ Финляндіи получаютъ иное освѣщеніе, чѣмъ это сдѣлано докладчикомъ. Затѣмъ оппонентъ указалъ, что вмѣсто постройки грунтовой дороги отъ Архангельска на Усть-Цыльму черезъ Мезень было-бы целесообразнѣе построить Обь-Вѣломорскую желѣзную дорогу: на Сѣверѣ основательная грунтовая дорога обойдется не дешевле желѣзнодорожнаго пути, а провозоспособность послѣдняго неизмѣримо больше. Докладчикъ, первоначально отрицавшій проектъ Обь-Вѣломорской ж. д., въ настоящее время невольно долженъ признать достоинство именно этого пути.

Зеленкевичъ указалъ, что при всей важности колонизаціи губерціи, этимъ не надо увлекаться, т. к. въ губерціи существуютъ лишь нѣкоторыя, ограниченные районы, пригодныя для переселенія. Онъ указалъ между прочимъ на отсутствіе питьевой воды въ довольно обширномъ районѣ по линіи жел. дороги. При этомъ мѣстное населеніе часто само страдаетъ отъ малоземелья, напр. въ Шенкурскомъ уѣздѣ теперь приходится около 1 десятины на душу. Надо позаботиться не столько о переселеніи изъ другихъ губерцій, сколько о разселеніи жителей внутри самой губерціи. По дорожному вопросу Зеленкевичъ замѣтилъ, что для сообщенія между собой двухъ отдѣльныхъ рѣчныхъ бассейновъ пригоднѣе всего желѣзныя дороги, а не грунтовыя, а для сообщеній въ предѣлахъ одного бассейна удобнѣе водные пути. Въ частности относительно Мезенской дороги оппонентъ замѣтилъ, что построить ее—дѣло далеко не простое и, что приблизительная стоимость ея будетъ не меньше милліона р.

Ануфриевъ, коснувшись многихъ сторонъ дѣла колонизаціи, между прочимъ, высказалъ чрезвычайно цѣнную мысль относительно Мурмана. Онъ полагаетъ, что колонизовать самое побережье Мурмана—дѣло почти безнадежное: можно, конечно, увеличить населеніе Мурмана на нѣсколько десятковъ или сотенъ семействъ, но рассчитывать на возможность сколько нибудь значительной колонизаціи этой мѣстности, гдѣ жить можно и стоить только въ теченіе лѣтняго промысловаго сезона, нельзя. Вмѣсто того необходимо обратить самое серьезное вниманіе на хиттерландъ Мурмана, т. е. на мѣстность вдоль линіи ж. д. и въ особенности на окрестности озера Пмадры. Тамъ возможно прекрасное скотоводство, тамъ есть гѣсь для стройки и топлива, тамъ, словомъ, возможна постоянная осѣдность. И вотъ эти-то колонисты могутъ выдѣлять изъ своей среды на лѣтній сезонъ известное число промышленниковъ, которые такимъ образомъ будутъ имѣть постоянную осѣдность сравнительно близко отъ Мурмана. Мысль Ануфриева не встрѣтила возраженій и, повидному, рѣшается до сихъ поръ спорный вопросъ о возможности и целесообразности колонизаціи мурманскаго побережья, давая нѣкоторую примирительную формулу для сторонниковъ того и другого взгляда.

Дражевецкій выразилъ свое горячее сочувствіе докладчику, подчеркнувшаго и сведнаго воедино то, надъ чѣмъ думали всѣ, долго работавшіе въ край. Ораторъ находилъ, что нельзя откладывать дѣла колонизаціи впредь до окончательнаго изученія края: практика и теорія здѣсь должны идти рука объ руку, какъ въ С. Америкѣ.

Прот. В. Мелетіевъ привѣтствуетъ докладчика за постановку вопросовъ и за поддержку интереса къ Сѣверу. Ораторъ перечисляетъ

рядъ мѣстностей, гдѣ воиогѣ возможна колонизація, особенно, если будутъ устроены дороги; есть мѣста въ Карелии, въ Лапландіи, пригодность которой для скотоводства доказана дѣятельностью Печенгскаго монастыря. По р. Пазъ-рѣкѣ сплошь финскія поселенія, которыя процвѣтають. Удобныя мѣста по р.р. Колѣ и Туломѣ занимають тоже финны. Отчего-же такъ невозможна и русская колонизація? Необходимо обратить вниманіе на внутреннее расселеніе. Напр. изъ Терскаго берега пора-бы устроить переселеніе на Мурманъ. Населеніе тамъ уже не находитъ источника для пропитанія, а между тѣмъ вѣдь это—люди, которые воиогѣ подходятъ подъ климатическія условія Мурмана и могли бы быть тамъ болѣе у мѣста, тѣмъ пришельцы изъ дальнихъ губерній.

Собраніе Правленія 24 августа. Заслушанъ и одобренъ проектъ положенія о преміи Данишевскихъ за лучшее сочиненіе о Сѣверѣ Россіи и постановили опубликовать объявленіе о конкурсѣ.

Предсѣдателемъ доложено о поступленіи пожертвованій на изданіе брошюры о М. К. Сидоровѣ отъ Союза Лѣсопромышленниковъ (300 р.), Сѣв. пароходн. Об-ва (75 р.), отъ Биржевого Комитета (100 р.) и отъ Купеческаго Об-ва (100 р.). Заслушанъ предварительный финансовый отчетъ по выставкѣ „Русскій Сѣверъ“. Заслушана резолюція, выработанная Турбинымъ и Битрихомъ по вопросу объ охранѣ памятниковъ природы и постановили представить ее на обсужденіе ближайшаго Общаго Собранія.

Разныя вѣсти.

Частное землевладѣніе въ Архангельской губерніи. Число частныхъ владѣній въ нашей губерніи по официальнымъ свѣдѣніямъ (приложеніи къ проекту земской смѣты 1917—1918 г.) насчитывается 18.750; число же владѣльцевъ далеко превосходитъ эту цифру, такъ какъ часто одно и то-же владѣніе принадлежитъ цѣлому селенію и даже сельскому обществу, состоящему изъ многихъ селеній. Общая площадь земель тако-го владѣнія составляетъ 76. 448 дес. и по отношенію къ землямъ сельскихъ обществъ будетъ равна 20,9⁰/₀.

Частное землевладѣніе распределяется отдѣльно по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ уѣздахъ:	Общее число вла- дѣній:	Количе- ство земли дес.
Александровскомъ	62	214
Архангельскомъ	2.067	10.471
Кемскомъ	1.453	6.422
Мезенскомъ	2.374	9.213
Онежскомъ	2.491	11.819
Печорскомъ	1.857	7.909
Пинежскомъ	2.502	7.039
Холмогорскомъ	3.298	10.087
Шенкурскомъ	1.644	12.652

Норвежско-русскія предпріятія въ лѣсной промышленности. Въ Норвегіи въ послѣднее время образовался рядъ обществъ, имѣющихъ цѣлью

использованіе лѣсныхъ богатствъ Россіи и въ частности основаніе древесно-массныхъ фабрикъ. Основавшееся „Russisk Skogsindustri“ акц. общ. съ основнымъ капиталомъ въ 8 милл. кр. намѣрено приобрести лѣсъ въ сѣверной Россіи и отправлять его черезъ Архангельскъ. Съ той же цѣлью учрежденіе и „Det russiske Kompani“ въ Христианіи съ капиталомъ въ 1½ милл. кр. „Kotlas Skogsindustri“ съ капиталомъ въ 3¼ милл. кронъ рассчитываетъ устроить древесно-массный заводъ въ районѣ Вологодской губ.

Организовавшийся консорціумъ купилъ два лѣсонильныхъ завода и прилегающіе къ нимъ лѣса у рѣки Онеги.

Ликвидация нефтяного дыла на Чибенской скважинѣ на Ухтѣ Печорскаго уѣзда. Буреніе Чибенской скважины на Ухтѣ у „Русскаго Товарищества Нефть“ въ маѣ и іюнѣ не производилось и скважина почти не углубилась за неимѣніемъ капатовъ. Въ половинѣ іюня стало извѣстно, что на Ухту т-вомъ командирется для ликвидаціи промысловъ г. Боголюбскій, который еще изъ Петрограда сдѣлалъ распоряженіе о приготовленіи большихъ ледокъ для снѣлава всего имущества на морскую пристань Кую. 10 іюня на Ухту пріѣхалъ и самъ г. Боголюбскій и тотчасъ приступилъ къ ликвидаціи промысловъ и между прочимъ, къ тартаціи нефти изъ Чибенской скважины, для чего вся колонна трубъ въ скважинѣ была приподнята и отвинчено нѣсколько трубъ. При тартаціи въ первый день скважина дала чистой жидкой нефти около 150 пуд., затѣмъ все менѣе и менѣе и въ концѣ 2 недѣли около 15 пуд. На этомъ тартаціе и закончено г. Боголюбскимъ; онъ находитъ суточный дѣбетъ нефти слишкомъ малымъ и т-ву невыгоднымъ, т-во же желало, чтобы суточный дѣбетъ нефти былъ не менѣе 50 пуд.

И въ настоящее время идетъ сѣбная упаковка всѣхъ машинъ, инструментовъ и все направляется въ Баку.

Котласъ—Сорока. Въ связи съ окончательнымъ разрѣшеніемъ вопроса о сооруженіи желѣзной дороги Котласъ—Сорока, соединяющей безпрерывнымъ рельсовымъ путемъ Сибирь съ Мурманомъ, въ настоящее время по пути будущей магистрали приступлено къ разработкѣ плановъ участковъ отвода земель, промѣрамъ и т. п. подготовительнымъ работамъ по постройкѣ новой линіи. Съ предстоящаго года по всей линіи пойдетъ усиленная работа съ сооруженія.

Промыслы Мурманска. По количеству и обилію добываемой рыбы и наживки, промыслы на Мурманѣ были весьма успѣшны. Погода почти все время была тихая, рыбы много крупнѣе близъ самыхъ береговъ.

Но использовать эти въ высшей степени благоприятныя условія не удалось въ полной мѣрѣ. Это объясняется частью недостаткомъ соли, бочекъ и недостаточной приспособленностью нашего пароходнаго сообщенія и вообще тѣмъ, что въ организаціи каждаго дѣла намъ еще многому надо поучиться. Виповаты отчасти были и наши поморы-рыболовники, которые слишкомъ торопились развѣзжаться.